К. Военскій

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

и

ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ
1830—1831 гг.

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I

и

ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ

К. Военскій

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ

и

ПОЛЬША ВЪ 1830 ГОДУ

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ
1830—1831 гг.

ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ

ѲАДДЕЯ ВЫЛЕЖИНСКАГО

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I, ПОДПОЛКОВНИКА ПОЛЬСКАГО ГВАРДЕЙСКАГО КОННО-ЕГЕРСКАГО ПОЛКА

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1905

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I
ВЪ МУНДИРѢ ПОЛЬСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Съ мин., рис. графинею Софьею Замойскою.

Собственность князя В. Н. Орлова.

Императоръ Николай I
въ мундирѣ польскихъ войскъ.

Съ мин., рис. графинею Софiею Замойскою.

Собственность князя В. Н. Орлова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Воспоминанія польскаго полковника Вылежинскаго о событіяхъ 1830 года, впервые появившіяся въ журналѣ «Biblioteka Warszawska», одновременно переведены нами на русскій языкъ и напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» съ разрѣшенія собственника рукописи, графа Адама Красинскаго, просвѣщеннаго владѣльца богатѣйшаго собранія, извѣстнаго подъ именемъ «Biblioteka Ordynacyi Krasińskich. Въ виду особеннаго интереса, который представлялъ собою этотъ поучительный для исторіи русско-польскихъ отношеній матеріалъ, записки были отпечатаны отдѣльною брошюрою, на русскомъ и французскомъ языкахъ, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (100), съ надписью: «не для продажи».

Между тѣмъ въ рецензіи на это изданіе, напечатанной въ восьмой книжкѣ «Русскаго Архива» за 1903 годъ, высказано сожалѣніе, что такая важная по содержанію своему книга не получила болѣе широкаго распространенія и остается неизвѣстной для большин-

ства читающей русской публики [1]) Подобные же отзывы намъ пришлось слышать и отъ многихъ лицъ, ознакомившихся съ содержаніемъ воспоминаній Вылежинскаго.

Чтобы пойти навстрѣчу этому желанію и принести посильную пользу въ дѣлѣ распространенія столь поучительной страницы изъ исторіи русско-польскихъ отношеній, мы рѣшили выпустить въ свѣтъ новое, значительно исправленное и дополненное изданіе «Воспоминаній», снабдивъ его нѣсколькими документами изъ архива покойнаго историка Н. К. Шильдера, подтверждающими полную точность и правдивость фактовъ, сообщаемыхъ въ рукописи Вылежинскаго и дающихъ нѣкоторыя указанія на дальнѣйшую судьбу автора записокъ по возвращеніи его въ Варшаву и по окончаніи революціи 1830 года.

Но къ этому мы сочли себя въ правѣ приступить лишь послѣ новаго обмѣна письмами съ владѣльцемъ рукописи. Полученный нами отвѣтъ графа Красинскаго, любезно предоставившаго намъ право этого изданія, мы считаемъ пріятнымъ долгомъ привести въ подлинникѣ, такъ какъ въ немъ, помимо формальнаго согласія на выпускъ въ свѣтъ «Воспоминаній», содержатся весьма цѣнныя мысли, дающія полное основаніе думать, что духовное единеніе русскаго народа

---

[1]) Почтенный рецензентъ выражаетъ даже негодованіе, что книга не переведена на польскій языкъ, упустивъ почему-то изъ виду, что въ предисловіи мною прямо указано, что записки уже напечатаны въ польскомъ журналѣ.

съ родственнымъ ему по крови польскимъ не есть только мечта, но вполнѣ возможная дѣйствительность.

Вотъ это письмо во французскомъ его оригиналѣ, переводъ котораго мы приводимъ ниже [1]).

«Monsieur. Je viens de recevoir votre aimable lettre par laquelle vous me demandez mon consentement pour la publication des mémoires ou plutôt de la notice historique due à la plume du colonel Wyleżiński.

Je me fais un plaisir de vous autoriser à entreprendre cette publication. Non seulement je n'ai rien contre ce projet, mais tout au contraire, je ne puis, de mon côté, qu'approuver tout ce qui tend à établir, sur une base de justice et d'équité réciproque, des points de rapprochement entre les deux peuples Slaves dont l'un, par son développement et sa puissance de cohésion politique est une force vive «in actu»,— l'autre par ses traditions séculaires et sa civilisation,

---

[1]) Милостивый Государь. Я получилъ Ваше любезное письмо, въ которомъ Вы просите моего разрѣшенія на новое изданіе «Воспоминаній», или вѣрнѣе исторической записки полковника Вылежинскаго.

Мнѣ особенно пріятно дать Вамъ разрѣшеніе на это изданіе, и я не только не встрѣчаю къ этому препятствій, но, напротивъ, не могу не привѣтствовать всего того, что имѣетъ цѣлью установить, на началахъ права и взаимной справедливости, точки соприкосновенія между двумя славянскими народами, изъ коихъ одинъ, въ силу своего развитія и могучаго политическаго единства, представляетъ живую силу «in actu», — другой, благодаря своимъ вѣковымъ традиціямъ и цивилизаціи моральной и духовной, всегда будетъ представлять большую силу «in potentia».

tant morale qu'intellectuelle, est toujours une grande force «in potentia».

Aujourd'hui que nous sommes vis à vis d'une guerre contre une race païenne hardie, entreprenante autant que perverse, les devoirs de la morale chrétienne doivent nous inspirer tous pour le bien commun. Et ceci non seulement dans le sens abstrait et théoriquement, mais dans nos actes aussi bien que dans le fond de notre pensée.

C'est pourquoi je ne puis qu'approuver votre projet ei je le fais en vous priant, Monsieur, d'agréer l'expression de ma considération la plus distinguée.

Comte Adam Krasiński.

Cracovie, le $\frac{10\ \text{Février}}{29\ \text{Janvier}}$ 1904.—Palais Bavany.

Изъ вышеприведенныхъ строкъп очтеннаго редактора «Biblioteka Warszawska» можно притти къ несомнѣнному заключенію, что единеніе между двумя

Въ настоящую минуту, когда мы стоимъ лицомъ къ лицу съ войною противъ языческаго народа, столь же смѣлаго и предпріимчиваго, сколь коварнаго, — требованія христіанской морали должны воодушевить насъ во имя идеи одного общаго дѣла. И это не только въ смыслѣ отвлеченномъ, не только въ теоріи, но въ самыхъ нашихъ поступкахъ, въ глубинѣ нашихъ помысловъ.

Вотъ почему я только могу одобрить Ваше начинаніе и прошу Васъ, М. Г., принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи.

Графъ Адамъ Красинскій.

Краковъ. 10 Февр. 1904 г.
Замокъ Баваны.

великими славянскими народами можетъ и должно осуществиться не столько въ силу политической неизбѣжности сколько на почвѣ взаимнаго уваженія и общности духовныхъ интересовъ. Безпристрастное изученіе и знакомство съ историческимъ прошлымъ обоихъ народовъ несомнѣнно приведетъ къ разсѣянію многихъ заблужденій, ставшихъ ходячею ложью, принимаемой, въ силу косности и зачастую нелѣпыхъ традиціонныхъ воззрѣній, къ сожалѣнію, нерѣдко за истину.

Мы горячо раздѣляемъ благородную мысль графа Красинскаго и твердо вѣримъ, что именно теперь, въ эту историческую минуту борьбы христіанской Россіи съ надвигающейся языческой силой, угрожающей всему христіанству, необходимо всѣмъ воодушевиться идеей *одного общаго дѣла,* въ особенности же тѣмъ, кто подобно Русскимъ и Полякамъ не только братья по Христу, но и по Славянству.

Да будетъ же эта предлагаемая читателямъ страница польско-русской исторіи нашей лептой на пользу сердечнаго, искренняго единенія двухъ великихъ, братскихъ народовъ.

К. Военскій.

Гр. Св. Петра.
Февраль 1905 г.

Считаемъ пріятнымъ долгомъ принести искреннюю признательность почтенному автору «Исторіи Государевой свиты», генералъ-маіору В. В. Квадри, любезно предоставившему въ наше распоряженіе нѣкоторые матеріалы для біографіи Вылежинскаго, а также весьма рѣдкій, впервые появляющійся въ печати, экземпляръ портрета Императора Николая I работы извѣстной художницы графини Софіи Замойской, оригинальная подпись которой «Sophie» воспроизведена на прилагаемомъ снимкѣ. Согласно преданію, талантливая художница, современница Николая I, написала эту прекрасную миніатюру съ натуры во время пребыванія Государя въ Варшавѣ. Оригиналъ принадлежитъ князю В. Н. Орлову. Приносимъ также нашу искреннюю благодарность уважаемому Г. С. Габаеву, знатоку нашей военно-исторической иконографіи, снабдившему насъ цѣнными указаніями о польской арміи 1830 года.

К. В.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ настоящихъ воспоминаній, Ѳаддей Іосифовичъ Вылежинскій (Tadeusz Trzaska Wyleżiński), сынъ польскаго дворянина, родился 5-го октября 1794 года въ м. Теренцѣ Подольской губ. Въ достопамятный 1812 г., въ эпоху вторженія Наполеона въ Россію, 18-ти-лѣтній Вылежинскій, увлеченный энтузіазмомъ, охватившимъ его соотечественниковъ, ожидавшихъ отъ Наполеона возстановленія Польши, поступилъ въ войска Герцогства Варшавскаго и принятъ волонтеромъ въ 8-й уланскій полкъ. Съ этимъ полкомъ, входившимъ въ составъ Великой арміи, совершилъ онъ весь походъ 1812 года и участвовалъ въ сраженіяхъ, подъ *Островной, Витебскомъ, Смоленскомъ, Валутиной горой, Бородинымъ* и *Вороновымъ*, въ каковомъ дѣлѣ, 6-го октября 1812 года, пушечнымъ ядромъ раненъ въ обѣ руки и въ животъ, получилъ сабельный ударъ въ лѣвую руку, а правая была ампутирована. Едва оправившись отъ ранъ, юноша Вылежинскій, произведенный въ январѣ 1813 г. въ подпоручики, снова возвращается въ ряды арміи,

состоя адъютантомъ при гр. Викентіи Красинскомъ, командовавшимъ знаменитымъ Польскимъ уланскимъ полкомъ гвардіи Наполеона (1-er Régiment des Chevaulegers Polonais de la garde Impériale). Въ этомъ году онъ снова участвуетъ въ главнѣйшихъ сраженіяхъ подъ *Бауценомъ, Рейхенбахомъ, Дрезденомъ, Гохкирхеномъ, Лейпцигомъ* и *Ганау* и въ 1814 г.—подъ *Бріенномъ, Лаономъ, Арси-сюръ-Объ, Витри, Сенъ-Дизіе* и *Реймсомъ,* за что въ августѣ 1813 года награжденъ польскимъ орденомъ «Virtuti militari», а въ январѣ 1814 г. пожалованъ Наполеономъ кавалеромъ Почетнаго Легіона. Въ этомъ году, вмѣстѣ съ Польскимъ корпусомъ подъ командою гр. Красинскаго, онъ возвратился изъ Франціи на родину.

Когда послѣ уничтоженія герцогства Варшавскаго и провозглашенія Царства Польскаго приступлено было къ новой организаціи польской арміи, Вылежинскій, въ числѣ многихъ офицеровъ, служившихъ въ войскахъ Наполеона, вернулся въ отечество и вступилъ въ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, въ которомъ съ 1817 года состоялъ въ чинѣ подполковника. Въ рядахъ этого полка застала его революція, и польскіе Конно-Егеря, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ польскихъ полковъ, въ первые дни возстанія находились при Цесаревичѣ Константинѣ, сопровождали его до Мокотовскаго бивака и только 3-го декабря, послѣ письменнаго приказанія Великаго Князя [1]), вернулись въ

[1]) Цесаревичъ послалъ временному Правительству слѣдующее объявленіе: 1) «Дозволяю польскимъ войскамъ, до сего времени остававшимся мнѣ вѣрными, присоединиться къ своимъ». 2) «Я выступаю съ Императорскими войсками и удаляюсь отъ

Варшаву. Избранный вскорѣ Диктаторомъ, генералъ Хлопицкій назначилъ Вылежинскаго своимъ адъютантомъ и въ концѣ декабря 1830 года возложилъ на него щекотливую и крайне отвѣтственную миссію — отправиться въ Петербургъ съ депешами на имя князя Любецкаго, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ Петербургъ со всеподданнѣйшею просьбою о возстановленіи въ царствѣ Польскомъ конституціи 1815 г. Въ Петербургѣ Вылежинскій долженъ былъ оповѣстить князя Любецкаго, а въ случаѣ возможности, и самаго Императора Николая о послѣднихъ событіяхъ въ Варшавѣ.

21-го декабря 1830 года Вылежинскій выѣхалъ изъ Варшавы и, направляясь черезъ Пултускъ, Ломжу, Ковну, Митаву и Ригу, на седьмой день прибылъ въ Петербургъ, гдѣ немедленно явился къ только что назначенному главнокомандующимъ дѣйствующей противъ Польши арміи, *фельдмаршалу Дибичу,* наканунѣ его отъѣзда въ армію. Продолжительный разговоръ Вылежинскаго съ графомъ Дибичемъ, подробно переданный въ этихъ воспоминаніяхъ, въ яркихъ чертахъ рисуетъ намъ личность этого замѣчательнаго человѣка, его отношенія къ *Цесаревичу Константину* и его взгляды на поляковъ, на польскую армію и на главнѣйшихъ польскихъ дѣятелей этой эпохи. Послѣ отъѣзда графа Дибича въ армію, Вылежинскій хотѣлъ вернуться назадъ въ Варшаву. Положеніе его, однако,

столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время ихъ движенія тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи охраненіе зданій, собственности частныхъ лицъ и жизнь особъ». (Карновичъ. Цесаревичъ Конст. Павловичъ. Спб. 1899).

было весьма двусмысленно. Въ Петербургѣ въ немъ едва ли могли видѣть простого парламентера, и, пріѣхавъ въ Россію, онъ чувствовалъ себя, если не военно-плѣннымъ, то во всякомъ случаѣ ограниченнымъ въ свободѣ своихъ дѣйствій. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ приглашенъ къ всесильному въ то время *графу А. Х. Бенкендорфу,* съ которымъ онъ также имѣлъ разговоръ, не лишенный историческаго значенія и наконецъ, черезъ тогдашняго военнаго министра *графа А. И. Чернышова,* Вылежинскому было передано отъ имени Императора Николая, уже освѣдомленнаго о цѣли его командировки, категорическое требованіе высказать прямо и откровенно, желаетъ ли онъ пребыть вѣрнымъ своему долгу и остаться, подобно многимъ другимъ полякамъ, въ Петербургѣ въ ожиданіи приказаній Государя, или же, считая себя связаннымъ съ революціоннымъ правительствомъ,—вернуться въ Варшаву?

Представленное по этому поводу на имя графа Чернышова и доложенное въ тотъ же день Императору Николаю Павловичу письменное объясненіе Вылежинскаго произвело на Государя-рыцаря, всегда уважавшаго прямоту и мужество, настолько благопріятное впечатлѣніе, что онъ не только уважилъ просьбу польскаго офицера о разрѣшеніи ему вернуться въ Варшаву, но даже сдѣлалъ его своимъ флигель-адъютантомъ и, что дороже всего, собственноручною запискою на его имя высказалъ ему, въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ, свое уваженіе, какъ подданному и человѣку (Je trouve dans m-r Wyleżỳnski les sentiments d'un homme d'honneur, d'un brave et loyal militaire et d'un bon polonais).

Въ $9^1/_2$ часовъ вечера, 30-го декабря 1830 года,

Вылежинскій удостоился и личной аудіенціи Императора, который бесѣдовалъ съ нимъ *болѣе двухъ часовъ.* Разговоръ этотъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ полной обаянія личности Императора Николая, записанъ авторомъ въ ту же ночь. Здѣсь мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ исторіи сопоставленіемъ личностей: съ одной стороны русскій Государь, только что пославшій армію для усмиренія мятежной Польши, глубоко оскорбленный неуваженіемъ мятежниковъ къ его брату, едва не погибшему въ волнахъ революціи, съ другой—офицеръ революціонной страны, отдавшійся на великодушіе Царя,—мирно бесѣдуютъ о судьбахъ государствъ и народовъ. Это одна изъ тѣхъ минутъ, когда чувствуется, что людей осѣняетъ великій геній исторіи и сами люди становятся на недосягаемую высоту благородныхъ чувствъ, великодушія и правдивости... Въ этой бесѣдѣ Императоръ Николай является передъ нами во весь ростъ, во всемъ величіи своей воистину рыцарской натуры и, недоступный въ эту минуту для человѣческихъ слабостей, орлинымъ взоромъ окидываетъ Русское государство и его окраины и съ откровенностью, свойственною только крупнымъ натурамъ, говоритъ о польской революціи, о самой Польшѣ и ея народѣ, о польскомъ войскѣ, о цесаревичѣ Константинѣ, высказываетъ свои взгляды на задачи правителя, на революцію вообще и даже на событіе 14-го декабря! Читая эти строки, записанныя Вылежинскимъ съ почти стенографическою точностью, невольно хочется воскликнуть: «да, это Императоръ Николай, это его рѣчь, это живой, величественный образъ русскаго Монарха, преисполненнаго сознаніемъ «высокаго жребія», выпавшаго на долю Русскаго народа, созна-

ніемъ великой отвѣтственности, которая въ эту годину наступающаго бѣдствія лежитъ на Немъ, Помазанникѣ Божіемъ, призванномъ пещись «о людяхъ своихъ». Словомъ — здѣсь вся личность Императора Николая, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности и каковымъ мы знаемъ его изъ разсказовъ, близко стоявшихъ къ нему современниковъ.

Послѣ этого знаменательнаго разговора съ Императоромъ, Вылежинскій вернулся къ гр. Чернышову и, получивъ отъ него открытый листъ для проѣзда черезъ границу, выѣхалъ изъ Петербурга направляясь черезъ Ригу, Ковну, Сувалки, и 6-го января новаго стиля прибылъ въ Варшаву.

Таково содержаніе «Воспоминаній Вылежинскаго» значеніе которыхъ для характеристики Императора Николая I и для исторіи польской смуты 1830—1831 годовъ несомнѣнно должно получить особенную важность для будущихъ бытописателей этой эпохи.

Вылежинскій извѣстенъ и военно-литературными своими трудами, печатавшимися въ 1841 и 1842 годахъ въ журналѣ «Biblioteka Warszawska». Изъ наиболѣе извѣстныхъ его статей, напечатанныхъ за это время, укажемъ на двѣ: 1) Лейпцигское сраженіе 1813 года и 2) Военныя операціи послѣ Лейпцигской битвы: сраженіе при Ганау и конецъ осенней кампаніи 1813 года въ Германіи.

Вылежинскій скончался въ Варшавѣ въ 1844 году, пятидесяти лѣтъ отъ роду.

К. В.

ШЕСТНАДЦАТЬ ДНЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ ѲАДДЕЯ ВЫЛЕЖИНСКАГО

ИЗЪ ВАРШАВЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ЭПОХУ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

1830—1831 г.г.

I.

Провозглашеніе революціи 1830 г.— Генералъ Хлопицкій.— Моя командировка въ Петербургъ.—Инструкція диктатора.—Отъ Варшавы до русской границы.—Ковно.—Князь Лопухинъ.—Меня считаютъ парламентеромъ.—Генералъ Паленъ 1-й.—Отъ Шавель до Петербурга въ саняхъ.—Мои спутники.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Фельдмаршалъ Дибичъ. Его портретъ.—Продолжительная съ нимъ бесѣда.

Польское возстаніе, начавшееся въ Варшавѣ въ ночь съ 29-го на 30-е ноября 1830 г., разыгралось окончательно 3-го декабря, когда прибыли польскія войска, находившіяся съ самаго начала съ Великимъ Княземъ *Константиномъ Павловичемъ,* и когда Цесаревичъ выступилъ съ русскою гвардіею изъ бивака близъ *Мокотова* и направился къ границамъ царства черезъ *Пулавы.* 5-го декабря генералъ *Хлопицкій* [1]) провозгласилъ себя Диктаторомъ, а 20-го того же мѣсяца было первое засѣданіе Сейма, на которомъ соединенныя палаты провозгласили польскую революцію на-

[1]) Іосифъ Хлопицкій. 1772 † 1857. Бывшій офицеръ Наполеоновскихъ войскъ. Въ чинѣ генерала, участвовалъ въ кампаніи 1812 года. Затѣмъ, по учрежденіи польской арміи въ 1815 г., командовалъ дивизіей.

ціональною и утвердили Диктаторомъ генерала Хлопицкаго. Дней за десять до этихъ событій въ Петербургъ отправленъ былъ, для переговоровъ, *князь Любецкій,* котораго сопровождалъ *графъ Янъ Езерскій.* Такъ какъ миссія ихъ не имѣла еще строго официальнаго характера, то необходимо было увѣдомить ихъ о дѣйствіяхъ Сейма и оформить ихъ положеніе приказомъ Диктатора, избраннаго уже представителями націи. Для этой цѣли надо было отправить кого-нибудь къ *князю Любецкому*[1]), и выборъ палъ на меня, какъ на лицо, исполнявшее въ это время обязанности адъютанта при Диктаторѣ.

Я не знаю, почему именно выборъ палъ на меня, но мнѣ кажется, что Диктаторъ, желая отправить въ Петербургъ лицо, которое бы могло сообщить все, что происходитъ въ Варшавѣ и вообще въ царствѣ, не хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ подвергать это лицо разнымъ случайностямъ. Думаю поэтому, что онъ рѣшилъ командировать въ эту поѣздку такого офицера, который не только не принималъ участія въ началѣ революціоннаго движенія, но напротивъ того находился вмѣстѣ съ войсками, бывшими въ первые моменты при Великомъ Князѣ, и такимъ образомъ дѣйствія его могли считаться вполнѣ лойяльными. Я именно принадлежалъ къ числу таковыхъ, такъ какъ въ первый день возстанія я вмѣстѣ съ генераломъ *Красинскимъ*[2])

---

[1]) *Кн. Ксаверій Францовичъ Друцкій-Любецкій.* 1778 + 1846. Министръ Фин. Цар. Польск. Впослѣд. д. т. с и членъ Государ. Совѣта.

[2]) *Графъ Викентій Ивановичъ Красинскій.* Командиръ знаменитыхъ польскихъ уланъ гвардіи Наполеона I. Впослѣдствіи Ген.-Адъютантъ и членъ Госуд. Совѣта. Умеръ въ 1858 г.

и гвардейскимъ Конно-Егерскимъ полкомъ находился въ числѣ войскъ, подвергавшихся выстрѣламъ со стороны народа и солдатъ, начавшихъ революцію. Въ Варшаву я вернулся обратно 3-го декабря, согласно письменному разрѣшенію, выданному цесаревичемъ Константиномъ польскимъ войскамъ, находившимся при немъ[1]). Кромѣ того, я хорошо зналъ Петербургъ и былъ лично извѣстенъ Императору Николаю. Еще пять мѣсяцевъ тому назадъ я пробылъ шесть недѣль въ Петербургѣ вмѣстѣ съ генераломъ Красинскимъ и, какъ по своему чину, такъ и благодаря моимъ ранамъ, я пользовался извѣстнымъ вниманіемъ въ военныхъ кругахъ, среди которыхъ мнѣ приходилось вращаться.

Что касается меня лично, то командировка эта не особенно мнѣ улыбалась, такъ какъ, не говоря уже о трудностяхъ, сопряженныхъ съ такимъ продолжительнымъ путешествіемъ въ столь суровое время года, несомнѣнно, что первый польскій офицеръ, явившійся въ Петербургъ послѣ революціи и долженствовавшій представиться Императору, не только не могъ разсчитывать на хорошій пріемъ, но имѣлъ полное основаніе опасаться за свою свободу и ожидать всевозможныхъ непріятностей.

Двадцать перваго декабря 1830 года я съ утра

---

[1]) Слѣдующія польскія войска состояли при цесаревичѣ до 3-го декабря 1830 года; 1) гвардейскій Конно-Егерскій полкъ въ полномъ составѣ, 2) гвардейскіе гренадеры, исключая 3 роты второго батальона, 3) сводный карабинерный батальонъ перваго и третьяго егерскихъ полковъ, 4) первая рота 6 линейнаго полка, 5) эскадронъ юнкерскаго кавалерійскаго училища и 6) четыре орудія артиллерійской школы. Общая численность этихъ войскъ доходила до 4 тысячъ человѣкъ.

отправился къ Диктатору, который жилъ въ это время въ домѣ *Микульскаго,* на углу *Бѣлянской* улицы. Въ полдень я завтракалъ у него съ его штабомъ. Разговоръ шелъ о событіяхъ дня и полковникъ *Вонсовичъ,* довѣренное лицо Диктатора, сказалъ мнѣ, что кого-то уже командировали въ Петербургъ для сообщенія о постановленіи Сейма. Сдѣлавъ нѣсколько поѣздокъ по городу, я вернулся домой въ пятомъ часу съ намѣреніемъ не выходить изъ квартиры, такъ какъ былъ сильно утомленъ и чувствовалъ себя нѣсколько нездоровымъ. Между тѣмъ мой человѣкъ сообщилъ мнѣ, что три адъютанта приходили ко мнѣ отъ имени Диктатора, который требовалъ меня къ себѣ. Я подозрѣвалъ, что мнѣ хотятъ дать какую-нибудь командировку, но былъ увѣренъ, что меня пошлютъ въ одинъ изъ уѣздовъ царства. Я тотчасъ отправился къ Диктатору и въ пріемной, переполненной, какъ всегда, множествомъ офицеровъ, я узналъ, что генералъ ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ. Войдя въ комнату, я увидѣлъ въ ней нѣсколько человѣкъ, съ которыми Диктаторъ бесѣдовалъ, и одинъ изъ нихъ, *генералъ Шверинъ* (лицо, также близкое къ Диктатору), подошелъ ко мнѣ и сказалъ вполголоса:

— Вы знаете, васъ отправляютъ?

— Далеко?

— Да, довольно...

Вспомнивъ изъ разговора съ *Вонсовичемъ,* что въ Петербургъ уже отправили кого-то, я съ радостью заключилъ, что меня командируютъ за границу. Но вскорѣ мнѣ пришлось разочароваться, ибо Диктаторъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Есть у васъ хорошая шуба?

— Есть, генералъ.

— Очень хорошо... вамъ немедленно придется отправиться въ Петербургъ.

Извѣстіе это поразило меня: мнѣ тотчасъ представились всѣ непріятности, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ, но я, не задумываясь, отвѣтилъ Диктатору:

— Я готовъ. Будутъ ли мнѣ даны бумаги?

— Да, вы получите депеши на имя князя Любецкаго.

— Но пропустятъ ли меня черезъ границу?

— Объ этомъ вамъ надо постараться.

— Такъ какъ мнѣ, быть можетъ, придется бесѣдовать въ Петербургѣ съ Императоромъ, то я просилъ бы ваше превосходительство дать мнѣ на этотъ случай соотвѣтствующія инструкціи.

— Прошу васъ зайти ко мнѣ черезъ два часа, и тогда я подробнѣе переговорю съ вами объ этомъ; а пока постарайтесь запастись всѣмъ необходимымъ и приготовиться къ отъѣзду сегодня же вечеромъ.

Обернувшись затѣмъ къ президенту банка, графу *Ельскому,* который находился тутъ же, Диктаторъ сказалъ:

— Прошу васъ приготовить необходимую сумму для поѣздки полковника.

Озабоченный и удрученный этимъ неожиданнымъ порученіемъ, я быстро приготовилъ все къ отъѣзду, получилъ изъ банка 250 червонцевъ, простился съ друзьями, заказалъ почтовыхъ лошадей и къ восьми часамъ вечера явился къ Диктатору, уже готовый къ отъѣзду.

Генералъ Хлопицкій былъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, когда я вошелъ къ нему. Онъ подошелъ ко мнѣ и

сказалъ: «Вы поѣдете черезъ Ковно, такъ какъ это кратчайшій путь, и притомъ вы не должны встрѣчаться съ Великимъ Княземъ Константиномъ. Въ Ковнѣ вы увидите *генерала Безобразова,* начальника первой гусарской дивизіи; вы скажете ему, что отправлены съ депешами въ Петербургъ, и спросите у него паспортъ для дальнѣйшаго путешествія. Если онъ откажетъ вамъ въ выдачѣ этого паспорта, вы напомните ему, что десять дней тому назадъ *флигель-адъютантъ* Императора Николая, *полковникъ Гауке,* былъ отправленъ изъ Петербурга въ царство и получилъ разрѣшеніе отъ польскихъ властей прибыть въ Варшаву; что въ виду этого вы полагаете справедливымъ получить подобное же разрѣшеніе для проѣзда въ Петербургъ, и будете настаивать на вашей просьбѣ. Если же вамъ все-таки будетъ отказано, то вы вручите ваши депеши генералу Безобразову, взявъ съ него расписку, и попросите его отправить эти бумаги немедленно, съ эстафетой. Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ употребить всѣ усилія и постараться лично прибыть въ Петербургъ. Если бы генералъ захотѣлъ предварительно отправить васъ къ Великому Князю Константину [1]), вы отвѣтите ему, что поѣздка эта заставитъ васъ сдѣлать большой крюкъ, а такъ какъ порученіе ваше экстренное и срочное, то вамъ никакъ нельзя на это согласиться. Въ остальномъ полагаюсь на вашу опытность и на вашъ тактъ, кои укажутъ вамъ, какъ лучше поступить при данныхъ обстоятельствахъ».

---

[1]) Великій князь въ это время находился близъ Брестъ-Литовска, и князь Любецкій направился по этому пути.

Выслушавъ эти инструкціи, я спросилъ Диктатора, какъ слѣдуетъ мнѣ говорить на случай, если бы Императоръ пожелалъ меня видѣть.

«Если вы увидите Императора Николая, вы будете говорить съ Его Величествомъ съ тѣми чувствами, которыя вы обязаны имѣть по отношенію къ вашему государю: вы будете отвѣчать на всѣ его вопросы съ полной искренностью и правдивостью. Вы сами, конечно, видите здѣшнее положеніе вещей и укажете императору на все, что у насъ здѣсь происходитъ, безъ всякой утайки, какъ подобаетъ говорить съ монархомъ. Если онъ захочетъ узнать подробности о польской арміи, вы доложите Его Величеству, что четвертые батальоны формируются, а равно пятые и шестые эскадроны кавалерійскихъ полковъ; что изготовлено сорокъ новыхъ орудій, и формируются батальоны подвижной гвардіи, а также новые кавалерійскіе полки въ провинціяхъ, — однимъ словомъ, вы опишите Его Величеству все, что вы здѣсь видѣли. Наконецъ, для болѣе полнаго уясненія вашей роли и усвоенія моихъ желаній, вамъ необходимо отправиться къ моему секретарю *Красинскому:* онъ покажетъ вамъ копію моего письма къ Императору, которое я отправилъ черезъ князя Любецкаго».

Я отправился къ Александру Красинскому, который жилъ тутъ же; онъ показалъ мнѣ это письмо, ставшее впослѣдствіи историческимъ. Изъ него я заключилъ, что генералъ Хлопицкій желаетъ мирнаго разрѣшенія вопроса, и что онъ вѣритъ въ возможность возстановленія и сохраненія порядка, если Государь захочетъ войти въ положеніе поляковъ, внять ихъ жалобамъ и завѣрить ихъ, что отнынѣ консти-

туція будетъ строго сохранена; при этомъ Диктаторъ указывалъ, что въ виду существующаго положенія вещей единственнымъ исходомъ избѣгнуть большихъ бѣдствій было бы великодушное прощеніе Императора. Во всемъ этомъ письмѣ слышалась рѣчь благороднаго человѣка, высказывающаго передъ Императоромъ свои взгляды съ искренностью стараго солдата, который желаетъ видѣть въ немъ своего монарха, указавъ при этомъ, что принятіе имъ диктатуры вызвано исключительнымъ желаніемъ прекратить безпорядки, ибо онъ лично никогда не желалъ революціи. Изъ всего сказаннаго я понялъ роль, предписанную мнѣ Диктаторомъ, и увидѣлъ, что онъ далеко не желалъ войны, былъ увѣренъ, что не дойдетъ до этой крайности, и что естественно онъ не разсчитывалъ на благопріятный исходъ борьбы съ могущественною Россіей.

Когда я вернулся къ Диктатору, онъ вручилъ мнѣ депеши для князя Любецкаго, которыя онъ только что подписалъ въ моемъ присутствіи. Меня снабдили также открытымъ листомъ для полученія содѣйствія отъ мѣстныхъ властей въ царствѣ, а *генералъ Мрожинскій*, начальникъ штаба Диктатора, велѣлъ выдать мнѣ паспортъ для проѣзда черезъ границу и предъявленія его русскимъ властямъ.

Въ заключеніе Диктаторъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Вы скажете въ Петербургѣ всю правду о томъ, что здѣсь происходитъ. Вы сразу поймете, что думаютъ о насъ, что собираются дѣлать, какія военныя приготовленія дѣлаются въ Россіи, какія войска направляются противъ Польши и т. д. Наблюдайте за всѣмъ и старайтесь ничего не упускать изъ виду, впрочемъ я вполнѣ разсчитываю на ваше усердіе. Будьте же

внимательны и возвращайтесь скорѣе. Вы скажете также, что я отправилъ въ Брестъ, къ Цесаревичу, всѣхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Варшавѣ. Что же касается генераловъ и офицеровъ, находящихся здѣсь, то я не могу ихъ вернуть въ Россію, пока не узнаю, что намѣрены дѣлать съ польскими сенаторами и офицерами, прибывающими въ Россіи. Во всякомъ случаѣ, вы можете сказать, что всѣ русскіе здѣсь находятся въ безопасности, и что я забочусь о нихъ. Прощайте, желаю вамъ счастливаго пути и скораго возвращенія».

Послѣ этихъ лаконическихъ и краткихъ инструкцій онъ пожалъ мнѣ руку и вышелъ изъ кабинета. Перейдя въ сосѣднюю гостиную, я передъ отъѣздомъ былъ приглашенъ выпить чаю съ генераломъ Шембекомъ и нѣкоторыми офицерами изъ штаба Диктатора. *Генералъ Шембекъ* говорилъ со мною довольно долго, прося передать въ Петербургѣ, на случай, если я увижу Императора, что онъ, Шембекъ, никогда не желалъ революціи, и что если онъ, въ числѣ первыхъ, отправился со своимъ полкомъ въ Варшаву, то это лишь въ виду того, что ему невозможно было поступить иначе, ибо въ противномъ случаѣ его разстрѣляли бы его собственные солдаты, воспламененные революціоннымъ духомъ и возбужденные вожаками возстанія.

Полковникъ Вонсовичъ доказывалъ мнѣ, что мы всѣ находимся подъ вліяніемъ революціонной партіи, успѣхи которой идутъ чрезвычайно быстро. Уже можно было замѣтить, что наиболѣе выдающіяся лица главнаго штаба и арміи увлечены общимъ потокомъ помимо своей воли.

Проговоривъ еще нѣкоторое время, я, наконецъ, разстался съ присутствующими, заѣхалъ проститься съ отцомъ и ровно въ одиннадцать часовъ вечера 21 декабря 1830 года въѣзжалъ на Пражскій мостъ въ почтовой бричкѣ и, въ сопровожденіи моего слуги, летѣлъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Дорога отъ Варшавы до Ковны была довольно пріятна, такъ какъ ѣхать пришлось по хорошему шоссе; погода не была особенно холодная, и было довольно сухо. Ночью я проѣхалъ *Пултускъ,* гдѣ расположенъ былъ гвардейскій Конно-Егерскій полкъ, а на другое утро прибылъ въ *Остроленку,* гдѣ увидѣлъ множество крестьянъ, вооруженныхъ косами и пиками; ихъ собрали въ этомъ мѣстѣ, чтобы организовать роты и баталіоны, и понемногу обучали строю. Въ *Ломжѣ* было то же самое, какъ и въ большинствѣ другихъ мелкихъ городовъ. Всюду по дорогѣ видны были войска, приготовлявшіяся къ походу; во всѣхъ кузницахъ оттачивали косы и ковали наконечники для пикъ. Почти во всѣхъ мѣстечкахъ и деревняхъ на возвышенныхъ мѣстахъ водружены были высокіе шесты, обернутые въ солому, на вершинѣ которыхъ стояли бочки съ дегтемъ; шесты эти охранялись днемъ и ночью небольшими отрядами крестьянъ, которые должны были зажигать ихъ при видѣ непріятеля и этимъ дать сигналъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Все это, вмѣстѣ взятое, придавало мѣстности видъ страны, въ которой происходитъ возстаніе.

Около десяти часовъ утра 23-го декабря я прибылъ въ *Маріамполь,* гдѣ встрѣтилъ отставного полковника Осиповскаго, которому поручена было организація военнаго набора въ *Августовскомъ палатинатѣ;* здѣсь же увидѣлъ *майора Пушета* (извѣстнаго впослѣдствіи партизана, который вскорѣ умеръ отъ усталости и лишеній во время этой войны) и другихъ. Въ Маріамполѣ была сосредоточена организація кавалеріи, и на площади я увидѣлъ болѣе тысячи лошадей, маленькихъ, но крѣпкихъ. Тутъ же шло обмундированіе людей и вооруженіе ихъ, при чемъ почти всѣ имѣли пики, а многіе вооружены были также саблями. Я засталъ всѣхъ офицеровъ въ ратушѣ за завтракомъ и спросилъ ихъ, возможна ли переправа черезъ Нѣманъ? Сначала большинство отнеслись ко мнѣ съ недовѣріемъ и съ подозрѣніемъ смотрѣли на меня, но когда узнали, что я адъютантъ Диктатора, отправленный съ бумагами въ Петербургъ, то мнѣ немедленно и весьма охотно сообщили всѣ необходимыя справки, а *полковникъ Осиповскій* предложилъ мнѣ даже отправиться на ближайшій постъ, гдѣ собраны были еще шестьсотъ лошадей. Прибывъ туда, я увидѣлъ эту новую революціонную кавалерію, которую организовалъ *капитанъ Шоонъ,* впослѣдствіи взятый въ плѣнъ и повѣшенный русскими войсками, находившимися подъ начальствомъ *генерала Фрикена.*

Вечеромъ я прибылъ въ мѣстечко *Алексоту,* пограничный пунктъ на польско-русской границѣ, близъ Нѣмана, какъ разъ напротивъ *Ковны.* Начальникъ польской таможни въ Алексотѣ сказалъ мнѣ, что съ противоположнымъ берегомъ нѣтъ сообщенія, такъ какъ вода слишкомъ высока, и переправа ночью можетъ быть чрезвычайно опасна, почему онъ и совѣтовалъ мнѣ переночевать до слѣдующаго дня и въ это время справиться на русской таможнѣ о дальнѣй-

шемъ пропускѣ; онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что *полковникъ Гауке* поступилъ точно также, но прибавилъ, что, вѣроятно, меня не пропустятъ черезъ границу, такъ какъ въ русскихъ таможняхъ полученъ былъ объ этомъ приказъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду данныхъ мнѣ инструкцій, я рѣшилъ попробовать перейти на русскую территорію, не предупреждая властей, и внезапно представиться командующему въ Ковнѣ генералу. Въ виду этого я сѣлъ въ лодку и переправился вмѣстѣ съ своимъ человѣкомъ и съ пачтальономъ, которому приказалъ трубить въ рожокъ при приближеніи къ русскому берегу. Вечеромъ, въ семь съ половиной часовъ, когда уже было совершенно темно, я высадился въ Ковнѣ 23-го декабря 1830 года.

Здѣсь меня встрѣтилъ мѣстный полицеймейстеръ съ нѣсколькими солдатами, державшими въ рукахъ фонари и пришедшими на звукъ трубы. Полицеймейстеръ спросилъ меня, кто я и зачѣмъ пріѣхалъ, и, получивъ отвѣтъ, что я полковникъ польскихъ войскъ, отправленный съ бумагами изъ Варшавы въ Петербургъ, и желаю видѣть *генерала Безобразова,*— согласился проводить меня къ генералу. Тѣмъ временемъ множество таможенныхъ стражниковъ окружили моего слугу, взяли мои вещи и направились къ зданію таможни. Прибывъ къ генералу Безобразову, я отрекомендовался ему и изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Генералъ былъ добродушный, симпатичный старикъ, который сообщилъ мнѣ, что сегодня прибылъ изъ Петербурга *князь Лопухинъ,* которому онъ уже сдалъ командованіе первою гусарскою дивизіей, и что въ виду этого мнѣ слѣдуетъ обратиться къ нему. Князь

Лопухинъ, къ которому я тотчасъ отправился, былъ красивый мужчина, богатый и чрезвычайно изящный человѣкъ, и принялъ меня съ отмѣнною вѣжливостію. Я сообщилъ ему цѣль моей поѣздки и просилъ его снабдить меня паспортомъ. На это князь отвѣтилъ мнѣ, что онъ только что пріѣхалъ, и что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право пропустить меня дальше, но просилъ меня обождать немного, пригласивъ выпить съ нимъ чаю, во время котораго между нами завязался разговоръ.

Онъ говорилъ, что рѣшительно не понимаетъ причины польской революціи, такъ какъ, насколько ему извѣстно, Польша была счастлива и богата; что онъ чувствуетъ большую симпатію къ Польшѣ; что онъ былъ пять разъ влюбленъ въ полекъ и т. д. и т. д. На это я отвѣтилъ ему, что дѣйствительно теперешняя революція сначала была вызвана въ Польшѣ кучкою молодежи, горячими головами, но что въ настоящее время къ нимъ присоединилась вся нація, что Сеймъ объявилъ революцію національною, что *генералъ Хлопицкій,* провозглашенный Диктаторомъ, уже водворилъ порядокъ, и т. д. Я сказалъ ему также, что матеріально Польша несомнѣнно благоденствовала, но что съ нравственной и съ политической стороны было много причинъ къ недовольству, и что мы надѣемся на *Императора Николая,* который, вѣроятно, захочетъ войти въ наше положеніе.

Бесѣда наша продолжалась въ этомъ духѣ, и во время разговора къ *князю Лопухину* являлись нѣсколько лицъ съ докладами, послѣ чего онъ сказалъ мнѣ:

— Собственно говоря, я не долженъ былъ пускать васъ на нашу территорію, ибо таковъ общій порядокъ; но я буду смотрѣть на васъ, какъ на парламентера,

дамъ вамъ конвой и отправлю васъ къ командиру перваго армейскаго корпуса, *генералу Палену* [1]), коего авангардомъ я только командую [2]). Вы встрѣтите генерала по эту сторону, близъ Митавы, такъ какъ онъ уже находится на маршѣ. У вашего человѣка нашли пистолеты, и вы извините меня, что я, по обычаю, велѣлъ отобрать ихъ и передать солдату вашего конвоя. Въ вашемъ чемоданѣ также нашли довольно большой свертокъ, адресованный на имя г. Туркула, въ Петербургъ...

На это я отвѣчалъ князю, что это были газеты, полученныя мною отъ молодого графа Замойскаго для передачи г. *Туркулу*, и что я за этотъ свертокъ не отвѣчаю. Послѣ этого князь просилъ меня показать ему депеши, посылаемыя на имя *князя Любецкаго*, и когда я вручилъ ему ихъ, онъ взялъ ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами, положилъ въ большой конвертъ и запечаталъ печатью. Тогда я замѣтилъ ему, что отвѣчаю за эти бумаги и просилъ бы дать мнѣ въ нихъ расписку. Но князь успокоилъ меня, сказавъ, что гусарскій офицеръ, который будетъ меня сопровождать, доставитъ ихъ въ сохранности и что вообще таковы обычаи при отправленіи парламентеровъ. Въ это же время въ комнату вошелъ офицеръ въ формѣ Клястицкаго гусарскаго полка, которому князь вручилъ бумаги, далъ наставленіе и любезно распростился со

---

[1]) Гр. П. П. фонъ-деръ-Паленъ. Впослѣдствіи Ген.-Инсп. Кав. и членъ Госуд. Совѣта.

[2]) Послѣ войны я встрѣтился съ княземъ Лопухинымъ, и онъ сказалъ мнѣ, что получилъ выговоръ отъ генерала Палена за то, что пропустилъ меня, но разъ что я былъ уже въ странѣ, онъ рѣшилъ пропустить меня дальше.

мною. Въ десять часовъ вечера я выѣхалъ изъ Ковны, сидя въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, вмѣстѣ съ офицеромъ, а въ слѣдующихъ саняхъ ѣхалъ мой слуга съ гусаромъ, который былъ при оружіи и съ заряженнымъ карабиномъ въ рукахъ.

Мой спутникъ, гусарскій офицеръ, оказался бравымъ нѣмцемъ, съ которымъ я бесѣдовалъ на его языкѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что вся первая гусарская дивизія уже собрана близъ Ковны и находится въ полной боевой готовности. Погода была прескверная, дулъ сильный вѣтеръ и послѣ первой же станціи мы едва не потонули, переѣзжая по слабому льду въ нашихъ маленькихъ саняхъ. На другой день, въ два часа по полудни, мы прибыли въ городъ *Шавли* въ Самогитіи, гдѣ встрѣтили генерала Палена 1-го, который прибылъ сюда съ четвертымъ полкомъ пѣхоты 1-го армейскаго корпуса, находившагося уже на маршѣ. Мы остановились на почтовой станціи въ небольшомъ скверномъ домишкѣ, на краю города, гдѣ мой спутникъ, гусарскій офицеръ, меня оставилъ, взявъ съ меня обѣщаніе не говорить ни съ кѣмъ и поручивъ своему солдату слѣдить за мной. Вернувшись, онъ сообщилъ мнѣ, что былъ у генерала *Палена*, передалъ ему мои депеши, и что въ скоромъ времени генералъ пришлетъ кого-нибудь сюда для объявленія своихъ приказаній. Въ это время, у дверей почтовой станціи я увидѣлъ дорожную коляску (берлинъ) съ гербами Замойскихъ и узналъ, что это былъ *графъ Замойскій*, президентъ польскаго Сената, который, прибывъ полчаса послѣ меня, проѣхалъ въ Петербургъ, но я его уже не видѣлъ. Желая убить время, я занялся бесѣдою съ моимъ спутникомъ, офицеромъ, на разныя

темы, а также о послѣдней революціи, происшедшей въ Варшавѣ. Между тѣмъ въ тщетномъ ожиданіи прошло уже болѣе шести часовъ и, увидѣвъ, что отъ генерала *Палена* посланнаго все нѣтъ, я потерялъ терпѣніе и сталъ требовать, чтобы мнѣ категорически объявили, пропустятъ ли меня дальше или нѣтъ; въ противномъ же случаѣ я прошу выдать мнѣ расписку въ принятіи отъ меня депешъ и отправить меня обратно; если же желаютъ, чтобы я ѣхалъ дальше, то я не могу ожидать такъ долго, ибо бумаги, которыя я везу,—спѣшныя. Въ виду этого я хотѣлъ написать письмо къ начальнику штаба генерала Палена, но офицеръ сказалъ мнѣ, что это запрещено. Наконецъ мнѣ удалось убѣдить его отправиться еще разъ къ начальнику Корпуса и передать ему все то, что я только что сказалъ ему. Когда онъ уѣхалъ, я предался печальнымъ размышленіямъ, будучи увѣренъ, что, судя по всему, меня захотятъ задержать въ плѣну. Послѣ цѣлаго часа томительнаго ожиданія вернулся наконецъ офицеръ и сообщилъ мнѣ, что онъ все въ точности передалъ генералу и что меня тотчасъ отправятъ въ Петербургъ въ сопровожденіи одного офицера и унтеръ-офицера пѣхотнаго полка. Въ заключеніе, онъ сказалъ мнѣ, что *генералъ Паленъ* подробно разспрашивалъ его, на какомъ языкѣ я съ нимъ говорилъ и бесѣдовалъ ли я съ нимъ о событіяхъ въ Варшавѣ; на что онъ отвѣтилъ генералу, что я говорю по-нѣмецки, но что о революціи у насъ не было съ нимъ никакихъ разговоровъ (что не было совсѣмъ вѣрно), что въ общемъ я былъ чрезвычайно вѣжливъ и мало разговорчивъ. При этомъ онъ посовѣтовалъ мнѣ дружески поменьше разговаривать съ пѣхотнымъ

офицеромъ и вообще быть осторожнѣе, такъ какъ этому молодому человѣку предписано, повидимому, доносить обо всемъ по начальству. Я искренно поблагодарилъ моего добраго спутника и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, что думаютъ дѣлать со мною. Онъ сказалъ мнѣ на это, что теперь меня отправятъ къ главнокомандующему дѣйствующей арміей, *фельдмаршалу Дибичу,* который находится еще въ Петербургѣ, но потомъ... онъ пожалъ плечами, подалъ мнѣ руку и простился.

Итакъ я ѣду въ Петербургъ... Будь, что будетъ... но вернусь ли я оттуда? Мы плохо поужинали, послѣ чего я купилъ пару полушубковъ, чтобы покрыть ноги себѣ и моему слугѣ, ибо до Петербурга оставалось еще сто двадцать миль, и мы все подвигались на сѣверъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ наконецъ пѣхотный офицеръ, котораго мой бывшій спутникъ, гусарскій офицеръ, познакомилъ со мною и просилъ позаботиться обо мнѣ во время пути. Въ полночь мы сѣли въ сани и размѣстились слѣдующимъ образомъ: въ первыхъ саняхъ сидѣлъ я съ офицеромъ, а напротивъ, на передкѣ, сидѣлъ унтеръ-офицеръ, вооруженный моими же пистолетами, а въ другихъ сидѣлъ мой человѣкъ съ денщикомъ офицера. Мой новый спутникъ, подпоручикъ четвертаго полка пѣхоты, по фамиліи *Васильевъ,* былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, только что окончившимъ кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, и съ которымъ я также говорилъ понѣмецки. Что касается унтеръ-офицера, то это былъ высокаго роста, красивый молодой человѣкъ, родомъ курляндецъ, сынъ протестантскаго пастора, по имени *Шульцъ.* Прогонныя деньги я передалъ офицеру, чтобы

не платить на каждой станціи, и только во время остановокъ я пользовался случаемъ, чтобы вздремнуть немного. Расходы по продовольствію я взялъ на себя, и кажется, что мои спутники были мной довольны.

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ я ѣхалъ по тому же пути вмѣстѣ съ генераломъ графомъ *Викентіемъ Красинскимъ,* состоявшимъ въ свитѣ Императора. Погода стояла великолѣпная, во время пути намъ оказывали всевозможныя почести, а въ Петербургѣ насъ ожидали празднества, балы, знаменитый праздникъ въ Петергофѣ и большіе маневры гвардіи, на которые былъ приглашенъ и *шведскій принцъ Оскаръ...* И вотъ теперь мнѣ снова пришлось ѣхать по тому же пути, но уже въ скверную, холодную погоду, въ маленькихъ открытыхъ саняхъ, одинокому, въ сопровожденіи военнаго конвоя, и на каждой станціи на меня смотрѣли, какъ на преступника, боясь говорить со мною и издали посматривая на меня съ подозрѣніемъ... А въ Петербургѣ? что ожидаетъ меня тамъ?—невольно задавалъ я себѣ вопросъ. Я уже представлялъ себѣ строгое, суровое лицо *Императора Николая,* его упреки по отношенію къ польскому народу, а тамъ, быть можетъ, меня ожидаетъ крѣпость, и мнѣ уже не придется вернуться этой дорогою, не придется увидѣть родины и друзей,—словомъ, меня охватили самыя мрачныя и тревожныя мысли. Тѣмъ не менѣе надо было примириться съ судьбою и съ чистой совѣстью и надеждою на милость Божественнаго Провидѣнія ожидать рѣшенія своей участи.

Въ Самогитіи зданія почтовыхъ станцій чрезвычайно скверны, и путешественнику трудно найти въ

нихъ самое необходимое, но, начиная отъ Митавы (Курляндія) и до самаго Петербурга, несмотря на то, что страна довольно бѣдная и негостепріимная, почтовыя станціи очень хороши и представляютъ собою большіе дома, въ которыхъ можно найти все необходимое для продовольствія путешественниковъ. Объясняется это тѣмъ, что по этому пути лежитъ большой почтовый трактъ, идущій изъ Петербурга за границу. Миновавъ Шавли, гдѣ мы встрѣтились съ адъютантомъ фельдмаршала, ѣхавшимъ въ дѣйствующую армію, мы вечеромъ, близъ Риги, переѣхали Двину по льду. Около Дерпта мы увидѣли гренадерскую бригаду вмѣстѣ съ артиллеріей, направлявшуюся къ польской границѣ, и невольно, при видѣ этихъ войскъ, шедшихъ противъ моей родины, у меня болѣзненно сжалось сердце. Во все время этого довольно утомительнаго пути насъ преслѣдовалъ сильный, рѣзкій вѣтеръ и холодный снѣгъ билъ намъ въ лицо; особенно же сильно это чувствовалось близъ озера Пейпуса.

Наконецъ двадцать восьмого декабря 1830 года, въ восемь часовъ вечера, на седьмой день послѣ выѣзда изъ Варшавы, я прибылъ въ Петербургъ. Мнѣ удалось убѣдить моего спутника, что, прежде чѣмъ явиться къ фельдмаршалу, необходимо привести въ порядокъ нашъ дорожный туалетъ и мы прямо проѣхали въ гостиницу Демутъ, находившуюся невдалекѣ отъ дома, гдѣ жилъ *фельдмаршалъ Дибичъ*[1]). Оправившись послѣ пути и одѣвшись въ мундиры, мы поѣхали къ фельдмаршалу и велѣли доложить о себѣ. Сначала былъ приглашенъ сопровождавшій меня офицеръ, который

[1]) Домъ Шепелева, близъ Зимняго дворца.

вручилъ фельдмаршалу бумаги. Впослѣдствіи офицеръ разсказывалъ мнѣ, что фельдмаршалъ спрашивалъ его, кто я такой, на какомъ языкѣ я говорилъ съ нимъ, не разсказывалъ ли я ему о польской революціи и велъ ли я себя спокойно во время пути.

Прождавъ нѣсколько минутъ въ пріемной, я былъ приглашенъ въ кабинетъ фельдмаршала, у котораго въ это время находился генералъ-отъ-инфантеріи *графъ Толстой*. Я нѣсколько разъ издали видѣлъ фельдмаршала, но никогда не говорилъ съ нимъ. Это былъ человѣкъ низенькаго роста, очень толстый и некрасивый, не безъ извѣстнаго комизма во всей фигурѣ, очень подвижной, живой, быстрый въ разговорѣ, постоянно двигавшійся на стулѣ и, повидимому, очень самолюбивый; но въ душѣ это былъ человѣкъ добрый, прекрасно знавшій политическое положеніе Европы и особенно Польши и ненавидѣвшій отъ души Великаго Князя Константина. На столѣ у него лежалъ раскрытый альманахъ польской арміи, въ которомъ онъ вѣроятно отыскивалъ мое имя. Онъ всталъ, сдѣлалъ мнѣ легкій поклонъ, попросилъ меня сѣсть, предложилъ чаю и сказалъ:

— Давно ли вы покинули Варшаву?

— Сегодня седьмой день со времени моего отъѣзда. Я былъ посланъ генераломъ Хлопицкимъ съ депешами на имя князя *Любецкаго*, которыя у меня отняли на границѣ, и я надѣюсь, что ихъ передали Вашему Сіятельству?

— Какъ же, онѣ у меня здѣсь.

— Мнѣ остается только просить Ваше Высокопревосходительство разрѣшить доставить ихъ по назначенію. Что касается другихъ бумагъ, то я получилъ

ихъ отъ молодого *графа Замойскаго*, который просилъ меня передать ихъ *г. Туркулу* [1]).

— Это только газеты [2]). Скажите, пожалуйста, были ли получены въ царствѣ, до вашего отъѣзда изъ Варшавы, манифесты Государя Императора къ польскому народу и къ польской арміи?

— Нѣтъ, Ваше Сіятельство, тамъ еще ничего не знали и единственныя извѣстія, полученныя изъ Петербурга, послѣ революціи, привезены были *полковникомъ Гауке*.

Тогда фельдмаршалъ началъ считать дни съ генераломъ *Толстымъ* и сказалъ мнѣ:

— Совершенно вѣрно, они не могли еще прибыть въ Варшаву. Итакъ, у васъ началась революція?

— Къ сожалѣнію, это такъ.

— Если не ошибаюсь, вы были адъютантомъ графа Красинскаго?

— Точно такъ. Я состоялъ при немъ до самаго его возвращенія въ Варшаву и находился вмѣстѣ съ польскими войсками, бывшими при Великомъ Князѣ Константинѣ въ первый моментъ революціонныхъ безпорядковъ, состоя при гвардейскомъ Конно-Егерскомъ полку. Я вернулся въ Варшаву съ этими войсками послѣ того, какъ *Великій Князь* далъ намъ на это раз-

---

[1]) Туркулъ, Игнатій Леонтьевичъ, тогдашній министръ, статсъ-секретарь царства Польскаго. Впослѣдствіи дѣйств. тайн. совѣтн. и членъ Госуд. Совѣта, † 1856 г.

[2]) Впослѣдствіи я узналъ, что въ эту ночь польскія газеты, привезенныя мною, были переведены на русскій языкъ для Императора, и несомнѣнно, что изъ содержанія этихъ газетъ, въ которыхъ подробно описаны были всѣ событія, Императоръ могъ узнать о томъ, что происходитъ въ Варшавѣ.

рѣшеніе. (Я сразу же желалъ дать понять, что генералъ *Хлопицкій* былъ настолько тактиченъ, что не послалъ въ Петербургъ одного изъ тѣхъ офицеровъ, которые начали революцію).

— Такимъ образомъ вы находились въ той части войскъ, которыя остались вѣрны своему долгу съ самаго начала: это меня очень радуетъ. Въ настоящее время вы, кажется, состоите при генералѣ Хлопицкомъ?

— Точно такъ.

— Значитъ, онъ Диктаторъ? Надолго ли? Ну, а каковы послѣднія новости?

— Генералъ Хлопицкій сначала провозгласилъ себя Диктаторомъ, и надо сказать, что это было ко благу націи, такъ какъ онъ возстановилъ въ странѣ порядокъ и спокойствіе. Наканунѣ моего отъѣзда собрался Сеймъ, который провозгласилъ революцію національною и утвердилъ генерала Хлопицкаго въ званіи Диктатора волею представителей и народа. Депеши, которыя я привезъ, сообщаютъ объ этихъ важныхъ событіяхъ.

— Да, вы правы, извѣстія эти чрезвычайно важны. Не можете ли вы сказать мнѣ, былъ ли выбранъ Диктаторъ единогласно.

— Да, за исключеніемъ одного голоса, принадлежавшаго Калишскому нунцію *Моравскому*.

— Неужели не нашлось на Сеймѣ ни одного человѣка, который произнесъ бы имя Императора и имѣлъ мужество напомнить о своемъ Государѣ?

— Ни одинъ голосъ не высказался *противъ* Императора.

— Да, но не было также и голоса *за* Него.

— Ни за, ни противъ... объ этомъ вовсе не было рѣчи... говорю это совершенно откровенно.

— Это странно. Имѣетъ ли генералъ Хлопицкій неограниченныя полномочія?

— Онъ облеченъ самою широкою диктаторскою властью; тѣмъ не менѣе имѣется особая депутація отъ Сената и нунціевъ, которая наблюдаетъ за нимъ и хотя и не вмѣшивается въ его дѣйствія, но въ крайнемъ случаѣ имѣетъ право смѣнить его.

— Это не хорошо, не хорошо... Но изъ кого же состоятъ члены этой депутаціи?

Я назвалъ ему нѣсколько именъ, прибавивъ, что въ депешахъ, присланныхъ на имя князя Любецкаго, всѣ члены этой депутаціи, вѣроятно, перечислены и что князь Любецкій и графъ *Езерскій* знаютъ ихъ лучше меня.

— *Чорторыйскій, Радзивиллъ, Малаховскій, Езерскій* и другіе названные вами члены этой депутаціи— все это порядочные люди; но что въ число этихъ членовъ попалъ упомянутый вами *Моравскій,* который высказался противъ диктатуры,—это уже не хорошо. Водворенъ ли окончательно порядокъ?

— Я думаю, что порядокъ окончательно возстановленъ и что этому способствовалъ генералъ Хлопицкій цѣлымъ рядомъ энергичныхъ мѣръ. Такъ, онъ приказалъ разстрѣлять одного сапера, который поднялъ руку на своего капитана; посадилъ подъ арестъ поручика *Высоцкаго* (одного изъ выдающихся вожаковъ революціи), который прибылъ въ Варшаву, не испросивъ на то разрѣшенія, и вообще подобными мѣрами справедливой строгости Диктатору удалось возстановить порядокъ. Онъ справедливъ, имѣетъ силь-

ную волю, пользуется довѣріемъ народа, онъ закрылъ нѣсколько революціонныхъ клубовъ и въ этомъ отношеніи страна обязана ему многимъ, такъ какъ онъ спасъ ее отъ анархіи и безпорядковъ, неразрывныхъ со всякимъ зарождающимся революціоннымъ движеніемъ.

Во время этой рѣчи фельдмаршалъ одобрительно кивалъ головою, повторяя про себя: «Очень хорошо, очень хорошо» (особенно послѣ того, какъ я сообщилъ ему объ арестованіи Высоцкаго). Затѣмъ онъ спросилъ меня:

— А что сдѣлали съ русскими, которые остались въ Варшавѣ?

— Генералъ Хлопицкій приказалъ отправить всѣхъ русскихъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ въ Брестъ-Литовскъ.

— Это очень хорошо. Я немедленно же доложу объ этомъ Государю Императору.

— Что касается генераловъ и офицеровъ, оставленныхъ въ Варшавѣ, то генералъ Хлопицскій озаботился о ихъ участи, но онъ не можетъ вернуть ихъ до тѣхъ поръ, пока не узнаетъ о судьбѣ польскихъ сенаторовъ и офицеровъ, находящихся въ Россіи.

— А кто эти сенаторы?

— Князья *Яблоновскій* и *Любомирскій* и графы *Бнинскій* и *Тышкевичъ*.

— Ихъ и не предполагаютъ арестовать. А что дѣлается въ вашей арміи?

— Ее реорганизовываютъ, чтобы довести до двойного комплекта: всѣ отставные военные возвратились на службу и, кромѣ того, въ провинціяхъ формируютъ съ чрезвычайной быстротою восемьдесятъ ба-

тальоновъ пѣхоты и столько же эскадроновъ кавалеріи.

— На мѣстѣ генерала Хлопицкаго я привелъ бы все въ порядокъ, сталъ бы во главѣ революціи, какъ онъ это и сдѣлалъ, а затѣмъ я возвратилъ бы страну ея законному Государю. Вотъ какъ бы я поступилъ, ибо я человѣкъ откровенный и прямой и признаю лишь вѣрность присягѣ и военныя добродѣтели.

На это я ничего не отвѣтилъ, а фельдмаршалъ продолжалъ:

— А воспитанники военной академіи все также ли бушуютъ?

— Напротивъ, они болѣе всего способствовали возстановленію порядка и я нахожу ихъ очень благоразумными.

— Да, да, генералъ *Езерскій* сказалъ мнѣ то же самое... А гдѣ находится графъ Викентій *Красинскій?*

— Не могу сказать Вашему Сіятельству, такъ какъ я не видѣлъ его со времени его возвращенія въ Варшаву; но мнѣ кажется, что онъ находится въ Пруссіи.

— А генералъ *Курнатовскій?*

— Онъ въ отставкѣ и спокойно проживаетъ въ Варшавѣ.

— Это почтенные люди. А теперь прощайте. Я отправлюсь къ Государю, чтобы доложить ему о вашемъ пріѣздѣ. Прошу васъ ожидать меня у дежурнаго офицера, который живетъ тутъ же.

Фельдмаршалъ дѣйствительно немедленно же поѣхалъ къ Государю, но мнѣ пришлось ожидать болѣе двухъ часовъ у *полковника Салтыкова.* Я немного поужиналъ, а мой спутникъ, офицеръ *Васильевъ,* за-

снулъ въ креслѣ. Было уже около полуночи, когда фельдмаршалъ вернулся отъ Государя, увѣдомивъ полковника Салтыкова о томъ, что я буду ночевать у него. Когда же я заявилъ, что мой слуга остался съ вещами въ гостиницѣ, то фельдмаршалъ велѣлъ передать мнѣ, что я могу поѣхать домой, но не долженъ выходить изъ комнаты и что конвой остается при мнѣ до новыхъ приказаній. Я поспѣшилъ вернуться въ гостиницу, довольный тѣмъ, что первое свиданіе прошло довольно хорошо, и что мнѣ, наконецъ, можно будетъ выспаться вволю послѣ утомительной безсонницы въ теченіе шести ночей.

На другое утро, 29-го декабря 1830 года, ко мнѣ явился одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала, *капитанъ Львовъ*, который передалъ мнѣ отъ имени генерала Дибича слѣдующее порученіе. Такъ какъ я при началѣ революціи находился въ Варшавѣ съ войсками Великаго Князя Константина, то мнѣ предложено изложить письменно все то, что произошло въ это время, со всѣми подробностями, а равно сообщить и все, что касается до польской арміи. Для изложенія этихъ свѣдѣній фельдмаршалъ далъ мнѣ день времени съ тѣмъ, чтобы къ вечеру я представилъ ему мою работу. Я тотчасъ принялся за дѣло и изложилъ всѣ подробности, относящіяся до первыхъ четырехъ дней революціи, описавъ съ полной правдивостью все то, что было мнѣ извѣстно и особенно все, относящееся до дѣйствій войскъ, находившихся съ Цесаревичемъ въ ночь на 29 ноября въ Варшавѣ и затѣмъ на бивакѣ близъ Мокотова; при этомъ я описалъ также наше возвращеніе

въ Варшаву и закончилъ указаніемъ на то, что порядокъ возстановленъ съ тѣхъ поръ, какъ генералъ *Хлопицкій* провозгласилъ себя Диктаторомъ; я указалъ также на военныя приготовленія, производившіяся въ войскахъ, на увеличеніе почти вдвое старыхъ полковъ призывомъ отпускныхъ и на дѣятельное формированіе новыхъ полковъ и многочисленной подвижной гвардіи, учреждаемой въ провинціяхъ. Цѣлый день я никого не видѣлъ, занятъ былъ моей работой и въ восемь часовъ вечера отвезъ ее къ фельдмаршалу.

Болѣе часу пришлось мнѣ ожидать въ пріемной, гдѣ многіе офицеры и генералы бесѣдовали со мной чрезвычайно любезно, но выражали при этомъ негодованіе по случаю происшедшей революціи; негодовали на юнкерское училище, на академиковъ и въ особенности на профессора *Лелевеля*[1]), но при этомъ выражали полное сочувствіе и уваженіе къ гвардейскому Конно-Егерскому полку (польской гвардіи), который велъ себя столь благородно и съ такимъ мужествомъ.

На все это мнѣ пришлось отвѣчать отрывочными фразами, сохраняя достоинство польскаго офицера; иногда же я не отвѣчалъ вовсе, не желая входить съ ними въ пререканія. Въ концѣ концовъ я взялъ нѣмецкую газету, лежавшую на столѣ, и прочелъ въ ней напечатанный манифестъ Императора къ полякамъ, котораго я еще не зналъ. Наконецъ меня пригласили къ фельдмаршалу, который былъ въ кабинетѣ. Онъ

---

[1]) Послѣднее вполнѣ естественно, если принять во вниманіе, что Лелевель, несмотря на свое званіе ученаго и человѣка науки, принадлежалъ къ числу тѣхъ крайнихъ руководителей возстанія, которые настаивали на необходимости умертвить Цесаревича Константина. *Прим. перев.*

началъ съ извиненія, что заставилъ меня прождать такъ долго, прибавивъ, что у него только что была его сестра, которую онъ очень любитъ и которая пріѣхала проститься съ нимъ передъ его отъѣздомъ въ армію. Затѣмъ онъ попросилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ противъ меня и между нами произошелъ слѣдующій разговоръ, который я постараюсь передать въ точности.

— Я говорилъ о васъ Императору,—началъ фельдмаршалъ,—и Его Величество съ удовольствіемъ узналъ, что вы не принимали участія въ первые моменты революціи. Я — человѣкъ прямой, служу въ военной службѣ съ молодыхъ лѣтъ и буду говорить съ вами съ откровенностью солдата. *Императоръ Александръ* далъ Польшѣ конституцію,—обстоятельство, которое не одобрялось русскими, ибо спрашивается, почему же одна страна должна быть управляема лучше и иначе, чѣмъ другія, находящіяся подъ властью одного и того же государя, а вдобавокъ еще страна покоренная. Я такъ же, какъ русскій человѣкъ, былъ противъ этого—говорю вамъ это прямо. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ Императоръ Александръ (добродѣтельнѣйшій человѣкъ въ мірѣ) непремѣнно желалъ этого,—Россія ничего не сказала, пожелавъ всевозможныхъ благъ Польшѣ и дарованнымъ ей учрежденіямъ. Такимъ образомъ вы получили конституцію. Правда, она не всегда строго соблюдалась, но это не была вина царствующаго Императора, который былъ въ нѣсколько неловкомъ положеніи по отношенію къ своему старшему брату, и послѣдній—я это хорошо знаю—является одной изъ важнѣйшихъ причинъ вашего неудовольствія. Во всякомъ случаѣ это не можетъ служить оправданіемъ

революціи, ибо, несмотря на все это, въ Польшѣ все-таки было больше хорошаго, чѣмъ дурного. Депеши, которыя вы привезли для *князя Любецкаго,* были распечатаны Императоромъ; при этомъ я долженъ вамъ сказать, что Государь очень недоволенъ княземъ. Кто такой князь *Любецкій?* Это — человѣкъ, который служилъ въ русскихъ войскахъ, который совершалъ съ ними походы, это—русскій, котораго Императоръ сдѣлалъ министромъ Польши. И вотъ въ настоящее время этотъ же князь Любецкій хочетъ разыгрывать роль посланника! За это Государь и принялъ его, какъ слѣдовало! Если въ Польшѣ дѣло шло нехорошо, это вина Любецкаго, потому что онъ былъ министромъ Императора, и, какъ таковой, онъ долженъ былъ быть лучшимъ хранителемъ конституціи, заботиться о счастіи народа, предупреждать зло, исправлять все дурное и въ крайнемъ случаѣ написать Императору, доложивъ ему о томъ, что происходитъ; онъ долженъ былъ указать, что онъ не въ силахъ противодѣйствовать злу, что виною тому Великій Князь, и т. д. Вотъ что долженъ былъ сдѣлать князь Любецкій, и чего онъ не сдѣлалъ, и поэтому, если дѣло не шло такъ, какъ оно должно было итти въ Польшѣ, какъ того желалъ Императоръ, то въ этомъ вина Любецкаго; а теперь онъ прибылъ сюда съ какою-то миссіей отъ имени возмутившейся страны... Повторю еще разъ, что у васъ были причины къ недовольству, но во всякомъ случаѣ онѣ не могутъ служить оправданіемъ революціи, подвергающей страну столькимъ бѣдствіямъ. Въ настоящее время, когда уже произошла революція, Сеймъ долженъ былъ вести себя совершенно иначе. Ему слѣдовало бы собраться, какъ онъ это и сдѣ-

лалъ, но не поддаваясь вліянію крикуновъ, чистосердечно написать Императору: «Государь, несмотря на то, что законъ запрещаетъ намъ собираться безъ разрѣшенія Монарха, тѣмъ не менѣе, будучи вынуждены обстоятельствами, мы собрались для совѣщанія о правительствѣ, которое въ данный моментъ надо учредить; мы назначили Диктаторомъ генерала Хлопицкаго; но въ настоящее время, когда порядокъ и тишина уже возстановлены, мы спѣшимъ увѣдомить объ этомъ Ваше Величество, нашего законнаго монарха, умоляя васъ, Государь, войти въ печальное положеніе страны, даровать намъ великодушное прощеніе и утвердить неприкосновенность нашихъ законовъ и нашей конституціи». Вотъ какъ слѣдовало бы поступить. А между тѣмъ, что дѣлаетъ Сеймъ? Онъ объявляетъ революцію національною, выражаетъ благодарность ея зачинщикамъ, не произноситъ даже имени Императора и какъ будто бы желаетъ войны. Ну, что же? Что можете вы ожидать отъ войны? Какъ можете вы думать, что исходъ этой борьбы будетъ вамъ благопріятенъ?.. Допустивъ даже, что вы вступите въ Литву, возьмете Вильну, разобьете наконецъ первыя наши войска, — вспомните только, что *Наполеонъ* вступилъ въ Россію съ четырехсотъ-тысячною арміею, состоявшей изъ лучшихъ войскъ Европы,—и что изъ этого произошло? Притомъ же не думаю, чтобы вамъ легко было разбить наши первыя войска: надѣюсь, что меня хорошо знаютъ въ Польшѣ, знаютъ въ Германіи, знаютъ даже и въ Турціи. Ваша армія немногочисленна...

Здѣсь я замѣтилъ фельдмаршалу, что польская армія увеличилась, что всѣ старые офицеры и сол-

даты возвращаются на службу, что вся молодежь вооружилась и воодушевлена самымъ воинственнымъ духомъ, что наконецъ вооружается весь народъ...

— Допустимъ все это, — продолжалъ фельдмаршалъ,—но я не принимаю въ расчетъ вашихъ новобранцевъ, плохо обученныхъ мужиковъ, вооруженныхъ косами, ибо противъ нихъ я не буду употреблять ни пѣхоты, ни кавалеріи, но одну только картечь... Для этого у меня достаточно пушекъ. Я буду считать только регулярныя польскія войска. У васъ было двадцать шесть батальоновъ пѣхоты, допустимъ, что у васъ теперь пятьдесятъ два батальона; а у меня въ первой линіи семьдесятъ два батальона и столько же во второй, и того — сто сорокъ четыре батальона. Если бы этого не хватило, мы потребуемъ новыя войска: на это средствъ у насъ достаточно, — а вѣдь я еще не считаю гвардіи, которая также двигается и составитъ резервный корпусъ. У меня сто сорокъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, не считая казаковъ, и четыреста полевыхъ орудій. Вотъ вамъ цифры, которыя говорятъ сами за себя. Первый армейскій корпусъ и литовскій корпусъ, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, воодушевленъ лучшимъ духомъ, уже находятся на границѣ; второй корпусъ и гренадерскій, а также два корпуса кавалеріи, уже находятся въ пути и я самъ сегодня ночью отправляюсь въ армію.

Фельдмаршалъ съ намѣреніемъ упомянулъ о настроеніи литовскаго корпуса, потому что зналъ, что въ Варшавѣ поговаривали о его переходѣ на сторону Польши. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Я скажу вамъ откровенно то, что думаю о ва-

шей арміи, ибо я человѣкъ прямой и съ пятнадцатилѣтняго возраста состою на военной службѣ. Войска ваши хороши, хорошо обучены, храбры, но русскій солдатъ болѣе пріученъ къ лишеніямъ, къ дурной пищѣ, къ тяжелымъ переходамъ и ко всѣмъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ войною, а слѣдовательно наши солдаты болѣе закалены, болѣе способны къ войнѣ. Во время послѣдней турецкой кампаніи мнѣ очень хотѣлось имѣть подъ своей командой польскія войска и я увѣренъ, что я былъ бы ими очень доволенъ, какъ я былъ доволенъ офицерами польскаго генеральнаго штаба, прекрасно служившими во время этой войны. Это создало бы совершенно другое направленіе мыслей въ вашей арміи и, быть можетъ, послужило бы даже препятствіемъ къ осуществленію революціи. Но... *Великій Князь Константинъ* не хотѣлъ этого дозволить... Скажу вамъ также, что я былъ особенно хорошаго мнѣнія о польскомъ войскѣ, не столько по отношенію къ солдатамъ и молодымъ офицерамъ, какъ по отношенію къ старымъ вашимъ военачальникамъ и старшимъ офицерамъ, совершившимъ походы съ *Наполеономъ,* которыхъ я всегда высоко цѣнилъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился, что эти же старые офицеры не сумѣли поддержать порядка и дисциплины въ своихъ войскахъ, что они позволили увлечь себя молодымъ подпоручикамъ и унтеръ-офицерамъ, что вліяніе ихъ не воздѣйствовало на подчиненыхъ,—съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, я совершенно измѣнилъ о нихъ свое мнѣніе. Затѣмъ, что имѣется у васъ для веденія войны? У васъ нѣтъ ни пороховыхъ заводовъ, ни складовъ, ни пушечно-литейныхъ заводовъ, ни оружейныхъ мастерскихъ, ни

всего того, что необходимо для веденія и поддержанія войны. Я лично привыкъ командовать арміями, имѣлъ ихъ немало подъ своимъ начальствомъ и, могу сказать безъ хвастовства, командовалъ ими съ честью, чему доказательствомъ могутъ служить мои походы. Мнѣ кажется, что въ Польшѣ это хорошо знаютъ... У васъ теперь *генералъ Хлопицкій,*—прекрасный бригадный генералъ, съ честью совершившій походъ въ Испанію и въ другія мѣста, въ низшихъ чинахъ; но ему никогда не приходилось командовать цѣлой арміей, а поэтому нельзя сказать съ увѣренностью, что изъ него выйдетъ хорошій главнокомандующій. Я очень мало знаю генерала Хлопицкаго, но мнѣ кажется, что онъ хладнокровенъ и очень расчетливъ: я же напротивъ того человѣкъ горячій и пылкій, такъ что эти наши обоюдныя качества несомнѣнно отразятся на будущихъ военныхъ операціяхъ. Я много говорилъ съ покойнымъ Государемъ о Польшѣ. *Императоръ Александръ,* любившій меня, какъ родного сына, называлъ меня своимъ ученикомъ, а я обожалъ его, какъ благодѣтеля и отца. Я хорошо зналъ взгляды этого монарха и могу васъ увѣрить, что онъ искренно желалъ добра Полякамъ. *Императоръ Николай* еще молодъ, но—это Государь дѣятельный, съ твердыми, опредѣленными взглядами, Государь, желающій блага подвластныхъ ему народовъ, а по характеру своему обладающій доблестью древнихъ рыцарей; при всемъ томъ Государь твердъ и непреклоненъ, и было бы ошибочно думать, что онъ пойдетъ на какія-либо уступки. Несмотря на это, онъ искренно желаетъ, чтобы все уладилось къ лучшему, безъ пролитія

крови. Скажите, читали вы послѣднiй манифестъ Государя, и что̀ вы о немъ думаете?

Я сказалъ фельдмаршалу, что только что прочелъ его въ одной изъ газетъ, въ его прiемной, но что я просмотрѣлъ его мелькомъ, и для болѣе точнаго уясненiя всего сказаннаго въ этомъ манифестѣ необходимо прочесть его съ особеннымъ вниманiемъ. Во всякомъ случаѣ изъ бѣглаго его просмотра я уже убѣдился, что одно изъ первыхъ условiй, высказанныхъ въ этомъ манифестѣ, едва ли можетъ быть выполнимо.

— Какое именно?

— Я говорю о томъ пунктѣ, въ которомъ польской армiи предлагается немедленно отправиться и сосредоточиться въ окрестностяхъ *Плоцка*. Вѣдь этимъ движенiемъ Варшава была бы совершенно открыта, а при томъ настроенiи умовъ, въ которомъ находится польская армiя, никто на это не согласится.

— Неужели генералъ Хлопицкiй не имѣетъ настолько влiянiя на армiю, чтобы приказать исполнить это движенiе?

— Позволю себѣ замѣтить Вашему Высокопревосходительству, что прежде всего я не увѣренъ, пожелаетъ ли самъ генералъ Хлопицкiй исполнить это распоряженiе; но если бы даже онъ отдалъ подобный приказъ, то можно поручиться, что ни одинъ изъ полковъ его бы не исполнилъ.

— Конечно, этого распоряженiя не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Если бы генералъ Хлопицкiй пожелалъ окончить все безъ войны, онъ могъ бы написать намъ, что для выполненiя армiей этого движенiя необходимо время, что нельзя еще совершенно открыть дорогу на Брестъ, что необходимы

войска для охраненiя самой Варшавы, и т. п. И думаю, что дѣло могло бы уладиться. Вы понимаете, что я говорю съ вами совершенно откровенно, какъ старый солдатъ.

Эту фразу фельдмаршалъ, въ теченiе своего продолжительнаго разговора, повторялъ нѣсколько разъ и особенно на нее упиралъ.

Я отвѣчалъ:

— Такъ какъ Ваше Сiятельство дѣлаетъ мнѣ честь говорить со мной съ такою искренностью и добротою, то я прошу васъ, въ свою очередь, дозволить мнѣ предложить нѣсколько вопросовъ, при чемъ прежде всего считаю долгомъ обратить вниманiе, что на меня не возложено никакой миссiи, что я не имѣю никакихъ полномочiй, что я прибылъ сюда въ качествѣ простого курьера, отправленнаго съ депешами, и что, такимъ образомъ, вопросы, которые я позволю себѣ предложить, исходятъ только отъ меня лично; что я предлагаю ихъ, лишь какъ частное лицо, какъ человѣкъ, ободренный милостивымъ вниманiемъ Вашего Сiятельства.

— Очень хорошо, я васъ слушаю.

— Если предположить,— сказалъ я,— что Поляки приняли бы условiя, поставленныя въ Высочайшемъ манифестѣ, то есть ли основанiе думать, что Великiй Князь *Константинъ* вернется снова въ Польшу и будетъ занимать прежнее свое положенiе?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, Онъ самъ этого не желаетъ.

— Въ такомъ случаѣ предполагается ли назначить въ Польшу кого нибудь для управленiя страною отъ имени Россiи?

— Конечно... и я думаю, что выборъ палъ на меня... но вы будете мною довольны: я хорошо буду управлять вами и ручаюсь вамъ, что конституція будетъ строго сохранена, въ этомъ вамъ порукою моя личность. Впрочемъ, спѣшу оговориться: что касается вопроса о свободѣ печати, то этой свободы вы не получите; предупреждаю васъ напередъ, ибо это представило бы слишкомъ много осложненій и послужило бы къ возбужденію умовъ.

— Предполагаетъ ли Его Величество дать полную амнистію?

— Да, Государь проститъ всѣхъ и не будетъ никого преслѣдовать, исключая впрочемъ пяти или шести человѣкъ, уличенныхъ въ качествѣ виновниковъ и подстрекателей революціи, но, повторяю, *не болѣе пяти—шести человѣкъ*, которыхъ придется повѣсить, такъ какъ иначе невозможно поступить въ силу законовъ, существующихъ у всѣхъ націй и строго карающихъ заговорщиковъ и главныхъ зачинщиковъ мятежа.

— Не предполагается ли сдѣлать какихъ-либо измѣненій въ польской конституціи?

— Думаю, что ограничатся самыми незначительными измѣненіями.

— Вступятъ ли русскія войска въ Польшу, и останутся ли они тамъ?

— Несомнѣнно. Развѣ возможно поступить иначе? Ваша армія—мятежное войско, вы сами согласитесь съ этимъ, и Государь, конечно, не можетъ предоставить охраненіе принадлежащей ему и вдобавокъ еще пограничной территоріи войскамъ, на которыя нельзя положиться. Поэтому необходимо, чтобы русскія вой-

ска находились въ Польшѣ и охраняли страну и самую армію—это ясно, какъ день.

— Позвольте мнѣ почтительно замѣтить Вашему Сіятельству, что при наличности вышеприведенныхъ условій принятіе польскою націею Высочайшаго манифеста совершенно невозможно. Я знаю, насколько сильно возбужденіе умовъ въ Варшавѣ и во всемъ царствѣ и увѣренъ что на этихъ условіяхъ Поляки принуждены будутъ отвергнуть всякую возможность къ соглашенію.

— Съ своей стороны, могу васъ также увѣрить, что Государь Императоръ не пойдетъ ни на какія уступки.

— Если это такъ, то, къ сожалѣнію, я предвижу войну и со скорбью помышляю о множествѣ пролитой крови и о безчисленныхъ жертвахъ этой войны.

— Я не думаю: съ обѣихъ сторонъ погибнетъ не болѣе десяти тысячъ человѣкъ—вотъ и все. Вообще на войнѣ не погибаетъ такъ много народу, какъ это обыкновенно думаютъ.

Произнося эти слова, фельдмаршалъ не могъ предвидѣть, что въ этой войнѣ погибнетъ болѣе шестидесяти тысячъ однихъ русскихъ, выбывшихъ изъ строя отъ ранъ и отъ болѣзней, и что онъ самъ будетъ находиться въ числѣ этихъ жертвъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ продолжалъ:

— Но, кромѣ гибели людей, есть еще другой бичъ, который можетъ постигнуть вашу несчастную страну и который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и спутникомъ всякой войны: полное разореніе страны, сожженныя селенія, уничтоженіе посѣвовъ, грабежи и множество другихъ бѣдствій. Я—человѣкъ, который

умѣетъ поддерживать въ арміи порядокъ (а съ этой стороны меня хорошо знаютъ), и я строго караю малѣйшее нарушеніе дисциплины. Я несомнѣнно отдамъ самыя строгія приказанія, дабы войска не причиняли никакого вреда жителямъ; я буду разстрѣливать и вѣшать всякаго, кто будетъ противится моимъ приказаніямъ, кто будетъ предаваться грабежу, — въ этомъ я ручаюсь вамъ моимъ словомъ. Но, несмотря на все это, вы поймете сами, что мнѣ невозможно будетъ усмотрѣть за всѣмъ, и подобные безпорядки, которыхъ я не въ силахъ буду предупредить, всегда могутъ имѣть мѣсто; и это тѣмъ болѣе, что во время войны между войсками несомнѣнно разгорится національная вражда. Итакъ, вотъ что васъ ожидаетъ, вотъ чѣмъ вы будете обязаны вашей революціи. Французская революція и революція въ Бельгіи несомнѣнно вызвали возстаніе въ Варшавѣ, какъ слѣдствіе этой системы республиканизаціи всего міра, системы, объявившей войну всѣмъ монархамъ, во главѣ которой стоитъ *Лафайетъ,* и которая повліяла и на васъ.

— Будущее этой войны находится въ рукахъ Божьихъ, въ настоящее же время Польша дѣятельно приготовляется и собираетъ средства для отраженія силъ, которыя будутъ направлены противъ нея. Я, во всякомъ случаѣ, предвижу большія несчастія для моей родины, но тѣмъ не менѣе надо сознаться, что, благодаря нашей революціи, спасена Бельгія и, быть можетъ, даже сама Франція, которая безъ этого была бы вовлечена въ войну съ Россіей.

— Что касается Франціи, — возразилъ фельдмаршалъ,—то мы всегда будемъ воевать съ нею, но вмѣсто того, чтобы встрѣтиться съ французами на Рейнѣ, мы столкнемся съ ними на Эльбѣ или на Одерѣ, благодаря вашей революціи; но это только послѣ того, какъ мы перешагнемъ черезъ вашу несчастную страну.

— Итакъ, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ средствъ избѣгнуть войны между Польшей и Россіей?

— Едва ли на это можно надѣяться, разъ вы увѣряете, что условія Высочайшаго манифеста не будутъ приняты, ибо Императоръ не измѣнитъ своихъ взглядовъ въ главнѣйшихъ чертахъ. Когда вы вернетесь въ Варшаву, вы передадите генералу Хлопицкому все то, что я сказалъ вамъ. Если онъ думаетъ, что еще возможно разрѣшить вопросъ другимъ способомъ, что необходимо еще нѣкоторое время для успокоенія страстей, въ особенности же, если онъ воодушевленъ *искреннимъ* желаніемъ не подвергать свою родину случайностямъ войны съ Россіей, войны съ его собственнымъ Государемъ,—въ такомъ случаѣ пусть напишетъ Императору собственноручное письмо, за своею печатью, и если въ этомъ письмѣ онъ захочетъ передать государю такія вещи, о которыхъ никто не долженъ знать, — онъ можетъ вполнѣ положиться на Его Величество, ибо въ этомъ отношеніи *Императоръ Николай*—человѣкъ настолько деликатный, настолько рыцарь, что онъ не скажетъ объ этомъ даже мнѣ, своему фельдмаршалу. *Генералъ Хлопицкій* можетъ также послать свое письмо черезъ меня, и я немедленно же доставлю его Государю; но пусть онъ торопится, ибо въ эту же ночь я отъѣзжаю къ арміи.

— Куда надо будетъ отправить депеши, на случай,

если бы таковыя были адресованы на имя вашего Сіятельства?

— Посылайте ихъ въ Бѣлостокъ, гдѣ находится моя главная квартира.

— Но если ваше Сіятельство такъ скоро начнете кампанію, то едва ли будетъ достаточно времени на полученіе отвѣта изъ Петербурга...

— Въ такомъ случаѣ генералъ Хлопицкій можетъ написать мнѣ и сообщить, что онъ желаетъ ожидать отвѣта отъ Государя Императора и я могъ бы еще остановить на время вступленіе моихъ войскъ въ Польшу. Но если онъ будетъ писать, то пусть онъ пишетъ мнѣ не въ качествѣ Диктатора и главы правительства, но просто въ качествѣ генерала Хлопицкаго, въ качествѣ подданнаго Государя Императора, ибо въ противномъ случаѣ я не отвѣчу ему на его письмо и возвращу его ему обратно.

Въ теченіе всей этой бесѣды фельдмаршалу два раза докладывали о графѣ *Толстомъ,* но Дибичъ просилъ его обождать; наконецъ самъ Толстой пріотворилъ дверь съ намѣреніемъ войти въ комнату. Тогда фельдмаршалъ сказалъ мнѣ:

— Впрочемъ мы уже достаточно поговорили съ вами; черезъ два часа я ѣду въ армію; вы еще останетесь здѣсь и получите приказанія отъ *графа Чернышова* или генерала *Бенкендорфа.* Я очень радъ, что увидѣлъ васъ и познакомился съ вами. Прощайте!

Отъ фельдмаршала я ушелъ послѣ полуночи. Я постарался передать всѣ подробности этой бесѣды, все то, что Дибичъ говорилъ мнѣ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, быстро и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я высказалъ фельдмаршалу то, что долженъ былъ сказать, и вынесъ убѣжденіе, что война сдѣлалась неизбѣжной. Довольный съ одной стороны перспективой пожинать новые лавры, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ человѣкъ настолько честный, что не могъ желать гибели Польши и даже войны съ Польшей; но зато война съ Франціей ему очень улыбалась, а также мысль объ управленіи Польскимъ королевствомъ.

Но другому, болѣе счастливому полководцу суждено было судьбою закончить эту борьбу и получить тѣ почести и ту славу, которыхъ ожидалъ фельдмаршалъ Дибичъ.

II.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ.—Бесѣда съ нимъ и его политическіе взгляды на польскій вопросъ и революцію.—Вызовъ къ военному министру.—Графъ Чернышовъ передаетъ мнѣ волю Государя.—Мое письмо на имя графа Чернышова.—Резолюція Императора.—Въ Аничковскомъ дворцѣ.—Двухчасовая бесѣда съ Императоромъ Николаемъ.—Его великодушіе.—Мое возвращеніе въ Варшаву.

Я окончательно откланялся фельдмаршалу и находился въ полной неизвѣстности о дальнѣйшей моей судьбѣ, когда на другое утро, 30-го декабря новаго стиля, ко мнѣ явился офицеръ отъ имени генерала Бенкендорфа, сообщившій, что онъ ожидаетъ меня къ десяти часамъ утра. Я отправился на извозчикѣ, на этотъ разъ одинъ, безъ конвоировавшаго меня офицера, что меня очень обрадовало, такъ какъ во все время моего пребыванія въ Петербургѣ я до сихъ поръ могъ выходить только въ сопровожденіи офицера или фельдъегеря.

Генералъ *Бенкендорфъ* [1]) былъ человѣкъ очень красивый, съ тонкими чертами и пріятнымъ выраженіемъ лица, изящный въ обращеніи и чрезвычайно любезный въ разговорѣ. Онъ былъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ Императора и пользовался репутаціей честнѣйшаго и достойнѣйшаго человѣка въ Имперіи. Во время моего перваго путешествія въ Петербургъ, пять мѣсяцевъ тому назадъ, онъ былъ ко мнѣ чрезвычайно ласковъ и любезенъ, и я былъ радъ случаю увидѣть его снова. Какъ только обо мнѣ доложили, онъ немедленно принялъ меня, встрѣтилъ чрезвычайно радушно и, протягивая мнѣ руку, сказалъ: «Итакъ, Польша возстала и совершила революцію? Кто бы могъ ожидать это въ то время, когда мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ»...

Я отвѣтилъ ему, что дѣйствительно я самъ никакъ не ожидалъ этой катастрофы.

— Я рѣшительно не могу понять,—сказалъ графъ,—какимъ образомъ поляки пришли къ мысли о революціи; какъ они не разсчитали, не предвидѣли тѣхъ опасностей и тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ихъ родинѣ. Я не сомнѣваюсь, что причины къ недовольству были, но это все-таки не давало права начинать революцію, особенно если вы сравните другія завоеванныя области Польши съ положеніемъ поляковъ въ царствѣ. Посмотрите, напримѣръ, на Галицію, развѣ она не несчастнѣе васъ? У нея нѣтъ ни народнаго представительства, ни конституціи, ни собственной

[1]) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Ген.-Адъютантъ, членъ Госуд. Совѣта. Шефъ жандармовъ. Род. 1783 + 1844.

арміи, ни администраціи, ни національности, ни даже своего языка, а вдобавокъ вся страна обложена очень тяжелыми налогами. А великое герцогство Познанское, которое, конечно, не пользуется тѣми преимуществами и тѣмъ благосостояніемъ, какъ королевство Польское съ политической и экономической точки зрѣнія. Сравните себя наконецъ съ Литвой, съ Волынью и другими бывшими польскими областями, находящимися подъ властью Россіи; какая громадная разница между ними и вами во всѣхъ отношеніяхъ! А между тѣмъ всѣ эти провинціи остались спокойными, и только царство Польское, пользовавшееся до сихъ поръ такими громадными преимуществами, находится теперь въ возстаніи. Ваша страна могла служить образцомъ экономическаго благоденствія народовъ, ей удивлялись всѣ иностранцы, населеніе постепенно увеличивалось, повинности не были обременительны для народа, вы управлялись своими собственными законами, торговля и промышленность процвѣтали, города и села постепенно увеличивались и вся Польша представляла собою завидный образецъ благоустройства и культуры. Во всей этой ласкавшей взоръ картинѣ было, правда, одно пятно—это... *Великій Князь Константинъ,* который зачастую нарушалъ волю Государя и дѣйствительно не разъ подавалъ поводъ къ неудовольствіямъ. Но не надо было такъ торопиться, ибо всѣмъ извѣстно, что Великій Князь долженъ былъ оставить Варшаву, отправиться весною за границу и болѣе уже не возвращаться. Тогда уже ничто не нарушало бы вашего спокойствія и вы были бы самою счастливою страною въ Европѣ. Знаете ли вы, между прочимъ, что извѣстія, которыя вы привезли намъ, очень неутѣшительны:

гербы и вензеля Императора повсюду срываютъ, всюду кричатъ, вооружаются и укрѣпляютъ Пражскую цитадель. Но противъ кого же, скажите мнѣ, дѣлаются эти военныя приготовленія? Такъ какъ Польша сдѣлала революцію, низвергнувъ правительство, то кого же ей бояться, какъ не русскаго Императора? Поэтому вполнѣ естественно, что всѣ эти приготовленія дѣлаются противъ него, противъ Императора... противъ того, кто желалъ только вашего блага, который не сдѣлалъ вамъ ни малѣйшаго зла и далъ вамъ столько доказательствъ своего расположенія!

Затѣмъ онъ перечислилъ по порядку: коронованіе въ Варшавѣ, открытіе Сейма, справедливость Императора въ дѣлѣ приговора Сената въ борьбѣ его съ Великимъ Княземъ, покровительство фабричной промышленности даже въ ущербъ Россіи, его уваженіе къ польской національности, выразившееся въ дарованіи денежныхъ средствъ для реставраціи древняго замка королей Польскихъ въ Краковѣ и мавзолея *Собъсскому* въ Варшавѣ, его покровительство искусству, наукамъ, и т. п. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— И вотъ послѣ всего этого Сеймъ объявляетъ революцію національною и благодаритъ зачинщиковъ мятежа! Неужели же во всемъ Сеймѣ не нашлось ни одного человѣка, который бы имѣлъ настолько здраваго смысла и благородства, чтобы упомянуть имя Императора, вашего законнаго Государя?

На это я отвѣтилъ генералу Бенкендорфу то же, что говорилъ фельдмаршалу, т.-е., что *противъ* Императора не поднялся ни одинъ голосъ, но также не было и голоса *за* него.

— Очевидно,—сказалъ генералъ,—что Сеймъ на-

ходился подъ вліяніемъ массы и крикуновъ. На военные успѣхи вамъ однако особенно нельзя надѣяться и, если бы даже въ первый моментъ вамъ удалось имѣть надъ нами перевѣсъ, то вспомните о Французахъ, которые дошли до Москвы, а между тѣмъ русскіе сами вскорѣ вступили въ Парижъ! Не менѣе удачно для Россіи и то, что въ то самое время, когда русскія войска приготовляются къ походу и стали собираться на границѣ, это самое время было выбрано Поляками для революціи. Государь чрезвычайно недоволенъ Польшей, но что особенно его огорчаетъ, это поведеніе Польской арміи, которую онъ такъ любилъ. Еще недавно онъ сказалъ: «Неужели же польское войско забыло мою личность?.. Неужели я имѣю видъ человѣка, способнаго пойти на уступки?»... Императоръ настолько полагался на доблесть польской арміи, что, несмотря на то, что зналъ о связи, существующей между Поляками и Французами, онъ предназначилъ ее въ авангардъ арміи, долженствовавшей итти противъ Франціи. Я увѣренъ, что польская армія честно исполнила бы свой долгъ и дралась бы хорошо противъ Французовъ. Скажу вамъ, что во всемъ этомъ я самъ сильно скомпрометированъ, такъ какъ еще недавно я головой ручался Государю за вѣрность польской арміи; я даже сказалъ ему: «Государь, вы можете разсчитывать на польскую армію, какъ на вашъ Преображенскій полкъ». И что же? Эта самая армія, за которую я ручался своею честью, теперь возстала противъ своего Государя! Я не понимаю, какъ могутъ Поляки думать, что Государь пойдетъ на уступки; прежде всего, для этого нѣтъ никакихъ основаній, и онъ ни въ чемъ не мо-

жетъ упрекнуть себя по отношенію къ Польшѣ; а затѣмъ, если допустить даже, что онъ захотѣлъ бы это сдѣлать, нельзя забывать, что онъ прежде всего *Русскій* Императоръ; какимъ образомъ могъ бы онъ сдѣлать уступки странѣ, пользовавшейся такими прерогативами, какія дарованы были Польшѣ, которая послѣ этого возстала? Что сказали бы на это другіе его подданные? Не значило ли бы это поощрить и другія народности его обширной монархіи къ подобнымъ же дѣйствіямъ? Думаю, что вамъ совершенно ясно положеніе вещей и невозможность для Государя вступать съ вами въ какіе-либо переговоры, не компрометируя себя въ глазахъ своихъ собственныхъ подданныхъ; что подумали бы о немъ въ Европѣ, если бы при малѣйшихъ безпорядкахъ законная власть пошла на уступки? Вотъ почему Государь можетъ требовать только полной и безусловной покорности, и это помоему единственное, что вамъ остается сдѣлать. Притомъ же вы вполнѣ можете разсчитывать на великодушіе и благородство государя, который несомнѣнно войдетъ въ ваше положеніе. Но если Польша будетъ усмирена силою оружія, что вполнѣ вѣроятно, если она захочетъ испытать жребій войны, то въ такомъ случаѣ ей не на что будетъ разсчитывать.

Я отвѣтилъ генералу, что не вижу данныхъ разсчитывать на полное подчиненіе, ибо дѣло революціи подвинулось настолько впередъ, что уже самая національная гордость не дозволитъ Полякамъ итти назадъ; что несомнѣнно, конечно, что революція была начата незначительною частью націи, но въ настоящее время эта революція санкціонирована, такъ сказать, всѣмъ народомъ. Надо сознаться, что если бы Великій Князь

съ самаго начала сумѣлъ подавить первые взрывы мятежа, то сразу можно было бы увидѣть, насколько была слаба та партія, которая начала революцію, но въ настоящее время она настолько усилилась, что можно безошибочно сказать, что во всемъ царствѣ нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы съ восторгомъ не привѣтствовали бѣлаго знамени; сеймъ, администрація, армія— всѣ единогласно готовы поддерживать борьбу. Даже люди болѣе благоразумные и дальновидные, втайнѣ вздыхающіе о плачевной судьбѣ, которая ожидаетъ наше несчастное отечество, и тѣ даже или находятся подъ вліяніемъ революціонной партіи, или считаютъ, что честь обязываетъ ихъ не отдѣляться отъ большинства. Такимъ образомъ, та группа лицъ, которая, быть можетъ, и вѣрна Императору, и та не въ силахъ повліять на большинство, тѣмъ болѣе, что молодежь, которая говоритъ громко, экзальтирована, полна энтузіазма, вліяетъ на народныя массы, вслѣдствіе чего во всей странѣ подъемъ духа чрезвычайно силенъ. Умы всюду возбуждены, и уже теперь почти невозможно дать имъ другое направленіе. Наконецъ, армія постепенно увеличивается, и во всѣхъ провинціяхъ идутъ дѣятельныя вооруженія.

Генералъ Бенкендорфъ указалъ мнѣ на то, что, несмотря на всю нашу храбрость, намъ все-таки придется смириться, ибо, не говоря уже о численности и несоразмѣрности между обѣими воюющими арміями, несомнѣнно и то, что русскія войска будутъ драться съ ожесточеніемъ, такъ какъ вся Россія оскорблена этой революціей и негодуетъ на неблагодарность польскаго народа.

Съ своей стороны я позволилъ себѣ замѣтить, что

польская молодежь изъ Галиціи приходитъ въ царство съ вооруженными людьми и лошадьми; что австрійское правительство, повидимому, имъ не препятствуетъ, и что еще недавно молодой *князь Любомирскій* прибылъ изъ Галиціи въ царство Польское съ 50-ю людьми и лошадьми. То же происходитъ, повидимому, и въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Я умышленно упомянулъ о Галиціи, дабы предостеречь русскихъ относительно намѣреній австрійскаго кабинета, тѣмъ болѣе, что все это было дѣйствительно такъ. Я замѣтилъ также, что время несомнѣнно докажетъ вліяніе во всемъ этомъ Франціи и Бельгіи, правительства которыхъ втайнѣ сочувствовали и содѣйствовали польской революціи, которая, очевидно, была имъ на руку; притомъ же оба эти государства дали намъ несомнѣнное доказательство и примѣръ возможности осуществленія революціи и полной ея успѣшности. На это генералъ Бенкендорфъ сказалъ:

— Я изложу вамъ истинную причину польской революціи, какъ я ее понимаю. Во-первыхъ, иностранное вліяніе и желаніе подражанія, конечно, въ этомъ играетъ роль; затѣмъ республиканская партія, сдѣлавшая такіе успѣхи въ Европѣ, естественно нашла послѣдователей и у васъ; эта партія объявила войну государямъ, желаетъ уничтожить монархическій принципъ, проповѣдуетъ всеобщее равенство, демагогію, якобинство и всѣ отвратительныя его послѣдствія. Кромѣ того, въ-третьихъ,—и это самое важное,—тутъ вообще война негодяевъ противъ честныхъ людей: всякіе оборванцы, завидующіе богатымъ, желаютъ сѣсть на ихъ мѣсто; при этомъ всѣ средства, способствующія къ достиженію этой цѣли, для нихъ хороши; они

ничѣмъ не гнушаются, лишь бы только избавиться отъ людей почтенныхъ, завладѣть ихъ достояніемъ, ихъ должностями, словомъ, девизъ этой партіи: «ôte toi pour que je m'y place». Для достиженія этой цѣли они возбуждаютъ народныя страсти, страсти толпы, при чемъ естественно благо народа есть только благовидный предлогъ для ихъ преступной своекорыстной дѣятельности, и они съ восторгомъ разрушаютъ все, лишь бы только видоизмѣнить свое собственное положеніе. Наконецъ, въ-четвертыхъ, надо сознаться и въ томъ, что великій князь *Константинъ Павловичъ* несомнѣнно создалъ массу недовольныхъ и былъ одной изъ причинъ вполнѣ справедливаго недовольства въ царствѣ, которое, благодаря этому, не стояло на той высотѣ благосостоянія и благополучія, на которой оно могло бы быть; благодаря качествамъ своего характера, онъ являлся поводомъ страданія многихъ людей; онъ безтактно и безпричинно шокировалъ извѣстныя идеи, словомъ, онъ былъ причиной всеобщаго неудовольствія и, конечно, являлся однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ постепенно зарождавшагося революціоннаго движенія въ краѣ.

Въ заключеніе, генералъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно подробностей революціи, о лицахъ, погибшихъ во время мятежа, о генералѣ *Хлопицкомъ*, возстановившемъ порядокъ; о томъ, какъ принятъ былъ въ Варшавѣ генералъ *Красинскій*, и тому подобное. Затѣмъ онъ посовѣтовалъ мнѣ не выходить изъ моей комнаты и вообще не показываться публикѣ. На это я отвѣтилъ ему, что я уходилъ только тогда, когда меня вызывали, и просилъ разрѣшенія, если возможно, повидать генерала *Грабовскаго* и графа

Езерскаго. Генералъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ исполнить мою просьбу, но мнѣ такъ и не удалось увидѣть этихъ лицъ. Наконецъ, онъ любезно попрощался со мною, высказавъ сожалѣніе по поводу настоящихъ горестныхъ обстоятельствъ.

Вернувшись домой, я узналъ отъ сопровождавшаго меня конвойнаго офицера, что генералъ графъ *Чернышовъ* [1]) (военный министръ и начальникъ главнаго штаба) прислалъ фельдъегеря, чтобы предупредить меня, что черезъ часъ онъ пришлетъ за мной карету и будетъ ждать меня у себя. При этомъ офицеръ сообщилъ мнѣ, что онъ также будетъ сопровождать меня къ Военному Министру. До послѣдняго времени всѣ бывшіе у меня переговоры касались не столько меня, сколько Польши и положенія вещей въ Царствѣ. Теперь же меня охватило какое-то предчувствіе, что рѣчь будетъ итти обо мнѣ, о моей личной судьбѣ. И дѣйствительно, я не ошибся. Зная по отзывамъ генерала *Чернышова*, его привычку какъ бы производить слѣдствіе во время разговора, его враждебность къ полякамъ,—я ожидалъ не совсѣмъ пріятнаго разговора. Поэтому я предусмотрительно захватилъ съ собою свертокъ въ 100 червонцевъ, дабы имѣть при себѣ деньги на всякій случай, если бы мнѣ не пришлось вернуться домой. Наконецъ я отправился къ генералу съ весьма естественнымъ безпокойствомъ, вооружившись всею осторожностью и всѣмъ хладнокровіемъ, которыя были мнѣ такъ необходимы въ предстоящемъ мнѣ визитѣ.

---

[1]) Графъ Александръ Ив. Чернышовъ, впослѣдствіи Свѣтлѣйшій князь и Предсѣдатель Госуд. Совѣта. Род. 1785 + 1857 г.

Прибывъ въ зданіе Главнаго штаба, я долженъ былъ дожидаться нѣкоторое время въ пріемной, и вскорѣ затѣмъ туда прибылъ и самъ генералъ *Чернышовъ* съ большимъ портфелемъ подъ мышкой; онъ отпустилъ сопровождавшаго меня офицера и пригласилъ меня сѣсть. Оставшись вдвоемъ, онъ началъ съ того, что сообщилъ мнѣ, что Государь прочелъ составленную мною вчера записку (при этомъ онъ вынулъ ее изъ портфеля) о первыхъ дняхъ революціи въ Варшавѣ, и что ему было бы желательно узнать еще нѣкоторыя подробности.

Я отвѣтилъ генералу Чернышову, что я готовъ отвѣтить на всѣ предложенные мнѣ вопросы, и выразилъ опасеніе, не показался ли мой нѣсколько поспѣшный почеркъ неразборчивымъ Его Величеству. Генералъ сказалъ мнѣ, что напротивъ Государь самъ прочелъ всю записку, и что Его Величество находитъ, что я довольно хорошо пишу лѣвою рукою [1]).

Я вскорѣ понялъ, что всѣ эти предварительные разговоры произошли между нами, такъ сказать, для взаимнаго знакомства, ибо генералъ *Чернышовъ* сразу же перешелъ на болѣе дѣловой тонъ и сказалъ мнѣ:

— Я пригласилъ васъ, чтобы поговорить съ вами о васъ лично, и прошу васъ выслушать меня внимательно. Государь Императоръ признаетъ только одну вѣрность, ту вѣрность, которую каждый подданный долженъ имѣть по отношенію къ нему, и которая обязываетъ всякаго офицера его арміи самоотверженно исполнять всѣ его приказанія. *Великій Князь Константинъ* могъ отпустить польскія войска, находив-

---

[1]) Вылежинскій лишился руки въ 1812 г. подъ Вороновымъ.

шіеся при немъ въ первые моменты революціи, онъ могъ приказать вамъ покинуть его и вернуться въ Варшаву къ революціонерамъ; но Государь не входитъ во все это и не можетъ этого признать. Несмотря на всѣ распоряженія Великаго Князя, польская армія, не исполняющая больше приказаній своего Государя, есть армія матежная, и Государь Императоръ считаетъ мятежниками всѣхъ тѣхъ, кто теперь въ ней служитъ. Вы, милостивый государь, поэтому должны быть причислены также къ числу таковыхъ, тѣмъ болѣе, что вы прибыли сюда безъ всякаго законнаго приказанія и приняли на себя миссію, возложенную на васъ правительствомъ, котораго Государь не признаетъ. Тѣмъ не менѣе, желая войти въ ваше положеніе, Его Величество поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ предоставляетъ вамъ свободный выборъ—возвратиться въ Варшаву или оставаться въ Петербургѣ. Если вы хотите ѣхать въ Варшаву и будете настаивать на этомъ желаніи, васъ немедленно же сегодня ночью отправятъ, — но помните, что въ будущемъ для васъ все кончено: Государь Императоръ не будетъ больше знать васъ и будетъ впредь считать васъ за офицера мятежной арміи. Если же вы останетесь въ Петербургѣ, то вы должны будете дѣлать то, что дѣлаютъ всѣ поляки, находящіеся здѣсь и которые возобновили свою присягу подданства и вѣрности законному Государю. Вы скоро увидите генерала, *графа Красинскаго*, о которомъ вы уже получили свѣдѣнія, и который прибудетъ сюда, и, вѣроятно, вы съ удовольствіемъ встрѣтитесь съ нимъ. Положеніе ваше здѣсь будетъ прекрасное, и вообще о васъ будутъ заботиться. И такъ рѣшайте.

Холодный потъ выступилъ на моемъ лицѣ, и я сразу почувствовалъ крайне тяжелое положеніе, въ которое былъ поставленъ; тѣмъ не менѣе, нельзя было медлить и надо было быстро принять какое-нибудь рѣшеніе. Считаю долгомъ завѣрить своею честью, что уже въ то время я предвидѣлъ плачевный конецъ польской революціи и въ глубинѣ души былъ твердо увѣренъ, что мы несомнѣнно будемъ побѣждены. Правда, впослѣдствіи, во время этой войны и были нѣкоторые моменты, когда я думалъ, что польское дѣло можетъ восторжествовать, но это, конечно, не было въ началѣ революціи и не во время моего пребыванія въ Петербургѣ. Я прекрасно зналъ, что если бы я остался въ Петербургѣ, карьера моя въ глазахъ Императора была бы сдѣлана. Онъ былъ бы этимъ чрезвычайно доволенъ, что, конечно, послужило бы къ моей пользѣ и личной выгодѣ; мнѣ удалось бы выиграть большой судебный процессъ, отъ рѣшенія котораго зависѣло все мое состояніе, и который долженъ былъ въ скоромъ времени разбираться въ петербургскомъ Сенатѣ. Но я былъ далекъ отъ всѣхъ этихъ личныхъ соображеній и въ этотъ моментъ думалъ только о томъ, чтобы съ честью окончить возложенное на меня порученіе и вернуться въ Варшаву, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. При томъ же я не могъ допустить мысли, чтобы въ глазахъ моихъ соотечественниковъ я являлся чѣмъ-то въ родѣ перебѣжчика, и искренно желалъ быть вмѣстѣ со всѣми въ эти тяжелыя и несчастныя для моей родины времена. Изъ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ словъ *графа Чернышова* мнѣ также показалось, что здѣсь имѣли намѣреніе заставить поляковъ, находившихся

въ Петербургѣ, подписать какой-нибудь формальный протестъ противъ польской революціи, нѣчто въ родѣ Тарговицкой конфедераціи, одно имя которой приводило меня, еще во времена юности, въ ужасъ и негодованіе.

Но съ другой стороны благоразуміе говорило мнѣ, что я не долженъ былъ быть рѣзкимъ въ Петербургѣ, особенно по отношенію къ Государю. Я сознавалъ, что если коротко и рѣзко выскажу желаніе вернуться въ Варшаву, какъ бы пренебрегая личнымъ обо мнѣ мнѣніемъ Императора, то весьма возможно и даже вѣроятно, что вмѣсто Варшавы меня просто отправятъ въ какую-нибудь крѣпость. Наконецъ, несмотря на все происшедшее, Польша еще не была въ формальной войнѣ съ Россіей, тѣмъ болѣе, что значительная часть націи надѣялась еще на мирный исходъ. Самъ генералъ *Хлопицкій*, по порученію котораго я прибылъ въ Петербургъ, надѣялся на это и искренно желалъ этого примиренія; о низложеніи Императора съ польскаго престола не было и рѣчи, и *Николай I* до сихъ поръ оставался нашимъ законнымъ Государемъ, что̀ указано было даже въ данныхъ мнѣ инструкціяхъ, требовавшихъ, чтобы я относился къ русскому Императору съ почтительностью, съ которой подданный обязанъ относиться къ своему Монарху. Такимъ образомъ, прибывъ въ Петербургъ, я несомнѣнно былъ подданнымъ и офицеромъ русскаго Государя, и съ этой точки зрѣнія было бы непроститтельно съ моей стороны совершить какую-нибудь рѣзкость или безтактность въ столицѣ Россіи и по отношенію къ ея Государю. Желая все-таки выиграть время и болѣе хладнокровно обсудить свое положеніе, я отвѣ-

тилъ графу *Чернышову,* что желанія Его Величества я не могу принять иначе, какъ съ должнымъ почтеніемъ, и безропотно подчиняюсь тому, что Государю угодно будетъ приказать мнѣ.

— Государь императоръ,—возразилъ мнѣ на это графъ Чернышовъ,—ничего не приказываетъ вамъ въ настоящее время, но желаетъ знать, что вы намѣрены дѣлать. Государь приказалъ мнѣ завѣрить васъ также своимъ словомъ, что вы не будете поставлены здѣсь въ неловкое положеніе, какъ полякъ по отношенію къ Польшѣ, и что съ этой точки зрѣнія взгляды ваши будутъ уважены.

— Я глубоко признателенъ Его Величеству за его милость, но позвольте указать Вашему Превосходительству, что я присланъ сюда изъ Варшавы, и хотя я вовсе не принадлежу къ вожакамъ революціи, тѣмъ не менѣе Диктаторъ ожидаетъ моего возвращенія. Если я добровольно не вернусь въ Варшаву, я по всей справедливости буду считаться въ глазахъ моихъ соотечественниковъ дезертиромъ, перебѣжчикомъ, чего я естественно не могу желать. Въ виду этого я почтительно обращаюсь къ чувству чести и благородству Вашего Превосходительства и прошу указать мнѣ, какъ поступить въ данномъ случаѣ.

— Я ничего не могу вамъ совѣтовать. Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я зналъ бы, какъ слѣдуетъ поступить, но теперь я обязанъ спросить васъ только, что намѣрены вы дѣлать: остаться въ Петербургѣ вѣрнымъ вашей присягѣ, или возвратиться въ Варшаву, вызвавъ неудовольствіе вашего Государя?

— Говоря откровенно Вашему Превосходительству, я признаюсь, что желалъ бы вернуться въ Варшаву

въ виду вышесказанныхъ мною соображенiй, но я не желалъ бы также ни подъ какимъ видомъ вызвать неудовольствiе моего Монарха. Думаю, что даже въ случаѣ войны,—чего еще нельзя утверждать съ достовѣрностью,—Ваше Превосходительство несомнѣнно согласитесь, что раненый, какимъ вы меня видите, лишенный правой руки, я едва ли могу быть полезнымъ офицеромъ въ рядахъ польской арміи, и, слѣдовательно, я вполнѣ безопасенъ по отношенiю къ той арміи, съ которой Польша будетъ воевать.

— Дѣло вовсе не въ томъ, я спрашиваю васъ прямо и категорически, какое принимаете вы рѣшенiе, т.-е. желаете ли вы остаться, или уѣхать?

Согласно плану, который я наскоро набросалъ въ своемъ умѣ, и который заключался въ томъ, чтобы уѣхать, но всѣми силами постараться сгладить то дурное впетатлѣнiе, которое моя просьба могла бы произвести на Государя, я отвѣчалъ:

— Позвольте мнѣ высказать Вашему Превосходительству еще одно соображенiе: уѣзжая изъ Варшавы, я оставилъ въ этомъ городѣ старика отца, больного и безъ всякихъ средствъ къ существованiю, такъ какъ внезапный и быстрый мой отъѣздъ изъ Варшавы не далъ мнѣ возможности подумать о матерiальномъ обезпеченiи старца; такимъ образомъ, помимо тѣхъ соображенiй, о которыхъ я имѣлъ честь сообщить Вашему Превосходительству, мой долгъ, какъ сына, вынуждаетъ меня также просить о возвращенiи въ Варшаву; при этомъ считаю долгомъ завѣрить Ваше Превосходительство, что какiя бы событiя ни произошли въ Варшавѣ, я лично останусь совершенно спокоенъ.

— Это уже новое соображенiе, о которомъ я, ко-

нечно, доложу Государю, но во всякомъ случаѣ я попрошу васъ написать мнѣ письмо, въ которомъ, указавъ на высказанныя вами чувства долга и преданности къ Его Величеству, вы просите разрѣшенiя вернуться въ Варшаву въ виду состоянiя здоровья и необезпеченнаго положенiя вашего отца; кромѣ того, необходимо указать, что каковы бы ни были обстоятельства, которыя произойдутъ въ Польшѣ, вы обѣщаете вести себя, какъ это надлежитъ доброму и вѣрному подданному Государя. Возвращайтесь же къ себѣ, напишите это письмо, и черезъ полтора часа я пришлю къ вамъ фельдъегеря, которому вы вручите это письмо. Съ своей стороны я представлю его Государю Императору, отъ котораго уже будетъ зависѣть дальнѣйшая судьба вашего ходатайства.

Вернувшись домой, я тотчасъ принялся за письмо и еще не закончилъ его, когда уже къ назначенному сроку явился за нимъ фельдъегерь. Передаю здѣсь содержанiе этого письма, въ которомъ я, быть можетъ, долженъ былъ дать болѣе умѣренныя обѣщанiя, но я готовъ былъ написать въ это время все, что отъ меня потребуютъ, имѣя единственное желанiе какъ можно скорѣе отправиться въ Варшаву. Наконецъ, надо принять во вниманiе и то, что мнѣ въ первый разъ въ жизни пришлось попасть въ такое отвѣтственное, двусмысленное и щекотливое положенiе, что мнѣ рѣшительно не съ кѣмъ было посовѣтоваться и почти не было времени для размышленiй.

Письмо Вылежинскаго къ графу Чернышову.

«Ваше Сіятельство! Согласно данному мнѣ вами разрѣшенію высказать письменно тѣ чувства, коими я преисполненъ къ особѣ Его Величества Императора и Короля за все то, что Ему благоугодно было передать мнѣ, беру смѣлость обратиться къ Вашему Превосходительству съ настоящимъ письмомъ, въ коемъ прошу позволенія говорить съ вами совершенно искреннно и съ откровенностью военнаго человѣка о томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь въ настоящее время. Я съ ранней юности состою на военной службѣ, всегда былъ вѣренъ данной мной присягѣ и смѣю думать, что поведеніе мое въ этомъ смыслѣ всегда было достойно честнаго офицера. Я присягалъ на вѣрность Его Величеству *Императору Николаю* и я сохранилъ и продолжаю хранить и донынѣ эту вѣрность, какъ это подобаетъ честному солдату и доброму Поляку. Находясь въ Варшавѣ безъ начальника (который получилъ отставку), я остался безъ должности, и генералъ *Хлопицкій* приказалъ мнѣ состоять при его особѣ, какъ это было сдѣлано почти по отношенію ко всѣмъ адъютантамъ, не находившимся при своихъ генералахъ. Я совершенно не знаю причины, по которой генералъ *Хлопицкій* избралъ именно меня для доставленія депешъ въ Петербургъ; я исполнилъ это порученіе генерала Хлопицкаго безпрекословно и явился въ столицу моего Государя съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ, которое я сохраняю, благодаря искреннему сознанію, что я ничѣмъ не нарушилъ

своего долга военнаго человѣка и вѣрноподданнаго. Таково мое искреннее убѣжденіе.

«Ваше Сіятельство изволили увѣдомить меня сегодня, что Его Величеству благоугодно было предоставить моему свободному выбору—или остаться въ Петербургѣ, или вернуться въ Варшаву; но что вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе мое вернуться обратно будетъ принято Государемъ Императоромъ, какъ выраженіе моего сочувствія къ тѣмъ, кто совершилъ мятежъ, и что въ этомъ случаѣ Его Величество уже не будетъ видѣть во мнѣ своего вѣрнаго офицера; но если я останусь теперь въ Петербургѣ, то я исполню то, что надлежитъ дѣлать всякому вѣрноподданному поляку.

«Въ послѣднемъ случаѣ, графъ, мнѣ не остается другого выбора и другого желанія, какъ просить остаться въ Петербургѣ, въ особенности въ виду того, что Его Величество милостиво завѣряетъ, что я, какъ Полякъ, не буду поставленъ въ неудобное, двусмысленное положеніе. Но, съ другой стороны, въ Варшавѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія, и Ваше Сіятельство сами изволите усмотрѣть, что̀ могутъ подумать обо мнѣ мои соотечественники, узнавъ, что я остался въ Петербургѣ. Наконецъ, прошу Ваше Превосходительство разрѣшить мнѣ высказать еще одно обстоятельство, о которомъ я просилъ бы доложить Его Величеству: въ Варшавѣ у меня остался отецъ, человѣкъ старый, болѣзненный, близкій къ могилѣ, котораго я являюсь единственной подпорой, и который, прощаясь со мною, оплакивалъ меня, какъ будто бы мы разставались съ нимъ навсегда; въ виду внезапности и поспѣшности моего отъѣзда я совер-

шенно былъ лишенъ возможности привести въ порядокъ свои домашнія дѣла, и въ настоящее время отецъ мой остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Вотъ тѣ причины, которыя вынуждаютъ меня желать возвратиться въ Варшаву, и которыя Государю Императору, быть можетъ, благоугодно будетъ принять милостиво во вниманіе.

«Я сдѣлаю все, что Его Величеству будетъ угодно мнѣ приказать, сдѣлаю это съ тою преданностью, которую я обязанъ имѣть къ своему Монарху, и открыто заявляю, что никогда не подниму моего слабаго оружія противъ его войскъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы польская армія дѣйствовала противъ Россіи. Я обѣщаюсь спокойно оставаться въ Варшавѣ или въ имѣніи моемъ, имѣя единственную заботу предоставить возможность моему старому отцу отправиться на воды, лѣченіе коими необходимо также и мнѣ въ виду моихъ ранъ, которыя снова даютъ себя чувствовать. Если бы Его Величеству милостиво угодно было войти въ мое положеніе и видѣть въ моемъ желаніи возвратиться въ Варшаву именно то, что я имѣю честь высказать Вашему Превосходительству, не желая лишить меня своего монаршаго благоволенія, не признавая во мнѣ человѣка, преступающаго долгъ вѣрноподданнаго,—въ такомъ случаѣ я усердно просилъ бы разрѣшенія моего Государя вернуться въ Варшаву. Но если малѣйшее облако сомнѣнія омрачитъ чело моего Августѣйшаго Монарха, если онъ лишитъ меня своего довѣрія и перестанетъ видѣть во мнѣ добраго и вѣрнаго подданнаго, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только просить остаться тамъ, гдѣ Его Величеству благоугодно будетъ указать мнѣ. Прошу Ваше Сія-

льство принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи. (Подписалъ) Ѳаддей Вылежинскій, подполковникъ Конно-Егерскаго полка королевской польской гвардіи».

«С.-Петербургъ, 18-го (30-го) декабря 1830 года».

Написавъ это письмо и сдавъ его по назначенію, я остался въ неизвѣстности и въ сильномъ безпокойствѣ при мысли объ ожидающей меня судьбѣ и о томъ, какъ Государь посмотритъ на мое письмо. Вечеромъ, въ 9-мъ часу, вернулся наконецъ тотъ же фельдъегерь, приглашая отправиться съ нимъ къ *графу Чернышову;* онъ сообщилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что графъ уже приказалъ приготовить для меня лошадей, но при этомъ высказалъ, что ему неизвѣстно, въ какую именно сторону я отправляюсь. Признаюсь, я самъ опасался, что мнѣ, быть можетъ, придется отправиться въ сторону, совсѣмъ противоположную Польшѣ.

Графъ Чернышовъ на этотъ разъ принялъ меня въ своемъ собственномъ домѣ и, едва я вошелъ къ нему, сказалъ:

— Государь прочелъ ваше письмо, и я увѣренъ, что вы не ожидаете того, что Его Величество сдѣлалъ для васъ. Императоръ разрѣшаетъ вамъ вернуться въ Варшаву и *назначаетъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ.*

Не скрою, что извѣстіе это въ виду своей неожиданности произвело на меня сильное впечатлѣніе, но въ то же время я долженъ сознаться, что насколько первое извѣстіе искренно обрадовало меня, настолько второе меня смутило, ибо я сразу понялъ, въ какое двусмысленное положеніе я буду поставленъ, благо-

даря этой незаслуженной мною монаршей милости, какъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ-поляковъ, такъ и въ глазахъ самого Государя, благодаря тѣмъ событіямъ, которыя могутъ произойти въ Польшѣ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ, конечно, не оставалось другого выбора, какъ высказать мою глубочайшую признательность, ибо, съ другой стороны, было бы совершенно немыслимо, чтобы офицеръ польской арміи, прибывшій въ Петербургъ и удостоенный такой милости своего Монарха, могъ отказаться отъ этого высокаго и почетнаго званія; не говоря уже о томъ, что подобный отказъ по своей дерзости могъ бы вызвать вполнѣ справедливый гнѣвъ Государя, результатомъ котораго могло бы быть путешествіе въ сторону, совершенно противоположную Варшавѣ. Говорю это потому, что, много лѣтъ спустя, нѣкоторыя лица старались убѣдить меня въ томъ, что я долженъ былъ отказаться отъ этой награды. Предоставляю это на судъ потомства и совершенно откровенно говорю, что всякій другой на моемъ мѣстѣ не былъ бы въ правѣ поступить иначе. Послѣдствія же доказали, что милость эта не только не послужила къ моей личной выгодѣ, но что мое положеніе, какъ служебное, такъ и матеріальное въ концѣ концовъ даже ухудшилось.

Итакъ, сообразивъ по возможности быстро свое положеніе, я молча поклонился и сказалъ *графу Чернышову*, что дѣйствительно не ожидалъ этой высокой ко мнѣ милости Его Величества. Генералъ Чернышовъ перебилъ меня и сказалъ:

— Вотъ вамъ собственноручная записка Государя Императора, который велѣлъ мнѣ передать ее вамъ на память.

Содержаніе этой записки было слѣдующее: «*Я нахожу въ г. Вылежинскомъ чувства честнаго человѣка, храбраго и доблестнаго воина и добраго Поляка. Онъ исполнялъ свой долгъ до тѣхъ поръ, пока былъ въ состояніи, и я вполнѣ вѣрю его слову въ томъ, что онъ всегда будетъ слѣдовать требованіямъ чести и присяги. Чтобы доказать ему это, я назначаю его своимъ флигель-адъютантомъ и поручаю ему отвезти депеши въ Варшаву. Затѣмъ онъ можетъ позаботиться о своемъ отцѣ, и когда онъ обезпечитъ участь этого старца, онъ явится ко мнѣ въ томъ мѣстѣ и въ то время, когда ему будетъ возможно. Вы вручите ему эту записку и прилагаемыя депеши. Н.*».

Записка эта, на французскомъ языкѣ, написанная карандашомъ собственною рукою Императора, была для меня несомнѣнно драгоцѣннѣйшимъ даромъ, и я мысленно обвинялъ свою злополучную судьбу, что эта милость не явилась ко мнѣ при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Когда я прочелъ эти милостивыя строки Императора Николая I, генералъ Чернышовъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что теперь вамъ, конечно, будетъ пріятно выразить Его Величеству вашу признательность за всю его доброту. Вы отправитесь съ моимъ фельдъегеремъ во дворецъ и лично представитесь Государю Императору.

Генералъ сѣлъ къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его, адресовалъ на имя Государя, вручилъ фельдъегерю и приказалъ ему сопровождать меня во дворецъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ:

— Я также доложилъ Государю все то, что вы высказали мнѣ относительно сознанія вами обязан-

ности возвратиться въ Варшаву, которая лежитъ на васъ, и что вы естественно не желаете слыть въ глазахъ вашихъ соотечественниковъ за дезертира. Его Величество вполнѣ уважаетъ ваши принципы, и изъ этого уже одного вы можете судить о великодушіи Государя и о томъ, какъ его плохо знаютъ въ Варшавѣ и не цѣнятъ его высокихъ качествъ. Теперь отправляйтесь, вы будете говорить съ вашимъ Государемъ и затѣмъ снова вернетесь сюда.

Я отправился во дворецъ, находящійся на Невскомъ проспектѣ и извѣстный подъ именемъ *Аничковскаго,* куда прибылъ въ девять съ половиной часовъ вечера. Я поднялся по широкой мраморной лѣстницѣ, гдѣ увидѣлъ только двухъ часовыхъ, а въ пріемной нѣсколько фельдъегерей изъ субалтернъ-офицеровъ; кромѣ нихъ здѣсь не было ни флигель-адъютантовъ, ни другихъ лицъ Государевой свиты. Меня провели въ небольшую гостиную, гдѣ просили подождать, такъ какъ Государь теперь ужиналъ на половинѣ Императрицы. Въ этой гостиной я увидѣлъ только одного камеръ-лакея, къ которому обратился съ просьбою дать мнѣ немного одеколону, чтобы освѣжиться, что̀ онъ и исполнилъ тотчасъ. Тѣмъ временемъ письмо генерала Чернышова было отправлено къ Государю и черезъ четверть часа явился камеръ-лакей, сообщившій мнѣ, что Его Величество меня ожидаетъ. Я прошелъ еще черезъ двѣ комнаты и очутился передъ дверью Государева кабинета, которую отворили предо мною. Это была очень большая комната, по стѣнамъ которой стояли большіе шкафы съ книгами, а посрединѣ — письменный столъ, на которомъ лежало множество картъ, книгъ и бумагъ. На

этомъ столѣ горѣло шесть свѣчей и за столомъ этимъ, на небольшомъ креслѣ, сидѣлъ Императоръ Николай. Между двумя окнами стоялъ столъ, на которомъ была зажжена лампа.

Императоръ Николай Павловичъ — человѣкъ высокаго роста, внушительной наружности, съ правильными чертами лица и выразительной физіономіей, полной величія. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ Преображенскаго полка. Государь былъ одинъ. Едва я переступилъ порогъ двери, которую тотчасъ заперли за мною, Государь сказалъ:

— «*Вылежинскій, здравствуйте, какъ ваше здоровье?*»...

При этихъ словахъ Государь поднялся съ мѣста, направился ко мнѣ, подалъ мнѣ руку и остановился, прислонясь къ письменному столу; я стоялъ передъ нимъ, а Государь продолжалъ:

— «*Я радъ васъ видѣть. Я назначилъ васъ Моимъ флигель-адъютантомъ, потому что увѣренъ въ васъ и въ томъ, что вы всегда останетесь мнѣ вѣрнымъ, всегда будете доблестнымъ воиномъ, добрымъ полякомъ, а это значитъ — вѣрнымъ вашей присягѣ и вашему Государю, т.-е. вашей родинѣ*».

Я выразилъ Императору чувства глубочайшей признательности за эту милость и прибавилъ, что не чувствую себя достойнымъ этого отличія.

— «*Вы состоите въ спискахъ гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, который такъ прекрасно исполнилъ свой долгъ въ самомъ началѣ. Вы находились съ этимъ полкомъ при особѣ Моего брата Константина въ первые моменты революціи, и Я вполнѣ разсчитываю на ваши чувства. Теперь поговоримъ о Польшѣ. Вы ви-*

дите, что я спокоенъ, поэтому вы можете понять, что все, что я буду говорить вамъ, не будетъ слѣдствіемъ какого-либо увлеченія или гнѣва. Скажите сами, неужели я могъ когда-нибудь ожидать революціи въ Польшѣ? Все тамъ было такъ прекрасно, а я лично, съ своей стороны, не могу себя упрекнуть въ чемъ либо, какъ Король польскій. Конституція, въ томъ видѣ, какою я нашелъ ее при вступленіи моемъ на престолъ и каковою она была завѣщана мнѣ моимъ братомъ, Императоромъ Александромъ,—эта конституція мною неизмѣнно и строго сохранялась безъ всякихъ измѣненій. Я самъ отправился въ Варшаву и короновался въ ней Королемъ польскимъ; Я сдѣлалъ для Польши все то, что было въ моихъ силахъ и считаю себя законнымъ польскимъ королемъ и таковымъ останусь всегда. Конечно, можетъ быть, въ учрежденіяхъ Царства и были нѣкоторые недостатки, но это не по моей винѣ, и слѣдовало это понять, войти въ мое положеніе и имѣть ко мнѣ болѣе довѣрія. Я всегда желалъ добра Польшѣ и несомнѣнно сдѣлалъ бы все для ея блага. При томъ же всѣ эти недочеты не давали Полякамъ никакого права на революцію, на этотъ возмутительный поступокъ, выразившійся въ нападеніи на домъ Моего брата и въ преступномъ желаніи убить его».

— Позволю себѣ доложить Вашему Величеству, что по увѣренію лицъ, бывшихъ въ Бельведерскомъ дворцѣ въ ночь съ 29-го на 30-е ноября, никто не имѣлъ намѣренія покуситься на жизнь Его Императорскаго Высочества.

— *«Не могу этому вѣрить, ибо, когда пятнадцать вооруженныхъ людей врываются во дворецъ, убиваютъ генераловъ и слугъ, нельзя повѣрить, чтобы они не убили*

Моего брата, если бы они могли это сдѣлать! Въ этомъ вы меня не разубѣдите. Что касается генерала Рожнецкаго, на котораго такъ много жалуются, то я знаю его съ давнихъ поръ и никогда не уважалъ его; знаю, что это негодяй и если онъ занималъ этотъ постъ, то надо было понять... (здѣсь государь пожалъ плечами, желая очевидно дать понять, что это была вина Великаго Князя) *тѣмъ не менѣе ваши газеты говорятъ о немъ слишкомъ много и сильно преувеличиваютъ, какъ вообще это въ обычаѣ прессы».*

Послѣднія слова Государя доказывали, что онъ уже успѣлъ прочесть польскія газеты, которыя я привезъ съ собою. Послѣ этого Государь подробно разспрашивалъ меня объ обстоятельствахъ революціи въ Варшавѣ и между прочимъ сказалъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, какимъ образомъ къ возстанію примкнула польская армія. На это я указалъ Его Величеству, что никто изъ старшихъ офицеровъ, даже капитановъ и почти никто изъ младшихъ офицеровъ не были посвящены въ тайну заговора; что большинство офицеровъ были увлечены своими подчиненными и молодежью, которая со свойственною ей экзальтаціей, приставивъ къ ихъ лбу пистолетъ, почти насильно принудила принять участіе въ революціи.

— *«Какъ? Неужели вы думаете, что даже въ четвертомъ пѣхотномъ полку не было капитановъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ?»*

— Насколько мнѣ извѣстно, въ 4-мъ пѣхотномъ полку былъ всего одинъ такой капитанъ или два, и то даже я въ этомъ окончательно не увѣренъ.

— *«А командиръ батареи гвардейской конной ар-*

тиллеріи полковникъ Хоржевскій, развѣ онъ не былъ въ числѣ заговорщиковъ?»

— Ручаюсь моимъ словомъ Вашему Величеству, что онъ не участвовалъ въ заговорѣ, равно какъ большинство офицеровъ этой батареи, которая выступила изъ казармъ только въ полночь. Но нельзя не войти въ положеніе этой батареи, расположенной въ центрѣ города, близъ арсенала, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ и произошелъ первый взрывъ революціоннаго движенія; вотъ почему эта батарея была фактически вынуждена соединиться съ первыми заговорщиками и народными толпами. Несомнѣнно, конечно, что восемь батарейныхъ орудій этой артиллеріи значительно содѣйствовали успѣху заговорщиковъ, почти силою захватившихъ эти пушки.

— *«Думаю, однако, что, если бы Мой братъ Константинъ имѣлъ въ своихъ рукахъ эту артиллерію, ему несомнѣнно удалось бы подавить возстаніе въ самомъ его зародышѣ; но, съ другой стороны, Я радъ, что Великій Князь не пустилъ въ дѣло русскія войска, что несомнѣнно вызвало бы проявленія національной вражды, между тѣмъ какъ теперь русскіе совершенно чисты, ибо до сихъ поръ не сдѣлали ни одного выстрѣла противъ поляковъ».*

— Дѣйствительно Великій Князь не употребилъ въ дѣло своихъ войскъ, и, быть можетъ, онъ могъ бы завладѣть городомъ въ ту же ночь, тѣмъ болѣе, что, кромѣ войскъ русской гвардіи, при немъ находилось болѣе четырехъ тысячъ поляковъ. Но, конечно, надо было дѣйствовать энергично въ эту же первую ночь.

— *«Да, если бы Я былъ тамъ, я вамъ ручаюсь, что дѣло кончилось бы иначе. Въ подобныхъ случаяхъ, для усмиренія мятежниковъ, необходима картечь; это печальная и тяжелая необходимость, но, къ сожалѣнію, она является единственнымъ средствомъ для предотвращенія въ будущемъ еще большихъ бѣдствій. Я знаю, что такое революція; Я видѣлъ ее здѣсь у себя и подавилъ ее. Все быстро вошло въ порядокъ, ибо по большей части это были несчастные, увлеченные примѣромъ горсти мятежниковъ. Даже часть Моей гвардіи, на которую я такъ разсчитывалъ, въ то время была также противъ меня; но это было временнымъ заблужденіемъ и вскорѣ же все вошло въ порядокъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ Я никогда не виню солдатъ, хотя, быть можетъ, тѣ же часовые, которые стоятъ теперь у моихъ дверей, въ тотъ день были противъ меня; а теперь они охраняютъ меня доблестно и вѣрно и готовы пролить свою кровь, защищая меня. Но что касается офицеровъ, то это другой вопросъ, и Я могу только выразить мое удивленіе и негодованіе по отношенію ко всѣмъ генераламъ и старшимъ офицерамъ польской арміи, которые настолько позволили себя увлечь и запугать молодыми офицерами, что, забывъ свой долгъ, приняли командованіе надъ мятежниками и этимъ самымъ сдѣлались ихъ сообщниками. Напримѣръ, Шембекъ, котораго я такъ любилъ, не только идетъ заодно съ мятежниками, но своимъ вступленіемъ въ городъ во главѣ своего полка рѣшаетъ участь революціи, первый подаетъ пагубный примѣръ всей арміи, соединяется съ мятежниками, увлекаетъ своимъ примѣромъ другія войска, которыя еще были вѣрны, и вынуждаетъ Моего брата уйти изъ города. И это тотъ самый Шембекъ, который самъ обѣщалъ Великому Князю не входить въ городъ и слушаться его приказаній».*

— Вступленіе въ Варшаву генерала Шембека явилось дѣйствительно значительнымъ подспорьемъ для возставшихъ, и примѣръ его повліялъ отчасти на другія войска, такъ какъ этотъ генералъ пользовался большою любовью во всей арміи; но позволю себѣ почтительнѣйше замѣтить Вашему Величеству, что возмущеніе польской арміи не входило въ его намѣренія, ибо онъ не только не былъ въ числѣ заговорщиковъ, но даже лично завѣрилъ меня, что онъ имѣлъ твердое намѣреніе остаться вѣрнымъ и исполнять приказанія Великаго Князя. Но когда онъ прибылъ къ своему полку, то нашелъ его всецѣло охваченнымъ революціоннымъ духомъ и воспламененнымъ самымъ горячимъ энтузіазмомъ къ революціи: по самому выраженію лицъ своихъ солдатъ онъ уже увидѣлъ, что малѣйшее съ его стороны колебаніе приведетъ лишь къ тому, что его же собственныя войска разстрѣляютъ его на мѣстѣ.

— «*Ну, что же, въ такомъ случаѣ ему слѣдовало итти на смерть—это была его обязанность, его долгъ. Ему слѣдовало бы сдѣлать то же самое, что сдѣлалъ Гауке, что сдѣлалъ Трембицкій; съ послѣднимъ онъ вѣдь самъ былъ такъ друженъ. Почему тотъ не послѣдовалъ его примѣру и не разсматривалъ физіономій своихъ солдатъ? Скажите ему, что я удивляюсь, что онъ до сихъ поръ еще живъ, и что я не ожидалъ отъ него столь позорнаго поведенія!*»

Произнеся эти слова, Государь постепенно оживлялся и говорилъ съ замѣтнымъ негодованіемъ. Затѣмъ онъ нѣсколько успокоился и сталъ разспрашивать меня о воспитанникахъ военной академіи. Я доложилъ Его Величеству, что академики сформировали

изъ себя батальоны и въ настоящее время занимаютъ караулы при Диктаторѣ Хлопицкомъ; что надо отдать имъ полную справедливость въ томъ, что своимъ поведеніемъ они болѣе всего способствовали прекращенію безпорядковъ, закрытію революціонныхъ клубовъ и водворенію спокойствія въ городѣ.

— «*Дѣло въ томъ, что это очевидно люди, получившіе воспитаніе, болѣе просвѣщенные, которые видятъ и сознаютъ всю опасность мятежныхъ безпорядковъ, и которые несомнѣнно стоятъ нравственно значительно выше, чѣмъ подпрапорщики. Для послѣднихъ не было ничего святого и они убивали направо и налѣво, какъ люди, не имѣющіе никакого понятія ни о долгѣ, ни о нравственности. Впрочемъ эта Школа всегда была плохимъ учрежденіемъ и здѣсь въ Россіи. Я давно ее уничтожилъ. Держать взаперти въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ триста молодыхъ людей и ничему ихъ не обучать — вотъ система, которая очевидно не могла не имѣть дурныхъ послѣдствій*».

Государь затѣмъ просилъ меня перечислить ему польскія войска, находившіяся при Великомъ Князѣ съ самаго начала революціи. Я исполнилъ это и между прочимъ назвалъ въ числѣ этихъ войскъ и кавалерійскую Школу подпрапорщиковъ.

— «*Не странно ли,*— перебилъ меня Государь,— *что пѣхотная Школа вела себя такъ недостойно, въ то время, какъ подпрапорщики кавалеристы такъ хорошо исполняли свой долгъ? А между тѣмъ, казалось бы, имъ слѣдовало бы дѣйствовать единодушно. Что касается гвардейскаго Конно-Егерскаго полка, который одинъ почти сражался въ эту ночь, такъ достойно исполняя свой долгъ, то я не могу достаточно имъ нахвалиться. Какъ*

только Я узналъ о подвигѣ этого полка, Я рѣшилъ дать ему блестящее отличіе: у меня даже былъ заготовленъ приказъ о предоставленіи этому полку правъ старой гвардіи, я рѣшилъ наградить всѣхъ офицеровъ полка особеннымъ знакомъ отличія и вообще осыпать его наградами. Я былъ увѣренъ, что этотъ полкъ никогда не покинетъ Моего брата; но когда Я узналъ, что онъ поступилъ такъ же, какъ и другіе польскіе полки, и вступилъ въ революціонную Варшаву, — Я все пріостановилъ. Въ настоящее время ему, конечно, придется дѣлать то, что будутъ дѣлать и другіе польскіе полки, но тѣмъ не менѣе, Я никогда не забуду того, что этотъ полкъ съ самаго начала находился при Моемъ братѣ».

— Считаю долгомъ доложить Вашему Величеству, что полкъ этотъ много пострадалъ отъ народной толпы во время возвращенія его въ Варшаву...

— «*...Но зато какое удовлетвореніе должны были испытывать Конные Егеря сознаніемъ ихъ вѣрности присягѣ, ихъ сердца должны были биться съ гордостью въ сознаніи свято исполненнаго долга! Кстати, кто командуетъ теперь этимъ полкомъ, и гдѣ онъ находится? — вѣдь теперь я ничего не знаю*»...

— Имъ попрежнему командуетъ полковникъ Ягминъ, и полкъ расположенъ на квартирахъ въ Пултускѣ.

Затѣмъ Государь спросилъ меня о полковникѣ Зелёнкѣ (тоже флигель-адъютантѣ Императора Николая), который былъ также полковникомъ въ Конно-Егерскомъ полку, и о томъ, были ли убитые и раненые офицеры.

— «*Вы вернетесь черезъ Пултускъ*, — продолжалъ Государь, — *прошу васъ передать мой поклонъ Ягмину и*

Зелёнкѣ и скажите Ягмину, что если онъ попрежнему можетъ разсчитывать на свой полкъ, то пусть онъ представитъ небольшой рапортъ Великому Князю Константину».

Не понимая въ точности значеніе этихъ словъ, я просилъ Его Величество милостиво разъяснить мнѣ это приказаніе.

— «*Я подразумѣваю здѣсь, конечно, краткій строевой рапортъ, не болѣе*»...

Но, увидѣвъ по выраженію моего лица мое смущеніе и недоумѣніе, Императоръ продолжалъ:

— «*...Конечно, это только въ томъ случаѣ, если это возможно. Во всякомъ случаѣ прошу васъ передать Ягмину и Зелёнкѣ, что они будутъ состоять при Моей особѣ во время моего въѣзда въ Варшаву. Вотъ что я желаю, и что я скоро исполню, ибо я до сихъ поръ Царь польскій, Царь законный и таковымъ буду всегда, запомните это хорошо и передайте это въ Варшавѣ. Я не желалъ бы прибѣгать къ мѣрамъ строгости, Я надѣюсь, что благоразумная часть націи возьметъ верхъ, что народъ польскій сознаетъ свою ошибку, и что все войдетъ въ порядокъ. Но я требую полнаго подчиненія, безъ всякихъ условій, ибо Я не имѣю намѣренія поступаться чѣмъ либо. Вспомните, что я Царь польскій, вашъ законный Монархъ и таковымъ останусь всегда. Я требую, чтобы мнѣ довѣряли. Скажите это въ Варшавѣ и сдѣлайте съ вашей стороны все то, что повелѣваетъ вамъ долгъ!*»

— Государь, — сказалъ я, — мнѣ остается только оплакивать бѣдствія, угрожающія моему народу.

— «*Дѣло не въ оплакиваніи, необходимо убѣдить ихъ подчиниться голосу разсудка. Я люблю своихъ под-*

данныхъ и никакая жертва для меня не будетъ тяжела въ моемъ желаніи сдѣлать ихъ счастливыми».

Здѣсь я позволилъ себѣ сказать Государю:

— Вашу любовь къ подданнымъ, Государь, Вы доказали въ Москвѣ во время холеры...

Государь перебилъ меня быстро и сказалъ:

— *«Я ничего не доказалъ: Я просто исполнилъ свой долгъ. Насколько я люблю моихъ подданныхъ, настолько ради ихъ же блага я сумѣю заставить уважать себя и усмирить мятежниковъ. Я опасаюсь, что удаленіе всѣхъ войскъ изъ провинціи послужитъ поводомъ къ безпорядкамъ, такъ какъ, судя по вашимъ словамъ, даже жандармы вызваны оттуда и ихъ будутъ организовать въ полки. Мнѣ кажется, что было бы лучше, если бы ихъ оставили на мѣстѣ для несенія полицейской службы и охраненія внутренняго порядка. Что думаете вы объ этомъ?»*

— Мнѣ кажется, Государь, что въ виду повсемѣстнаго формированія національной гвардіи, состоящей изъ мирныхъ гражданъ, заинтересованныхъ въ поддержаніи порядка, эта внутренняя стража будетъ вполнѣ достаточной.

— *«Но развѣ эти такъ называемые національные гвардейцы—дѣйствительно мирные граждане, дѣйствительно ли при назначеніи на эти должности дѣлается хорошій выборъ?»*

Выслушавъ мой отвѣтъ, Государь разспрашивалъ меня затѣмъ о нѣкоторыхъ убитыхъ генералахъ. Когда я доложилъ его величеству, что генералъ графъ *Станиславъ Потоцкій* былъ нечаянно убитъ, не будучи даже узнанъ, Государь сказалъ:

— *«Этотъ добрый, достойный Станиславъ! Я искренно жалѣю его. А генералы Новицкій и Трембицкій?— послѣдній вѣдь умеръ смертью храбраго?»*

— Да, Государь, онъ дѣйствительно умеръ, какъ герой.

— *«Скажите, гдѣ застала васъ революція при самомъ началѣ возстанія?»*

— Я находился въ это время у княгини Яблоновской.

— *«А у красивой княгини Терезы»*.

Государь затѣмъ спросилъ меня, не былъ ли я раненъ, не подвергался ли я опасности, и сказалъ, что онъ одобряетъ генерала Хлопицкаго, приказавшаго раскассировать саперный батальонъ, отправивъ двѣ роты въ *Замостье,* одну въ *Модлинъ* и одну въ *Прагу;* онъ также одобрилъ распоряженіе Диктатора, выславшаго изъ Варшавы (кажется въ Станиславово) четвертый пѣхотный полкъ. Затѣмъ онъ говорилъ еще о необходимости Полякамъ подчиниться, о его твердомъ желаніи оставаться законнымъ Царемъ польскимъ, о томъ, что, какъ Монархъ, онъ не можетъ сдѣлать себѣ никакого упрека по отношенію къ Польшѣ, и что онъ сумѣетъ привести къ повиновенію мятежниковъ. Затѣмъ Государь продолжалъ:

— *«Скажите отъ меня полякамъ, что я увѣренъ въ томъ, что на нихъ дѣйствуетъ иностранное вліяніе, которое Я считаю главнымъ поводомъ этой революціи. Русскій народъ оскорбленъ и возмущенъ поступкомъ Польши и Мнѣ съ трудомъ удается сдерживать его законное негодованіе. Но до тѣхъ поръ, пока Я царствую, Я сумѣю заставить повиноваться Моей волѣ, сумѣю повліять на Моихъ подданныхъ, и въ этомъ отношеніи поляки могутъ быть покойны».*

Затѣмъ Государь перешелъ къ генералу Хлопицкому и сказалъ:

— «*Я сожалѣю, что онъ не служилъ въ Моей польской арміи, и при вступленіи моемъ на престолъ былъ уже въ отставкѣ. По всему, что Я вижу, Я прихожу къ заключенію, что онъ не былъ въ заговорѣ, хотя теперь и стоитъ во главѣ революціи; Я не обвиняю его въ томъ, что онъ провозгласилъ себя главою временнаго правительства безъ Моего согласія, ибо онъ все-таки возстановилъ порядокъ. Но теперь я желалъ бы знать, что думаетъ онъ дѣлать дальше... Развѣ генералъ Хлопицкій не передалъ вамъ никакого порученія для меня?*»

— Нѣтъ, Государь, онъ только сказалъ мнѣ при отъѣздѣ, что, если Ваше Величество удостоите меня разговоромъ, то я долженъ буду отвѣчать вамъ, Государь, съ правдивостью и искренностью, должною по отношенію къ моему Монарху.

— «*Я вполнѣ понимаю, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ не могъ вручить вамъ какого-либо письменнаго документа на Мое имя; но не далъ ли онъ вамъ какого-либо устнаго порученія, не просилъ ли онъ васъ передать Мнѣ съ глазу на глазъ о томъ, что я долженъ о немъ думать и насколько Я могу разсчитывать на него?*»

— Нѣтъ, Государь, онъ не сказалъ мнѣ ни слова.

— «*Какъ ничего?* (при этомъ Государь пристально взглянулъ на меня), *развѣ онъ не приказалъ вамъ доложить мнѣ о дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ?*»

— Нѣтъ, Государь, ибо въ противномъ случаѣ я имѣлъ бы уже честь доложить объ этомъ Вашему Величеству.

— «*Странно... Тѣмъ не менѣе передъ нимъ открывается прекрасная, достойная задача, и желательно бы знать, насколько онъ сумѣетъ ее выполнить. Настоящее его поведеніе можетъ заслужить Мое снисхожденіе, если онъ исполнитъ свой долгъ, такъ какъ онъ еще можетъ возвратить спокойствіе своему отечеству, можетъ отвратить отъ своей страны многія бѣдствія и создать себѣ почетное и славное имя, заслуживъ признательность своего народа и своего Монарха. Но необходимо, чтобы онъ шелъ по вѣрному пути, по пути долга и чести. Посмотримъ же, что сдѣлаетъ онъ и не дастъ ли онъ себѣ вскружить голову*».

Послѣ этого Государь предложилъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ о новомъ устройствѣ польскихъ войскъ, и когда я сказалъ ему, что новый кавалерійскій полкъ сформированъ на средства графа *Замойскаго*, онъ спросилъ меня, какой это Замойскій, на что я отвѣтилъ его Величеству, что это былъ старшій сынъ *графа Замойскаго,* президента Сената. При этихъ словахъ Государь покачалъ головой. Онъ сказалъ мнѣ также, что чрезвычайно доволенъ генераломъ *Викентіемъ Красинскимъ,* и разспрашивалъ о генералѣ *Курнатовскомъ*. Узнавъ, что послѣдній спокойно находится въ Варшавѣ, Государь сказалъ:

— «*Передайте ему мой поклонъ и скажите, что Я продолжаю считать его на моей службѣ, и что я не принимаю его отставки*».

Государь спрашивалъ меня также о другихъ генералахъ и начальникахъ отдѣльныхъ частей польскихъ войскъ и нахмурилъ брови, когда я сказалъ Его Величеству, что всѣ они находятся во главѣ своихъ дивизій, бригадъ и полковъ и повинуются при-

казаніямъ Диктатора. Затѣмъ Императоръ Николай сказалъ:

— *«Я надѣюсь, что они все-таки образумятся. Я назначилъ Плоцкъ мѣстомъ сбора, гдѣ должна быть сосредоточена польская армія, и думаю, что это самый удобный пунктъ, такъ какъ онъ не находится въ Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ удаленъ отъ варшавскихъ крикуновъ и вообще является самымъ подходящимъ мѣстомъ для водворенія всеобщаго порядка... Скажите, что думаете вы по поводу Моего манифеста, обращеннаго къ польскому народу? Какъ будетъ онъ принятъ въ Польшѣ, и можно ли надѣяться на возстановленіе спокойствія, не прибѣгая къ силѣ?»*

Я сначала уклонился отъ прямого отвѣта, но Государь прибавилъ:

— *«Скажите мнѣ, что думаете вы на этотъ счетъ, скажите мнѣ ваше личное мнѣніе?»*

— Такъ какъ Ваше Величество приказываете мнѣ высказать мое личное мнѣніе, то позволю себѣ замѣтить, что, по мнѣнію моему, этотъ манифестъ не произведетъ ожидаемаго дѣйствія. Я самъ убѣдился, насколько положеніе вещей въ Польшѣ серьезно, насколько партія мира и спокойствія находится подъ давленіемъ противной партіи; я лично видѣлъ настроеніе умовъ большинства Поляковъ и по всему вижу, что обращеніе Вашего Величества не будетъ принято съ должнымъ вниманіемъ. Я, быть можетъ, ошибаюсь, я даже желалъ бы ошибаться, но по всему, что я знаю, я могу только ожидать бо́льшихъ бѣдствій моему несчастному отечеству.

— *«И такъ, если вы думаете, что они добровольно не подчинятся, то остается лишь одно средство, къ которому я долженъ буду прибѣгнуть, какъ Русскій Императоръ и какъ Царь Польскій. Первый пушечный выстрѣлъ съ вашей стороны — и я уже больше ни за что не отвѣчаю: скажите это въ Варшавѣ... Но вотъ, что мнѣ сейчасъ пришло въ голову: Я съ удовольствіемъ назначилъ васъ своимъ флигель-адъютантомъ, но Я опасаюсь, какъ бы это не подвергло васъ какой-либо опасности въ Варшавѣ. Какъ думаете вы сами? Вѣдь выраженіе Моего къ вамъ благоволенія можетъ причинить вамъ непріятности! Это огорчило бы меня!»*

Признаюсь, что послѣднія слова Государя, произнесенныя голосомъ, полнымъ искренности и доброты, душевно тронули меня и я отвѣтилъ Его Величеству, что я не думаю, чтобы эта милость подвергла меня опасности, но если бы это было и такъ, то я охотно пойду ей навстрѣчу.

Государь поцѣловалъ меня и сказалъ:

— *«До свиданія. Поклонитесь отъ Меня вашему отцу и поздравьте его отъ Моего имени съ тѣмъ, что у него такой добрый сынъ. До свиданія, любезный другъ, желаю вамъ счастливаго пути».*

Онъ подалъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ еще разъ высказавъ Его Величеству мою признательность, и вышелъ изъ кабинета.

Это свиданіе съ Императоромъ Николаемъ продолжалось болѣе двухъ часовъ. Было уже половина двѣнадцатаго ночи, когда я вышелъ изъ дворца. Передавая этотъ разговоръ, я запомнилъ здѣсь важнѣйшія его подробности, все то, что наиболѣе сохранилось у меня въ памяти; но Императоръ предлагалъ

мнѣ еще множество другихъ, второстепенныхъ вопросовъ, которыхъ я въ точности не запомнилъ и потому и не привожу въ этихъ воспоминаніяхъ. При этомъ Государь ничего не спрашивалъ меня о Сеймѣ и ни объ одномъ изъ должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства, бесѣдуя исключительно о польской арміи. Въ теченіе разговора онъ нѣсколько разъ приходилъ въ сильное волненіе, но во всѣхъ его пріемахъ всегда проявлялось величіе, и въ голосѣ его звучали ноты мягкости и чистосердечія; вотъ почему несмотря на строгую его наружность, я чувствовалъ къ нему невольное влеченіе. Вообще Государь имѣлъ видъ человѣка, болѣе огорченнаго, нежели негодующаго. Вѣроятно также, что онъ не предполагалъ, что обстоятельства примутъ тотъ характеръ, который они впослѣдствіи имѣли, и что борьба будетъ длиться такъ долго, а также не придавалъ, повидимому, значенія тому, что я высказалъ относительно участія всей націи въ дѣлѣ революціи. Быть можетъ также, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе по этому поводу, и что его увѣрили, будто бы очень легко задавить революцію, такъ какъ этого желаетъ большинство націи.

Изъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ Императоромъ, я могъ заключить, что ему было извѣстно каждое мое слово, сказанное *Дибичу* и *Бенкендорфу*. Послѣднимъ я сказалъ все, что было необходимо, что же касается Государя, то я, конечно, могъ только отвѣчать на вопросы, предложенные мнѣ Его Величествомъ. Тѣмъ не менѣе, я не задумался высказать Императору всю правду и совершенно искренно изложилъ свой образъ мыслей, когда это было необходимо, несмотря на то,

что явился я въ Петербургъ не въ качествѣ парламентера, не въ роли лица, присланнаго отъ имени націи, и что я не могъ и не долженъ былъ разыгрывать подобной роли. Все что я высказалъ въ это время Государю, Дибичу и Бенкендорфу и что я заявилъ письменно, въ запискѣ, оказалось настолько справедливымъ, что спустя годъ, когда все уже было покончено съ Польшей, и когда Государь велѣлъ выразить мнѣ свое неудовольствіе въ офиціальномъ рескриптѣ и изъ милости ко мнѣ осудилъ на полное своей стороны забвеніе, — онъ, тѣмъ не менѣе, поручилъ сказать мнѣ, что онъ все-таки «отдаетъ мнѣ полную справедливость въ томъ, что я высказалъ ему искренно и правдиво объ истинномъ положеніи вещей въ Польшѣ». Полагая, что я имѣю порученіе отъ генерала Хлопицкаго передать что-либо лично для Его Величества, желая также переговорить со мною, чтобъ узнать нѣкоторыя подробности о революціи, которыхъ онъ не зналъ, и не желая видѣть во мнѣ мятежнаго офицера, котораго онъ могъ только встрѣтить сурово, Государь пожаловалъ меня своимъ флигель-адъютантомъ, дабы свободнѣе говорить со мною. Быть можетъ, Государь полагалъ также, что это произведетъ благопріятное впечатлѣніе въ Варшавѣ. Если это такъ, то я не исполнилъ его воли въ этомъ отношеніи, но я навсегда обязанъ этому благодарностью за его великодушный и милостивый пріемъ и за данное мнѣ разрѣшеніе вернуться въ Варшаву въ такое время.

Изъ дворца я вернулся къ графу Чернышову. Онъ еще разъ заговорилъ со мною о генералѣ *Шембекѣ*, который въ это время былъ губернаторомъ Варшавы,

и поведеніе котораго графъ находилъ ужаснымъ [1]); разспрашивалъ о генералѣ *Войчинскомъ*, командовавшемъ всей національной гвардіей, и о вдовахъ генераловъ, убитыхъ въ первый день возстанія: госпожахъ Трембицкой, Семіонтковской и о графинѣ Потоцкой. Затѣмъ графъ Чернышовъ говорилъ о добротѣ и великодушіи Государя, который все время выражалъ желаніе, чтобы все совершалось согласно закону, и еще недавно, послѣ арестованія нѣкоторыхъ подпрапорщиковъ и академиковъ, подозрѣвавшихся въ подстрекательствѣ къ мятежу, велѣлъ написать Цесаревичу и административному совѣту царства Польскаго, чтобы все слѣдствіе было ведено согласно польскимъ законамъ и конституціи. Онъ говорилъ также, что въ Варшавѣ совсѣмъ не понимали высокой личности Государя, и что я лично много ему обязанъ; совѣтовалъ мнѣ не особенно показываться въ Варшавѣ и вести себя тамъ чрезвычайно осторожно, въ случаѣ же необходимости велѣлъ съ письмами обращаться непосредственно на его имя.

Въ заключеніе онъ вручилъ мнѣ депеши на имя *графа Соболевскаго*, правительственнаго президента царства Польскаго, и открытый листъ для пропуска

[1]) Генералъ Шембекъ, какъ это видно изъ записокъ современника и очевидца этихъ событій, Колзакова, дѣйствительно сыгралъ недостойную роль. Когда 19 ноября 1830 г. онъ явился къ Великому Князю въ Вержбу, послѣдній принялъ его какъ друга и просилъ уговорить польскія войска остаться вѣрными своему долгу и присягѣ. Шембекъ обѣщалъ, но на возвратномъ пути найдя у Мокотовской заставы полкъ польскихъ пѣшихъ егерей, обратился къ нимъ съ зажигательною рѣчью и вернулъ ихъ въ Варшаву. *Прим. изд.*

черезъ границу. При этомъ онъ посовѣтовалъ мнѣ немедленно выѣхать изъ Петербурга, сообщивъ, что его фельдъегерь будетъ сопровождать меня до городской заставы. Затѣмъ онъ также дозволилъ мнѣ повидаться съ *графомъ Замойскимъ*, который остановился въ той же гостиницѣ, гдѣ и я, но при этомъ запретилъ мнѣ брать отъ него какое-либо письмо. Такимъ образомъ, исключая графа Замойскаго, я не видѣлся въ Петербургѣ ни съ однимъ полякомъ.

31-го декабря 1830 года, въ часъ съ половиною послѣ полуночи, я выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи того же конвоя, съ которымъ я прибылъ, и въ такомъ порядкѣ я ѣхалъ вмѣстѣ съ офицеромъ въ небольшихъ, открытыхъ саняхъ, а мой человѣкъ— съ унтеръ-офицеромъ въ другихъ саняхъ.

Я искренно поздравилъ себя, миновавъ Петербургскую заставу. Теперь я уже не сомнѣвался въ томъ, что карьера моя кончена, что тяжба моя въ Сенатѣ проиграна [1]), и въ будущемъ меня ожидаетъ невеселая перспектива. Но въ душѣ я принесъ эту жертву моему отечеству (которое, вѣроятно, никогда не оцѣнитъ ея), былъ радъ вернуться къ своимъ и съ достоинствомъ выполнить возложенную на меня миссію, раздѣливъ участь моихъ соплеменниковъ. Въ Петербургъ я болѣе не предполагалъ вернуться и воздержался дать такое обѣщаніе, принявъ твердое

[1]) Я дѣйствительно проигралъ этотъ процессъ, разбиравшійся въ Сенатѣ въ 1831 году, и который могъ бы, по справедливости, выиграть, если бы имѣлъ возможность лично повести дѣло. Въ результатѣ я потерялъ, по крайней мѣрѣ, 200 тыс. флориновъ, т. е. все свое состояніе. Также погибла и моя военная карьера.

рѣшеніе оставаться въ Польшѣ во все это смутное время.

Мы ѣхали довольно скоро; санный путь былъ настолько хорошъ, что переѣздъ отъ Петербурга до Риги мы совершили чрезвычайно быстро. Въ Ригѣ намъ пришлось переночевать, такъ какъ черезъ Двину не было мостовъ, и ледъ еще не установился. Я не могу достаточно нахвалиться моими спутниками, которые не только были любезны и вѣжливы, но окружали меня всевозможнымъ вниманіемъ. Въ Ригѣ сопровождавшій меня офицеръ просилъ позволенія повидать свою мать, которая жила въ этомъ городѣ, а въ Митавѣ унтеръ-офицеръ (курляндскій уроженецъ) встрѣтилъ своего маленькаго брата и представилъ мнѣ его. Начиная отъ Риги и до самой Ковны, дорога была отвратительная; въ *Ковну* мы прибыли вечеромъ 3-го января 1831 года. Здѣсь я засталъ уже *генерала Палена 1-го* съ четвертымъ полкомъ морской пѣхоты, который находился въ *Шавляхъ,* когда я ѣхалъ въ Петербургъ. Теперь весь 1-й армейскій корпусъ уже выдвинулся до *Гродны.* Графа Палена на этотъ разъ я не видѣлъ, распрощался съ моимъ офицеромъ и рано утромъ, 4-го января, переправившись въ лодкѣ черезъ Нѣманъ, прибылъ въ предѣлы Польши.

Начальникъ польской таможни въ *Алексотѣ* чрезвычайно обрадовался, увидѣвъ меня, ибо до него дошли слухи, что меня арестовали, заковали въ цѣпи и отправили прямо въ Сибирь. Признаюсь, что я почувствовалъ большое облегченіе, вступивъ на польскую территорію, ибо, несмотря на пожалованное мнѣ званіе флигель-адъютанта, все-таки опасался какихъ-либо неожиданностей въ предѣлахъ Россіи.

Въ Польшѣ я путешествовалъ довольно быстро, но одно обстоятельство было чрезвычайно непріятно: почти на каждой станціи представители мѣстныхъ властей и жители непремѣнно желали знать подробности моего путешествія, о томъ, что̀ я говорилъ съ Императоромъ, о военныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ въ Россіи, и о вѣроятности войны или мира. Патріоты, знавшіе о моей поѣздкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидавшіе моего возвращенія, появлялись на станціи, какъ только до слуха ихъ доносился звукъ почтоваго рожка. Всѣ желали говорить со мною и поручали станціоннымъ смотрителямъ немедленно сообщать имъ о моемъ пріѣздѣ, хотя бы это было и позднею ночью. Все это чрезвычайно раздражало меня и несмотря на то, что я, конечно, не могъ и не хотѣлъ говорить обо всемъ, тѣмъ не менѣе, мнѣ приходилось быть чрезвычайно вѣжливымъ, что впрочемъ было въ моихъ привычкахъ, тѣмъ болѣе, что большинство сельскихъ жителей интересовались тѣмъ, что было для нихъ всего важнѣе, а именно вопросомъ о возможности скораго нашествія непріятеля и о войнѣ, которая угрожала ихъ благосостоянію. Большинство еще успокаивали себя надеждами, что все окончится мирно, и надо сказать по справедливости, что весьма малое число жителей—особенно обитателей праваго берега Вислы—было довольно совершившеюся революціей.

Въ маленькихъ городахъ возбужденіе было сильнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, и тамъ ходили среди населенія самые невѣроятные слухи. Говорили, что Императоръ умеръ, что въ Петербургѣ произошла кровавая революція; другіе увѣряли, что Императоръ былъ вынужденъ покинуть столицу; что литовскій корпусъ

возмутился и шелъ на соединеніе съ поляками; что корпусъ *графа Палена* послѣ кровопролитнаго сраженія съ литовскимъ корпусомъ былъ совершенно уничтоженъ и т. п. Всѣ боялись послѣдствій войны, и такимъ-то образомъ вожаки возстанія старались распространять всѣ эти нелѣпые слухи, какъ бы надѣясь предотвратить этимъ бѣдствія, которыя приближались и угрожали нашей бѣдной родинѣ.

Прибывъ вечеромъ въ *Сувалки,* я встрѣтилъ на станціи нѣсколькихъ обывателей, которые, не зная меня, разспрашивали, не прибылъ ли я изъ окрестностей Ковны. Услышавъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, они стали разспрашивать меня, не слыхать ли чего объ Императорѣ, и что̀ дѣлается въ Петербургѣ. Я отвѣтилъ, что Онъ совершенно здоровъ и находится въ Петербургѣ. Тогда они съ усмѣшкой стали увѣрять меня, что я очень плохо освѣдомленъ, ибо изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ имъ хорошо извѣстно, что Императоръ долженъ былъ бѣжать изъ столицы и теперь скрывается въ Пруссіи и что съ моей стороны не хорошо охлаждать національное чувство распространеніемъ ложныхъ извѣстій. На это я отвѣчалъ имъ, что ошибаются они сами, ибо менѣе четырехъ дней тому назадъ я лично бесѣдовалъ съ Императоромъ Николаемъ въ Петербургѣ. Услышавъ это, они были сильно удивлены и спросили меня, не я ли полковникъ Вылежинскій, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, всѣ тотчасъ окружили меня, пригласили на ужинъ и умоляли меня разсказать все то, что я видѣлъ въ Петербургѣ. Стараясь по возможности удовлетворить ихъ любопытство, я, конечно, давалъ только самые краткіе и незначительные отвѣты,

ибо зналъ, что въ каждомъ городѣ и особенно въ такомъ, какъ Сувалки, было множество варшавскихъ комиссаровъ, членовъ патріотическихъ или скорѣе революціонныхъ клубовъ, которые, несмотря на закрытіе ихъ Диктаторомъ, втайнѣ агитировали и возбуждали умы.

Въ Ломжѣ я встрѣтилъ уже новую кавалерію: здѣсь формировался *Августовскій кавалерійскій полкъ,* въ который уже присланы были полковникомъ *Янковскимъ* офицеры и унтеръ-офицеры его Конно-Егерскаго полка для занятія должностей инструкторовъ. Тутъ встрѣтилъ я множество крестьянъ, вооруженныхъ косами, которыхъ набирали въ Августовскомъ палатинатѣ, какъ ближайшей пограничной мѣстности съ Россіей, съ тѣмъ, чтобы организовать изъ нихъ пѣхотные полки. Близъ *Ружанъ* я увидѣлъ регулярныя войска перваго и третьяго Конно-Егерскихъ полковъ, которые уже были на военномъ положеніи и несли аванпостную и сторожевую службу.

Въ Ружанахъ я видѣлся съ полковникомъ *Янковскимъ* и *генераломъ Пжепендовскимъ* и у послѣдняго обѣдалъ. Я долго бесѣдовалъ съ полковникомъ Янковскимъ, котораго зналъ съ давнихъ поръ, и который былъ однимъ изъ выдающихся старшихъ офицеровъ бывшаго польскаго Уланскаго полка Наполеоновской гвардіи. Мы оба были согласны съ нимъ, что положеніе Польши было не блестяще, и что война, къ сожалѣнію, была неизбѣжна. Онъ также сказалъ мнѣ, что въ Варшавѣ только и говорили о революціи, будто бы происшедшей въ Петербургѣ, и что мой пріѣздъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя онъ узналъ отъ меня, сильно разочаруетъ многихъ и едва ли будетъ прія-

тенъ для вожаковъ революціи. Онъ сообщилъ мнѣ также, что польская армія будетъ преобразована, что генералъ *Пжепендовскій* не будетъ имѣть командованія, и что онъ будетъ назначенъ начальникомъ кавалерійской дивизіи, состоящей изъ перваго и третьяго Конно-Егерскихъ полковъ и Августовскаго и *Плоцкаго* кавалерійскихъ, которые онъ формируетъ; эта дивизія предназначена итти въ первую линію и будетъ двинута по направленію къ *Ковнѣ* и *Бѣлостоку*. Онъ высказалъ мнѣ мнѣніе, что Государь поставилъ меня въ неловкое положеніе, назначивъ своимъ флигель-адъютантомъ, но что я поступилъ, какъ честный человѣкъ, вернувшись въ Польшу къ своимъ соотечественникамъ въ это тяжелое для родины время. Что касается его лично, то онъ рѣшилъ не вмѣшиваться ни въ политику, ни во внутреннія дѣла страны, но что онъ всегда будетъ служить въ арміи и сражаться до послѣдней крайности, несмотря ни на что, что физически онъ чувствуетъ себя прекрасно, находится въ полномъ здоровьѣ и рѣшилъ предоставить всѣ свои силы родинѣ; что онъ привелъ въ порядокъ свои личныя дѣла и сдѣлалъ духовное завѣщаніе, такъ какъ, по его мнѣнію, въ настоящее время первою обязанностью всякаго добраго поляка — это сражаться за родину и не уступать дешево ея независимость; что необходимо жертвовать всѣмъ ради родины, поддержать національную честь и древнюю доблесть польской арміи. Говоря все это, *Янковскій*, быть можетъ, и разсчитывалъ, что онъ погибнетъ въ этой войнѣ, но едва ли могъ предвидѣть, что онъ впослѣдствіи сдѣлается жертвой партійной борьбы, будетъ обвиненъ въ измѣнѣ и убитъ самымъ ужаснымъ

образомъ посреди Варшавы разсвирѣпѣвшимъ народомъ, подстрекаемымъ предступными людьми, желавшими убѣдить народъ въ томъ, что это единственное средство спасти отечество. Быть можетъ, Янковскій дѣйствительно совершилъ ошибки съ военной точки зрѣнія, но онъ никогда не былъ измѣнникомъ и, конечно, не ожидалъ и не заслуживалъ подобной смерти. Говорю это съ искреннимъ убѣжденіемъ.

Далѣе, въ *Пултускѣ,* я встрѣтилъ полковника *Ягмина,* командира гвардейскаго Конно-Егерскаго полка. Я передалъ ему лично все то, что Императоръ поручилъ мнѣ высказать ему, воздержавшись, конечно, отъ всякаго личнаго сужденія. *Ягминъ* отвѣтилъ мнѣ, что онъ и его полкъ, что бы ни случилось, искренно преданы польскому дѣлу, и просилъ меня передать это Диктатору. Такъ поступили почти всѣ офицеры старой польской арміи, даже тѣ, которые въ первое время революціи высказались противъ нея; несмотря на то, что они сами весьма мало надѣялись на успѣшный исходъ этой неравной борьбы,—они всѣ исполнили свой долгъ, дрались до послѣдней возможности и съ честью поддерживали національное дѣло. Всѣ они говорили, что не хотятъ походить на неаполитанцевъ и показать Европѣ, что если они и будутъ побѣждены, то это произойдетъ не по недостатку храбрости или любви къ родинѣ, которой они желаютъ жертвовать всѣмъ безъ всякихъ расчетовъ.

Въ *Зегржѣ,* на Наревѣ, я уже увидѣлъ регулярную пѣхоту 8-го линейнаго полка, которымъ командовалъ *полковникъ Скржынецкій.* Меня сначала не хотѣли пропускать черезъ мостъ, такъ какъ было совершенно темно: но едва я назвалъ свое имя, какъ меня

немедленно же пропустили, ибо всѣ знали о моемъ путешествіи въ Петербургъ и съ нетерпѣніемъ ожидали извѣстій, отъ которыхъ должна была зависѣть ихъ судьба. То же произошло и на Варшавской заставѣ.

Извѣстія, которыя я привезъ, былъ дѣйствительно первостепенной важности, ибо я имѣлъ личное порученіе отъ Императора объявить о томъ, что онъ не желаетъ никакихъ переговоровъ, не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ, требуетъ безусловнаго и полнаго подчиненія и введетъ въ Польшу русскія войска, которыя быстро собраны на границѣ и немедленно же начнутъ военныя дѣйствія, какъ только увидятъ, что мы оказываемъ сопротивленіе. Другими словами это была война. Спустя недѣлю, это же извѣстіе, но уже въ болѣе офиціальной формѣ привезъ *графъ Езерскій*, я же имѣлъ только устное порученіе Императора для передачи его Диктатору. Въ депешахъ, которыя я привезъ на имя *графа Соболевскаго*, было указано, что въ скоромъ времени графъ Езерскій привезетъ окончательное рѣшеніе Государя въ письменной формѣ. Депеши мои не доходили, однако, по назначенію, такъ какъ письмо, которое я привезъ изъ Варшавы на имя *князя Любецкаго*, было распечатано въ Петербургѣ, а то, которое я везъ на имя Соболевскаго, было распечатано въ Варшавѣ генераломъ *Хлопицкимъ* въ присутствіи всего совѣта.

Въ 3 часа утра, 6-го января 1831 года, я прибылъ обратно въ Варшаву по прошествіи двухъ недѣль. Диктаторъ въ это время жилъ во дворцѣ Намѣстника. Во дворѣ караулъ занимала рота 1-го Егерскаго полка, и дежурными адъютантами въ этотъ день были: *капитанъ Лесскій*, поручикъ *Леонъ Ржевускій*, подпрапорщикъ *Маврикій Потоцкій* и одинъ изъ воспитанниковъ академіи.

Диктатора разбудили немедленно, и я тотчасъ же представилъ ему отчетъ о моей поѣздкѣ.

Заканчивая переводъ этихъ интересныхъ записокъ Вылежинскаго, которыя прекращаются въ подлинникѣ на этомъ мѣстѣ, мы, какъ уже сообщали выше, рѣшили дополнить ихъ краткими свѣдѣніями, найденными нами въ архивѣ покойнаго историка Н. К. Шильдера, собравшаго, какъ извѣстно, громадный рукописный матеріалъ для послѣдняго своего труда объ Императорѣ Николаѣ I-мъ. Изъ бумагъ этихъ, между прочимъ, видно, что 18-го декабря 1830 года генералъ-адъютантъ графъ А. И. Чернышовъ представилъ Государю Николаю Павловичу всеподданнѣйшую записку на французскомъ языкѣ о разговорѣ своемъ «съ прибывшимъ изъ Варшавы подполковникомъ польскихъ войскъ Вылежинскимъ, который, не раздѣляя мыслей возмутителей общественнаго спокойствія, подвергнувшихъ его отечество бѣдствіямъ, выразилъ чувства преданности своей законному Правительству и сообщилъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ тамошнемъ краѣ».

На запискѣ этой собственною рукою Императора Николая поставлена слѣдующая резолюція:

«Je suis parfaitement satisfait de cette manière franche d'agir et vous en remercie, mon cher ami; voici un billet que vous remettrez à Wyleżinski: un

homme loyal retournant là-bas doit porter sur lui les marques de l'estime que je lui accorde; je le nomme mon aide-de-camp et vous lui remettrez ce billet comme gage des sentiments que sa noble conduite lui vaut de ma part. Dites moi le resultat que cela aura sur lui et faites le partir. S'il vous demandait à me voir, vous pouvez me l'envoyer à 10 heures» [1]).

Вотъ подлинный французскій текстъ собственноручной записки Императора Николая, врученной Чернышовымъ подполковнику Вылежинскому 18-го декабря 1830 года,—записки, о которой самъ Государь упоминаетъ въ вышеприведенной резолюціи:

«Je trouve dans M-r Wyleżinsky les sentiments d'un homme d'honneur, d'un brave et loyal militaire et d'un bon polonais. Il a fait son devoir jusqu'à ce qu'il a pu le faire et je crois à sa parole qu'il saura toujours suivre la voie de l'honneur et de son serment. Pour le lui prouver je le nomme mon aide-de-camp et je le charge de porter ces dépèches à Varsovie. Il pourra ensuite soigner son père et quand il aura assuré le sort de ce vieillard, il me rejoindra quand et où

[1]) Я чрезвычайно доволенъ вашимъ откровеннымъ образомъ дѣйствій и благодарю васъ, любезный другъ; вотъ записка, которую вы вручите Вылежинскому: достойный человѣкъ, возвращающійся туда, долженъ быть облеченъ доказательствомъ Моего къ нему уваженія. Я назначаю его Моимъ флигель-адъютантомъ и прошу васъ вручить ему эту записку, какъ выраженіе Моихъ чувствъ, вызванныхъ его благороднымъ поведеніемъ. Сообщите Мнѣ о томъ впечатлѣніи, которое она произведетъ на него и разрѣшите ему уѣхать въ Варшаву. Если бы онъ пожелалъ Меня видѣть, вы можете прислать его ко Мнѣ въ 10 часовъ.

il le pourra. Vous lui remettrez ce billet et cette dépèche».

Изъ тѣхъ же бумагъ видно, что 8-го (20) декабря 1831 года подполковникъ польскихъ войскъ Вылежинскій подалъ на имя дивизіоннаго генерала Раутенштрауха рапортъ, въ коемъ онъ объяснялъ причины, по которымъ онъ вынужденъ былъ оставаться въ царствѣ Польскомъ и не могъ явиться къ Его Величеству, согласно данному ему Высочайшему повелѣнію. На этомъ рапортѣ, рукою Императора Николая Павловича, помѣщена слѣдующая резолюція на французскомъ же языкѣ: «Il faut lui donner la démission avec son émériture».

Высочайшее повелѣніе объ увольненіи подполковника Вылежинскаго отъ службы, съ полною пенсіею сообщено 15-го декабря 1831 г. главнокомандующему дѣйствующей арміею.

Французскій подлинникъ письма Вылежинскаго на имя гр. Чернышова, сообщеннаго нами въ текстѣ яъ русскомъ переводѣ, мы приводимъ ниже въ качествѣ оригинальнаго документа и какъ образецъ его французскаго эпистолярнаго стиля.

Lettre du L-t Colonel Wyleziński au Comte Tchernischoff en date du $^{18}/_{30}$ Dec. 1830.

«Monsieur le Comte! Conformément à la permission que votre excellence daigna me donner de lui soumettre par écrit les sentiments dont je suis pénétré pour ce que Sa Majesté l'Empereur et Roi a voulu bien me

faire dire, j'ose prendre la liberté d'adresser cette lettre à votre excellence et de lui parler à coeur ouvert, avec la franchise d'un militaire, de la position dans laquelle je me trouve. Je suis militaire de mon plus bas âge, j'ai été toujours fidèle à mes serments et, j'ose me flatter, que ma conduite a éte toujours celle d'un homme d'honneur. J'ai prêté serment de fidélité à Sa Majesté l'Empereur Nicolas; je lui ai gardé et je lui garde toujours cette fidélité comme il convient à un militaire et à un bon Polonais. Me trouvant à Varsovie sans mon général (qui avait obtenu sa demission) je suis resté sans place et le Général Chlopicki m'avait seulement dit d'être en attendant près de lui, attaché à sa personne comme presque tous les autres aides-de-camp qui n'avaient plus de généraux.

Je ne sais pourquoi c'est moi que le général Chlopicki a choisi de porter les dépêches à St.-Pétersbourg; mais je ne m'y suis pas refusé et suis venu dans la capitale où réside mon Souverain avec cette quiétude de conscience de n'avoir pas agi contre mes devoirs; du moins je le crois.

«Aujourd'hui votre excellence vient de me dire que Sa Majesté daigne me donner la liberté ou de rester à Pétersbourg, ou de retourner à Varsovie; que cependant mon désir de retourner à Varsovie sera envisagé par Sa Majesté comme une manifestation de mes sentiments pour ceux qui sont en rébellion et qu'alors Elle cesserait de regarder en moi un officier fidèle; mais que si je reste dans ce moment à Pétersbourg, je ferai ce qui convient de faire à tout bon Polonais.

«Si c'est ainsi monsieur le comte, je n'ai plus de

choix à faire et je ne pense qu'à demander de rester à Pétersbourg. D'ailleurs Sa Majesté veut bien avoir la bonté de m'assurer, que je ne serai pas placé dans une position délicate conformément à mon titre de Polonais. Mais on attend mon retour à Varsovie, et que pensera-t-on si je n'y reviens pas? Et puis qu'il me soit permis d'exposer encore à votre excellence, que j'ai laissé à Varsovie mon père, vieux, malade, pas loin du tombeau, dont je suis dans ce moment à Varsovie l'unique soutien et qui pleurait à mon départ comme si jamais je n'allais le revoir; que j'ai laissé mes affaires sans aucun ordre, que je n'ai assuré à mon père aucun moyen d'existance momentanée, etc.

Voilà, monsieur le comte, les raisons que Sa Majesté l'Empereur daignera apprécier et qui me portent à désirer de pouvoir revenir à Varsovie. Je ferai tout ce que Sa Majesté voudra bien m'ordonner, avec le dévouement que je Lui dois, et jamais je ne porterai mes faibles armes contre Ses troupes, si même l'armée polonaise le ferait; jamais je n'emploirai mes faibles moyens contre Son bien. Je resterai tranquillement à Varsovie ou à la campagne et je me préparerai à assurer les moyens de pouvoir mener mon père aux eaux qui me sont également nécessaires, vû que je commence à souffrir de mes blessures. Si Sa Majesté daignerait envisager mon retour à Varsovie comme j'ai l'honneur de l'exposer à votre excellence, sans me faire perdre Sa gracieuse bienveillance, sans voir en moi un homme qui agirait contre ses devoirs de sujet; si Sa Majesté daignerait m'assurer qu'Elle ne le trouverait pas mauvais, alors j'ôse demander de retourner à Var-

sovie. Mais si le moindre nuage allait couvrir le front de mon Souverain, s'Il me retìrait Sa bienveillance et cesserait de m'envisager comme un sujet fidèle,—alors il ne me reste qu'à demander de rester là oú Sa Majesté le jugera convenable.

«Veuillez agréer, monsieur le comte, les sentiments, etc.

(Signé). «Thaddé Wyleżinski L-t Colonel au Régiment des Chasseurs-à-cheval de la garde Royale Polonaise.

«St.-Pétersbourg, le 18 (30) Décembre 1830».

ПРИЛОЖЕНІЯ

Настоящее изданіе мы рѣшили дополнить слѣдующими документами, имѣющими отношеніе какъ къ самому тексту «Воспоминаній», такъ и вообще къ эпохѣ польской смуты 1830—1831 гг.

I. *Текстъ тронной рѣчи, произнесенной Императоромъ Александромъ I въ день открытія перваго Сейма Царства Польскаго 15-го Марта 1818 года.* Рѣчь эта имѣетъ чрезвычайно важное значеніе какъ документъ, выясняющій взгляды Императора Александра на польскую конституцію и народность, которая по словамъ его «призвана дать великій примѣръ Европѣ» и должна доказать, что «законно-свободныя установленія не суть мечта опасная».

Эту рѣчь Государь произнесъ съ приготовленнаго ему Трона, на ступеняхъ котораго находились по правую руку Цесаревичъ, а по лѣвую—князь Заіончекъ. Около послѣдняго, ступенью ниже, стоялъ Статсъ-секретарь Царства Польскаго графъ Грабовскій, который переводилъ произнесенную по французски рѣчь Государя на польскій языкъ. Мы приводимъ здѣсь русскій переводъ этой рѣчи, сдѣланный современникомъ, впервые напечатанный въ 1820 году въ «Россійской Словесности» Греча и значительно отличающійся отъ позднѣйшаго русскаго перевода Богдановича въ его «Исторіи Александра I».

II. *Высочайшій Манифестъ 12-го декабря 1830 года,* обнародованный по случаю возникшаго въ Варшавѣ возстанія, и

III. *Воззваніе Императора Николая къ войскамъ и народу Царства Польскаго*—два документа, о которыхъ упоминаетъ Вылёжинскій.

IV. *Реляція о свиданіи, происходившемъ между В. Кн. Константин>мъ Павловичемъ и польскимъ депутатомъ Валицкимъ* въ Спишковскомъ монастырѣ 23 и 24 ноября 1830 года.

V. *Письмо Дибича къ Императору Николаю отъ 31-го декабря 1830 г.* о свиданіи его съ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ—какъ документы, имѣющіе непосредственно отношеніе къ событіямъ конца 1830 года.

Письмо это впервые напечатано въ 1890 году покойнымъ Н. К. Шильдеромъ въ приложеніи къ изданной имъ книгѣ Карновича: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ». Мы помѣщаемъ его въ русскомъ переводѣ.

VI. *Свѣдѣнія объ организаціи и составѣ Польской арміи въ 1830 году.*

К. В.

I.

Рѣчь, произнесенная государемъ императоромъ Александромъ I при открытіи сейма царства польскаго.

15 марта 1818 г.

«Представители царства польскаго! Надежды ваши и мои желанія совершаются. Народъ, который вы представлять призваны, наслаждается наконецъ собственнымъ бытіемъ, обезпеченнымъ созрѣвшими уже и временемъ освященными установленіями.

«Одно забвеніе прошедшаго могло произвесть ваше возрожденіе. Оно непреложно постановлено было въ мысляхъ моихъ съ того времени, когда я могъ надѣяться на средства къ приведенію онаго въ исполненіе. Ревнуя ко славѣ моего отечества, я хотѣлъ, чтобы оно пріобрѣло еще новую. И дѣйствительно, Россія послѣ бѣдственной войны, воздавъ, по правиламъ христіанской нравственности, добро за зло, простерла къ вамъ братскія объятія, и изъ всѣхъ преимуществъ, даруемыхъ ей побѣдою, предпочла единственно честь — возстановить храбрый и достойный народъ.

«Содѣйствуя сему подвигу, я повиновался внутреннему убѣжденію, коему сильно вспомоществовали

событія. Я исполнилъ долгъ, начертанный симъ однимъ внушеніемъ, тѣмъ драгоцѣннѣйшій моему сердцу.

«Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя.

«Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости.

«Поляки! Освободясь отъ гибельныхъ предубѣжденій, причинившихъ вамъ толикія бѣдствія, отъ васъ нынѣ самихъ зависитъ дать прочное основаніе вашему возрожденію.

«Существованіе ваше неразрывно соединено съ жребіемъ Россіи. Къ укрѣпленію сего спасительнаго и покровительствующаго васъ союза должны стремиться всѣ ваши усилія. Возстановленіе ваше опредѣлено торжественными договорами. Оно освящено законоположительною хартіею; ненарушимость сихъ внѣшнихъ обязательствъ и сего коренного закона назначаютъ отнынѣ Польшѣ достойное мѣсто между народами Европы. Благо драгоцѣнное, котораго она долгое время вотще искала среди самыхъ жестокихъ испытаній.

«Поприще трудовъ вашихъ открывается. Министръ внутреннихъ дѣлъ предложитъ вамъ нынѣшнее положеніе управленія польскаго. Вы увидите проекты

законовъ, долженствующіе быть предметомъ вашихъ разсужденій. Они имѣютъ цѣлію постепенное усовершенствованіе. Учрежденія финансовъ государства требуютъ еще свѣдѣній, которыя время и точное измѣреніе вашихъ средствъ могутъ только правительству доставить. Законоположительное управленіе постепенно примѣняется ко всѣмъ частямъ правительства. Судная часть образуется. Проекты гражданскаго и уголовнаго законодательства будутъ вамъ предложены. Я утѣшаюсь увѣреніемъ, что вы, разсмотрѣвъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, предуспѣете поставить законы, которые будутъ служить къ огражденію драгоцѣннѣйшихъ благъ: безопасности лицъ вашихъ, собственности и свободы вашихъ мнѣній.

«Не имѣя возможности посреди васъ всегда находиться, я оставилъ вамъ брата, искренняго моего друга, неразлучнаго сотрудника отъ самой юности. Я поручилъ ему ваше войско. Зная мои намѣренія и раздѣляя мои о васъ попеченія, онъ возлюбилъ плоды собственныхъ трудовъ своихъ. Его стараніями сіе войско, уже столь богатое славными воспоминаніями и воинскими доблестями, обогатилось еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ имъ предводительствуетъ, тѣмъ навыкомъ къ порядку и устройству, который только въ мирное время пріобрѣтается и пріуготовляетъ воина къ истинному его предназначенію.

«Одинъ изъ достойнѣйшихъ полководцевъ вашихъ представляетъ лицо мое среди васъ. Посѣдѣвшій подъ знаменами вашими, раздѣляя постоянно счастливую и злополучную участь вашу, онъ не переставалъ доказывать преданность своему отечеству. Опытъ оправдалъ въ полной мѣрѣ выборъ мой.

«Не взирая на усилія мои, быть можетъ, что слѣды бѣдствій, угнетавшихъ васъ, не всѣ еще заглажены. Таковъ законъ природы. Благо творится медленно, совершенство же недоступно слабости человѣческой.

«Представители Царства Польскаго! Потщитесь достигнуть высоты вашего предназначенія! Вы призваны дать великій примѣръ Европѣ, устремляющей на васъ свои взоры.

«Докажите своимъ современникамъ, что законно-свободныя постановленія, коихъ священныя начала смѣшиваютъ съ разрушительнымъ ученіемъ, угрожавшимъ въ наше время бѣдственнымъ паденіемъ общественному устройству, не суть мечта опасная; но что, напротивъ, таковыя постановленія, когда приводятся въ исполненіе по правотѣ сердца и направляются съ чистымъ намѣреніемъ къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, то совершенно согласуются съ порядкомъ, и общимъ содѣйствіемъ утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ.

«Вамъ предлежитъ нынѣ явить на опытѣ сію великую и спасительную истину. Да будетъ взаимное согласіе душею вашего собранія, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность да ознаменуютъ ваши прѣнія.

«Руководствуясь единственно любовію къ отечеству, очищайте мнѣнія ваши отъ всѣхъ предубѣжденій, освобождайте ихъ отъ зависимости частныхъ и исключительныхъ выгодъ и, выражая ихъ съ простотою и прямодушіемъ, отвергайте обманчивую прелесть, столь часто заражающую даръ слова.

«Наконецъ, да не покидаетъ васъ никогда чувство братской любви, намъ всѣмъ предписанной Божественнымъ Законодателемъ.

«Такимъ образомъ ваше собраніе пріобрѣтетъ одобреніе и признательность Отечества и то общее уваженіе, которое подобное сословіе заставляетъ къ себѣ ощущать, когда представители народа свободнаго не обезображиваютъ священнаго званія, на нихъ возложеннаго.

«Первѣйшіе чиновники Государства, Сенаторы, Послы, Депутаты! Я изъяснилъ вамъ свою мысль, Я показалъ вамъ ваши обязанности.

«Послѣдствія вашихъ трудовъ въ семъ первомъ Собраніи покажутъ Мнѣ чего Отечество должно впредь ожидать отъ вашей преданности къ нему и привязанности вашей ко Мнѣ; покажутъ Мнѣ, могу-ли, не измѣняя своимъ намѣреніямъ, распространить то, что уже Мною для васъ совершено.

«Вознесемъ благодареніе къ Тому, Который Единый просвѣщаетъ царей, связуетъ народы братскими узами и ниспосылаетъ на нихъ дары любви и мира.

«Призовемъ Его: да благословитъ Онъ и да усовершенствуетъ начинаніе наше».

II.

Указъ Правительствующему Сенату.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самодержца Всероссійскаго, изъ Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ, выслушавъ: *во-первыхъ,* Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифестъ, состоявшійся въ сей день по случаю возникшаго въ Варшавѣ возмущенія,—и *во-вторыхъ,* приложенное при немъ Воззваніе къ войскамъ и народу Царства Польскаго, Приказали: сіи Высочайшіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Манифестъ и воззваніе къ войскамъ и народу Царства Польскаго объявить во всеобщее извѣстіе; для чего напечатавъ оныхъ потребное число экземпляровъ, разослать въ Губернскія Правленія и Правительства, ко всѣмъ гг. Министрамъ, Военнымъ Генералъ-Губернаторамъ, Военнымъ Губернаторамъ, управляющимъ и гражданскою частію, Генералъ-Губернаторамъ, Гражданскимъ Губернаторамъ и Градоначальникамъ, равно въ Присутственныя Мѣста, при Указахъ; въ Святѣйшій же Правительствующій Синодъ,

во всѣ Департаменты Правительствующаго Сената и Общія оныхъ Собранія, при вѣденіяхъ. Въ слѣдствіе чего помянутыхъ Высочайшихъ Манифеста и воззванія прилагается при семъ по одному экземпляру Декабря 12 дня 1830 года.

О возникшемъ въ Варшавѣ возмущеніи.

По 1-му Департаменту.

Высочайшій манифестъ 12 декабря 1830 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Гнусная измѣна поколебала соединенное съ Россіею Царство Польское. Люди злоумышленные, не обезоруженные благодѣяніями незабвеннаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, великодушнаго Возстановителя страны ихъ, подъ кровомъ дарованныхъ Имъ Законовъ, наслаждаясь плодами попеченій Его, готовили втайнѣ ковъ для испровerженія учрежденнаго Имъ порядка и 17-го минувшаго Ноября ознаменовали начало своихъ дѣйствій мятежемъ, кровопролитіемъ, преступнымъ покушеніемъ на жизнь Любезнѣйшаго Брата Нашего ЦЕСАРЕВИЧА и ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА. Пользуясь темнотою ве-

чера, они устремили толпу возбужденной ими неистовой черни къ Дворцу Его и въ тожъ время въ разныхъ частяхъ Варшавы распространяя нелѣпый слухъ, что Россійскія войска истребляютъ мирныхъ жителей, успѣли симъ обманомъ увлечь за собою народъ и наполнить городъ всѣми ужасами безначалія. ЦЕСАРЕВИЧЪ съ собравшимися къ Нему Россійскими войсками и тѣми изъ Польскихъ, кои оставались вѣрны своему долгу, расположился близъ Варшавы и рѣшился не дѣйствовать наступательно, чтобы, отвращая всякій поводъ къ новымъ кровопролитіямъ, явно доказать нелѣпость и коварство извѣта и дать гражданскимъ Начальствамъ время и средство, при помощи благомыслящихъ жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамѣренныхъ. Сія надежда не исполнилась. Правительственный Совѣтъ не могъ возстановить порядка: безпрестанно угрожаемый мятежниками, кои составили изъ среды своей нѣсколько противозаконныхъ сообществъ, измѣняя составъ свой удаленіемъ Нами поставленныхъ Членовъ и призваніемъ новыхъ по требованіямъ предводителей бунта, онъ только умолялъ ЦЕСАРЕВИЧА возвратить бывшія съ Нимъ Польскія войска въ Варшаву для спасенія собственности общественной и частной отъ новыхъ расхищеній; вскорѣ сей Совѣтъ разрушился и вся власть осталась въ рукахъ одного изъ Генераловъ. Между тѣмъ духъ мятежа распространялся по всѣмъ Областямъ Царства Польскаго; вездѣ употребляли тѣ же средства: обманъ, угрозы, обольщенія, чтобы мирныхъ гражданъ поработить владычеству немногихъ возмутителей. Въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ ЦЕСАРЕВИЧЪ нашелъ необходимымъ, удовлетворяя желанію Правительственнаго Совѣта, дозволить малому числу Польскихъ войскъ, вѣрными пребывшихъ, возвратиться въ Варшаву, чтобы по возможности охранить личную безопасность и собственность жителей, и Самъ съ Россійскими полками выступилъ изъ предѣловъ Царства Польскаго: 1-го Декабря Онъ прибылъ въ мѣстечко Влодаву Волынской Губерніи.

Такъ совершилось злодѣяніе, можетъ быть, издавна умышляемое. Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей наслаждавшійся миромъ и благоденствіемъ подъ сѣнію Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятежей и бѣдствій и минутно овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая страхомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ и Намъ, своему ГОСУДАРЮ законному, предлагать условія. Россіяне! Вы знаете, что Мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностію къ Престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца. На первую вѣсть объ измѣнѣ вы отвѣтствовали повтореніемъ клятвъ непоколебимой вѣрности; и нынѣ во всемъ пространствѣ Нашей обширной Имперіи Мы видимъ одно движеніе; всѣ одушевляются однимъ желаніемъ, не щадить трудовъ, жертвовать достояніемъ и жизнію за честь Царя своего, за цѣлость Государства. Мы съ умиленіемъ взираемъ на сей великодушный порывъ народной любви къ Намъ и Отечеству и вмѣняемъ Себѣ въ священный долгъ отвѣчать на оный словами успокоенія. Новыя жертвы, новыя усилія будутъ не нужны. Съ Нами Богъ, поборникъ справедливости, и могущество Россіи однимъ рѣшительнымъ ударомъ можетъ сми-

рить дерзнувшихъ смутить ея спокойство. Наши вѣрныя войска, еще не давно прославленныя новыми побѣдами, уже собираются на западныхъ границахъ Имперіи: Мы готовы карать вѣроломство, но хотимъ отличить невинныхъ отъ преступниковъ, хотимъ миловать и слабыхъ, по слѣпотѣ или боязни слѣдующихъ противозаконному влеченію. Не всѣ подданные Наши Царства Польскаго, не всѣ жители Варшавы были участниками бунта и плачевныхъ его слѣдствій: многіе доказали славною смертію, что знали долгъ свой; другіе, какъ Мы видимъ изъ донесеній ЦЕСАРЕВИЧА, съ слезами отчаянія принужденно возвратились въ мѣста, подвластныя мятежникамъ. Они, съ обманутыми и обольщенными, безъ сомнѣнія составляютъ бо́льшую часть войска и народа Царства Польскаго: Мы къ нимъ обращаемся въ Воззваніи отъ 5 сего мѣсяца, въ коемъ, изъявивъ Наше праведное негодованіе къ вѣроломству, Повелѣваемъ немедленно положить конецъ своевольствамъ и противозаконнымъ вооруженіямъ, возстановивъ весь прежній порядокъ. Симъ они могутъ еще загладить вины своихъ соотечественниковъ и спасти Царство Польское отъ гибельныхъ послѣдствій преступнаго ослѣпленія. Указавъ имъ единственное средство избавленія, Мы о семъ дѣйствіи Нашего милосердія объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: да видятъ въ немъ и твердую Нашу волю ограждать неприкосновенность правъ Престола и Отечества, и намѣреніе столь же твердое щадить заблужденіе, очищаемое раскаяніемъ. Россіяне! Примѣръ Царя вашего будетъ вашимъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ за честь и пользу Государства безъ ненависти къ

ослѣпленнымъ противникамъ; наказаніе однимъ измѣнникамъ; любовь и уваженіе къ тѣмъ изъ подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго, кои вѣрны данной Намъ клятвѣ; готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Вы оправдаете надежды Наши, какъ оправдывали ихъ донынѣ. Пребывайте въ спокойствѣ, въ твердомъ упованіи на Бога, всегда благодѣющаго Россіи, въ твердой довѣренности къ Монарху, который знаетъ великость и святость Своихъ обязанностей быть хранителемъ цѣлости, достоинства Державы Своей и славы имени Русскаго. Данъ въ С.-Петербургѣ 12-го декабря въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцатое, Царствованія Нашего въ шестое.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Печатанъ въ Санктъ-Петербургѣ при Сенатѣ, Декабря 12-го дня 1830 года; а въ Москвѣ при Сенатѣ жъ того же Декабря 17-го дня.

III.

Воззваніе къ войскамъ и народу Царства Польскаго.

Совершившееся въ Варшавѣ гнусное злодѣяніе поколебало внутреннюю тишину страны вашей. Извѣстіе о семъ, возбудивъ въ Насъ праведное негодованіе, наполнило сердце Наше прискорбіемъ.

Сборище людей недостойныхъ, безславящихъ имя Польское, дерзнуло умышлять на жизнь Брата ГОСУДАРЯ Вашего; они склонили часть войскъ къ измѣнѣ и въ ослѣпленной народной толпѣ распространили пагубныя заблужденія на счетъ драгоцѣннѣйшихъ пользъ вашего отечества.

Еще не поздно изгладить минувшее; еще есть время предупредить безчисленныя бѣдствія. Кто не замедлитъ отречься отъ преступнаго, но минутнаго завлеченія, того Мы не смѣшаемъ съ упорными въ злодѣйствѣ. Обитатели Царства Польскаго! Внемлите увѣщанію Отца, повинуйтесь велѣнію Царя вашего.

Мы желаемъ, чтобы воля Наша и всѣ Наши намѣренія были вамъ въ точности извѣстны и Повелѣваемъ:

1-е.) Чтобы всѣ задержанные въ Царствѣ Польскомъ Наши Россійскіе подданные были освобождены безъ отлагательства.

2-е.) Чтобы Правительственный Совѣтъ въ первобытномъ своемъ составѣ вступилъ снова въ исправленіе своихъ прежнихъ обязанностей и во всѣ права власти, коею онъ облеченъ Указомъ Нашимъ 31-го Іюля / 12-го Августа 1826 года.

3-е.) Чтобы всѣ военныя и гражданскія Начальства въ Столицѣ и Областяхъ исполняли безпрекословно предписанія, Именемъ Нашимъ посылаемыя изъ Правительственнаго Совѣта въ прежнемъ онаго, какъ сказано выше, составѣ, не признавая никакой иной власти, незаконно установленной.

4-е.) Чтобы, съ полученія сего, Начальники каждаго изъ Корпусовъ Нашей Польской Арміи, немедленно собравъ войска, имъ ввѣренныя, шли безостановочно къ Плоцку, гдѣ назначается общее сборное мѣсто Нашей Польской Арміи.

5-е.) Чтобы Начальники Корпусовъ неукоснительно донесли Намъ о состояніи командуемыхъ ими войскъ.

6-е.) Чтобы всякое вооруженіе, къ коему приступлено по случаю мятежа въ Варшавѣ и которое не принадлежитъ къ составу Нашей Арміи, штатомъ опредѣленному, было уничтожено.

Сообразно сему поручается мѣстнымъ Начальствамъ, отобравъ оружіе у всѣхъ получившихъ оное не на законномъ основаніи, отдать немедленно на сохраненіе стражѣ ветерановъ и жандармамъ того мѣста.

Воины Польской Арміи! Во всѣ времена вы славились честію и вѣрностію. Храбрый Конно-Егерскій полкъ Нашей Гвардіи и нынѣ явилъ новый, навсегда незабвенный опытъ сихъ доблестей. Воины! слѣдуйте сему примѣру; оправдайте ожиданіе Монарха, коему вы дали клятву вѣрности.

Обитатели Царства Польскаго! Сіе воззваніе докажетъ всѣмъ непричастнымъ къ измѣнѣ, что Мы умѣемъ вѣрить ихъ приверженности, умѣемъ полагаться на ихъ мужество.

Оно для васъ ручательствомъ, что тѣ, кои, бывъ увлечены однимъ мгновеннымъ заблужденіемъ, поспѣшатъ возвратиться къ долгу, не будутъ отринуты.

Но къ вѣроломнымъ, не знающимъ чести злодѣямъ, возмутившимъ спокойство своихъ согражданъ, не обращается слово Царя вашего. Ужель прибѣгнувъ къ оружію, они смѣютъ надѣяться измѣной достигнуть исполненія своихъ видовъ и склонить Насъ къ уступкамъ? Вскорѣ увидятъ лживость сихъ преступныхъ надеждъ. Они губители родной страны своей и всѣ бѣдствія, ей грозящія, падутъ на главы ихъ. Дано въ С.-Петербургѣ $\frac{5}{17}$ Декабря 1830 года.

На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

НИКОЛАЙ.

Контросигнировалъ: *Министръ Статсъ-Секретарь Графъ Стефанъ Грабовскій.*

Переводъ съ подлиннымъ вѣренъ: *Генералъ-Адъютантъ Графъ Чернышовъ.*

IV.

Пріѣздъ польскаго депутата Валицкаго къ цесаревичу Константину Павловичу 23-го (5-го) и 24-го ноября (6-го декабря) 1830 года.

Переводъ съ французскаго.

1.

Въ пятницу, 21-го ноября (3-го декабря), въ 12 часовъ ночи, я получилъ приказанія отъ главнокомандующаго, которыя долженъ былъ передать войскамъ, расположеннымъ на другой сторонѣ Вислы. Исполнивъ ихъ, я возвратился чрезъ Люблинъ, гдѣ нашелъ все въ движеніи. Однакожъ ни генералъ Вейсенгофъ, ни положительно еще никто не зналъ о направленіи, принятомъ корпусомъ, подъ предводительствомъ самого цесаревича, что̀ узнать было крайнею важностью, какъ для своевременнаго вывода польскихъ полковъ, такъ и для принятія необходимыхъ мѣръ, чтобы избѣгнуть замѣшательствъ въ недостаткѣ провіанта въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя долженъ былъ проходить Великій Князь. При такихъ-то обстоятельствахъ у меня блеснула мысль, поддержанная полковникомъ Каменскимъ, слѣдовать, при моемъ возвращеніи, лѣ-

вымъ берегомъ рѣки и передать установленнымъ властямъ тѣ извѣстія, которыя мнѣ удалось бы собрать на самомъ мѣстѣ и на пути. Итакъ, я поспѣшилъ переплыть Вислу въ Пулавахъ и рѣшился добиться извѣстій отъ лица самого Цесаревича. Кромѣ того, я надѣялся этимъ способомъ имѣть случай при разговорѣ съ нимъ коснуться дѣлъ самого края.

23-го ноября (5-го декабря), въ 7 часовъ вечера, я встрѣтился съ аванпостами русскаго корпуса, въ двухъ миляхъ отъ Пулавъ. Я ѣхалъ на почтовыхъ, никто меня не останавливалъ и не спрашивалъ, но около Спишковскаго монастыря я долженъ былъ остановиться предъ пѣхотнымъ полкомъ, который стоялъ на дорогѣ, собираясь разойтись по квартирамъ сосѣднихъ деревень.

Моя карета была окружена офицерами, справлявшимися о цѣли моего путешествія, и когда узнали, что этой цѣлью была Варшава, каждый изъ нихъ спѣшилъ выразить мнѣ просьбу о передачѣ извѣстій— кто своимъ пріятелямъ, кто своимъ роднымъ, оставшимся въ столицѣ. Большинство изъ нихъ состояло изъ поляковъ; они описали мнѣ горестное положеніе, въ которомъ они находились въ теченіе нѣсколькихъ дней, и кромѣ того объявили, что Цесаревичъ будетъ ночевать въ монастырѣ, куда я и прибылъ въ тотъ же вечеръ въ 8 часовъ.

Встрѣтивъ г-на Безобразова, я справился о возможности видѣть Его Императорское Высочество и затѣмъ, спустя нѣсколько минутъ, узналъ, что онъ удостоилъ принять меня. Введенный въ его комнату, я увидѣлъ Цесаревича въ бѣломъ сюртукѣ, стоящаго передъ большимъ каминомъ. Разговоръ между нами

происходилъ по-французски; я помѣщаю его здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомъ позволяетъ мнѣ это сдѣлать память, такъ какъ онъ продолжался съ 8-ми до 11-ти часовъ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Прошу извиненія за такой пріемъ, г-нъ Валицкій. Я лишь въ первый разъ по выѣздѣ моемъ изъ Варшавы раздѣлся, чтобы хоть немного отдохнуть.

ВАЛИЦКІЙ.

— Мнѣ, напротивъ, слѣдуетъ просить извиненія Вашего Императорскаго Высочества въ смѣлости моей просьбы о благосклонномъ позволеніи представиться въ эту минуту; но такъ какъ я сдѣлалъ это съ единственнымъ намѣреніемъ — предложить, насколько позволяютъ обстоятельства, мои услуги, то смѣю надѣяться, что Ваше Высочество извините мою попытку.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Откуда вы ѣдете и что имѣете мнѣ сказать?

ВАЛИЦКІЙ.

— Я ѣду съ того берега Вислы, куда возилъ польскимъ полкамъ, тамъ расположеннымъ, приказанія главнокомандующаго Хлопицкаго, имѣя въ виду, чтобы, согласно прокламаціи совѣта, которая находится у меня въ рукахъ (тутъ я представилъ ее), эти войска безпрепятственно пропустили корпусъ (colonne) Вашего Императорскаго Высочества. Но до сей минуты еще неизвѣстно то направленіе, которое Вы изберете, что̀ знать однако же необходимо для расположенія пол-

ковъ и доставленія продовольствія. Я рѣшился прибыть къ Вашему Императорскому Высочеству отъ моего начальства, чтобы получить это извѣстіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ предложить и мои услуги, насколько я смогу употребить ихъ въ дѣло. Въ этомъ случаѣ я не только слѣдую моему собственному влеченію быть полезнымъ, но полагаю даже, что исполняю предписаніе прокламаціи совѣта, которая приглашаетъ каждаго жителя стараться сглаживать могущія встрѣтиться затрудненія Вашему Императорскому Высочеству на походѣ. Вотъ почему я буду ожидать вашихъ приказаній и, получивъ ихъ, немедленно уѣду, чтобы сообщить ихъ содержаніе какъ военнымъ и гражданскимъ властямъ Люблина, такъ и главнокомандующему.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— У меня есть уже прокламація, о которой вы говорите; мнѣ доставили ее съ неподписаннымъ извѣщеніемъ, что переходу войскъ не будетъ сдѣлано никакихъ препятствій;—благодарю за вниманіе. Мое намѣреніе было сначала направиться на Гуру и Карцевъ, чтобы выйти на большую дорогу; но, не найдя тамъ барокъ, я теперь рѣшился переправиться чрезъ рѣку въ Пулавахъ, и, не останавливаясь, чрезъ Мнишовъ, Кокъ и Бадзинъ, буду направляться на Брестъ-Литовскъ. Что новаго въ этой сторонѣ?

ВАЛИЦКІЙ.

— Что касается слуховъ, то они безчисленны: говорятъ о возстаніи въ Познани и Галиціи, разсказываютъ даже о безпорядкахъ въ Пруссіи и Россіи. Время укажетъ справедливость этихъ слуховъ. Во

всякомъ случаѣ, происшествія, возникшія въ царствѣ, настолько важны, что поглащаютъ собой всѣ прочія мысли. Теперь занимаются исправленіемъ послѣдствій безпорядковъ, неразлучныхъ съ первыми минутами такого быстраго переворота, и всякій думаетъ, какъ-бы упрочить свою будущность. Что касается приказаній о переходѣ войскъ Вашего Императорскаго Высочества, которыя я передалъ, то они будутъ свято исполнены, несмотря на то, что было бы весьма не трудно какъ задержать заложникомъ Ваше Императорское Высочество, такъ и остановить весь вашъ корпусъ. Вообще безпокойство и волненіе умовъ замѣтно бы уменьшились, если бы декларація Вашего Высочества заключала въ себѣ нѣсколько обѣщаній и примирительныхъ словъ, которыя, быть можетъ,было бы не безполезно высказать во всеуслышаніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Чего хотятъ отъ меня? (Онъ вынимаетъ изъ кармана прокламацію совѣта, заключающую и его декларацію, и читаетъ ее, дѣлая ударенія на мѣста, въ которыхъ говорится о его стараніи забвенія прошлаго и о присоединеніи польскихъ губерній). Вотъ что̀ я сказалъ. Что же я могу сдѣлать болѣе? Не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, давать обѣщаній за другого; я могу только принять на себя роль посредника.

ВАЛИЦКІЙ.

— Все это совершенно справедливо, Ваше Высочество, но всѣмъ однакоже извѣстно ваше вліяніе надъ сердцемъ Брата, который до сего времени вамъ еще ни въ чемъ не отказывалъ. Если бы это обѣщаніе по-

средничества было всѣмъ извѣстно, оно во многомъ способствовало бы къ успокоенію умовъ, и я просилъ бы позволенія Вашего Высочества извѣстить о немъ войска, находящіяся на той сторонѣ Вислы, такъ какъ они не получали еще прокламаціи, которую Ваше Высочество соизволили мнѣ прочесть.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Объявите имъ ее. Пусть мнѣ довѣряютъ; я человѣкъ прямой и, разумѣется, меня нельзя заподозрить въ двуличности. Помимо всего этого, что̀ лично до меня касается, несмотря на неслыханное оскорбленіе, мнѣ нанесенное въ моемъ собственномъ домѣ,— я все предалъ забвенію. (Тутъ великій князь съ самыми мельчайшими подробностями разсказалъ, что̀ произошло въ Бельведерѣ; затѣмъ онъ продолжалъ). Несмотря на это, повторяю, что я все позабылъ, потому что, въ сущности, я лучшій полякъ, нежели вы всѣ, господа; я женатъ на полькѣ; нахожусь посреди васъ; я такъ давно говорю на вашемъ языкѣ, что теперь затрудняюсь выражаться по-русски; наконецъ я далъ вамъ доказательства моего расположенія, воспретивъ императорскимъ войскамъ стрѣлять по васъ. Если бы я захотѣлъ,— васъ въ первую минуту всѣхъ бы уничтожили; я былъ единственнымъ лицомъ въ моемъ штабѣ, которое не хотѣло, чтобы по васъ стрѣляли, потому что я подумалъ, что русскимъ въ польскую распрю (Kłótnia polska) не зачѣмъ вмѣшиваться. При началѣ безпорядковъ во Франціи я говорилъ Шмидту, что нужно бы было отстранить швейцарцевъ и уладить французскія дѣла съ помощію лишь однихъ французовъ. Я полагаю, что наше теперешнее поло-

женіе такое же, какъ и швейцарцевъ, вотъ почему я поставилъ русскихъ въ сторонѣ отъ дѣла; я воспретилъ имъ какъ вмѣшиваться въ него, такъ и не позволилъ сдѣлать ни одного выстрѣла. Теперь мы спокойно отступаемъ и употребимъ наше оружіе лишь только въ случаѣ необходимости защищаться.

ВАЛИЦКІЙ.

— Я полагаю, что Ваше Высочество можете быть совершенно спокойнымъ съ той минуты, какъ отдали себя подъ защиту народа.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я бы хотѣлъ, чтобы мы имѣли возможность остаться посреди васъ; у насъ у всѣхъ дорогія связи съ Варшавой, но ваше правительство (тутъ онъ сдѣлалъ наклоненіе головой) чрезъ депутацію передало мнѣ, что я долженъ или оставить вашъ край, или стать во главѣ польскихъ войскъ, чтобы вновь возвратиться въ столицу. Отъ такого предложенія я отказался, чтобы не стать мятежникомъ противъ своего Государя; я никогда не стану играть роль принца Оранскаго; мои права ясно опредѣлены и я останусь имъ вѣренъ.

ВАЛИЦКІЙ.

— Такія чувства, разумѣется, дѣлаютъ честь Вашему Императорскому Высочеству, но осмѣлюсь обратить вниманіе на то, что революція, бывъ стеченіемъ исключительныхъ обстоятельствъ, не могущихъ согласоваться съ высокимъ положеніемъ Вашего Высочества, быть можетъ, должна бы была вызвать мысль

о пользѣ уклоненія съ протоптанной уже тропы общепринятыхъ правилъ. Если бы, напримѣръ, принцъ Оранскій немедленно сталъ во главѣ движенія, если бы онъ началъ съ того, чѣмъ кончилъ, — позволительно предположить, что такимъ путемъ онъ достигъ бы общаго спокойствія; потоки крови не пролились бы; тысячи семействъ избѣгли бы разоренія, и Бельгія была бы сохранена для своего Государя. Наше положеніе весьма сходно съ положеніемъ Бельгіи. Я вполнѣ счастливъ, услышавъ изъ самыхъ устъ Вашего Императорскаго Высочества выраженія благосклонности къ полякамъ; такія рѣчи — драгоцѣнный залогъ надежды, что вамъ угодно будетъ снизойти къ устройству нашихъ дѣлъ безъ пролитія крови и руководствуясь желаніемъ воинственнаго и несчастнаго народа. Такимъ дѣйствіемъ Ваше Высочество прибавите новую благородную страницу къ своей исторіи. Потомство, съ одной стороны, усмотритъ въ Вашемъ Высочествѣ царственную отрасль, которая отказывается отъ могущественнаго престола Европы, съ другой — оно увидитъ въ васъ то же августѣшее лицо, возстановляющее значеніе притѣсненнаго народа, который оно лишь одну минуту упрекнуло въ излишней запальчивости. Если бы даже Ваше Высочество не осчастливили насъ своей благосклонностью и посмотрѣли бы на насъ враждебно, — преданность, питаемая нами къ Его Величеству, была бы все-таки достаточнымъ ручательствомъ, чтобы порѣшить его посредничество, потому что — когда уже перчатка такимъ образомъ брошена — надо, чтобы или существовала Польша или, чтобы мы всѣ погибли. Въ этомъ случаѣ голосъ здравой политики согласуется съ голосомъ человѣколюбія. Надо полагать, что если мы будемъ вынуждены взяться за оружіе,— многія государства поспѣшатъ подать нашимъ усиліямъ руку помощи. Австрія и Пруссія въ этомъ случаѣ не будутъ послѣдними. Если на минуту онѣ и удержаны связями дружбы и родства, тѣмъ не менѣе онѣ должны сознавать, что сѣверному колоссу нужно противопоставить предѣлъ и, что Польша, возстановленная ихъ руками, и станетъ этой враждебной преградой. Напротивъ, если независимое политическое положеніе намъ даруется самой Россіей,— мы навсегда останемся друзьями и союзниками народа, намъ соплеменнаго, которому въ настоящую минуту мы должны отказать въ нашихъ симпатіяхъ — не въ силу національной ненависти, которой и не существуетъ, но вслѣдствіе необходимости сохранить наши учрежденія и наше благосостояніе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я уже сказалъ вамъ, что я все позабылъ; но, признаюсь, мое сердце надорвано и меня еще болѣе печалитъ мысль, что эта революція запятналась кровью и дѣйствіями грабительства. Потомство обвинитъ въ жестокостяхъ эту армію и польскій народъ, которыхъ я такъ любилъ, и омрачитъ ихъ память этимъ несмываемымъ пятномъ.

ВАЛИЦКІЙ.

— Никто, безъ сомнѣнія, Ваше Высочество, не сожалѣетъ болѣе меня о нѣкоторыхъ, такъ сказать, неизбѣжныхъ крайностяхъ въ подобной сумятицѣ, большинство которыхъ было невольнымъ дѣйствіемъ; тѣмъ

не менѣе, я далекъ отъ мысли, чтобы исторія приписала ихъ польскому народу. Всякому изъ насъ, въ настоящую минуту, присуще памяти происшествіе гораздо болѣе трагическое, которое случилось въ другомъ государствѣ Европы: тамъ совершено было преступленіе, не имѣвшее въ свое оправданіе необходимости защищенія народныхъ правъ, такъ какъ дѣло шло только о личной перемѣнѣ главы правительства. Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣлится приписать это преступленіе всему народу и весь его ужасъ падаетъ на главу тѣхъ дѣйствующихъ личностей, которыя принимали въ немъ участіе.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Посмотрите, однако-же, до чего мы дошли: солдаты, переходя съ одного мѣста на другое, въ теченіе восьми дней, бивакируютъ безъ одежды и пищи; чтобы не умереть съ голоду и съ холоду, мы принуждены были завладѣть силой нѣкоторымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ, сжечь кое-гдѣ ставни,— чѣмъ на первое время я хотя и очень возмущался,—но въ этомъ была сила обстоятельствъ.

(Въ эту минуту въ комнату вошла принцесса Ловичъ, и цесаревичъ, представивъ меня, продолжалъ по ея уходѣ).

— Вотъ женщина въ лагерѣ, имѣющая при себѣ только три рубашки, она терпѣливо страдаетъ вмѣстѣ съ нами! Императору Александру говорили правду, что онъ напрасно далъ полякамъ разрѣшеніе на вооруженіе и что, долго-ли, коротко-ли, оно послужитъ противъ него. Это предсказаніе оправдалось на дѣлѣ! Если возстаніе сдѣлано во имя принципа, то объя-

сните, почему не уважается болѣе собственность частныхъ лицъ, зачѣмъ, наконецъ, употребляютъ въ дѣло въ настоящую минуту ружья, пушки, сабли и пистолеты, принадлежащіе Императору?

ВАЛИЦКІЙ.

— Для насъ случилось то же съ оружіемъ, какъ для войскъ Вашего Высочества съ съѣстными припасами и ставнями, которые они были вынуждены силой взять у жителей: это дѣйствіе было вызвано затруднительностью обстоятельствъ; но повѣрьте, что весь народъ поспѣшитъ возвратить оружіе на мѣсто въ тотъ же день, въ который его права будутъ признаны и упрочены.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Я не могу глубоко не чувствовать неблагодарности 4-го линейнаго и сапернаго баталіоновъ, которые пользовались моимъ расположеніемъ; они доказали мнѣ, что благодарность—слово, лишенное смысла.

ВАЛИЦКІЙ.

— По крайней мѣрѣ, Ваше Высочество, чувство это очень рѣдкое, и Наполеонъ, покинутый своими генералами и преслѣдуемый владѣтельными особами, дѣлу которыхъ онъ оказалъ такъ много услугъ, могъ бы быть тому подтвержденіемъ. Положеніе же поляковъ, я полагаю, исключаетъ возможность сравненія ихъ обстоятельствъ съ обстоятельствами вышеназванныхъ лицъ. Какъ люди частные, офицеры и солдаты чувствуютъ, я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь, привязанность къ Вашему Императорскому Высочеству,

но какъ поляки—они обязаны слѣдовать по пути, который ведетъ къ достиженію народной независимости. Такимъ точно образомъ, Ваше Высочество въ 1812 году съумѣли бы принесть въ жертву для счастья имперіи всѣ свои сочувствія, которыя могли бы проявиться къ людямъ, сражавшимся въ рядахъ непріятеля.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Чтобы вамъ доказать, насколько я былъ расположенъ забыть все случившееся,—вотъ, прочтите дневной приказъ, который я передалъ Шембеку; въ немъ говорится, что я прощаю всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые явились бы ко мнѣ. (Онъ вынимаетъ этотъ приказъ изъ кармана и приказываетъ мнѣ прочесть его). Никто однакоже не явился и даже самъ Шембекъ, давшій мнѣ клятву привесть свою бригаду,—не исполнилъ своего обѣщанія.

ВАЛИЦКІЙ.

— Что касается до Шембека—онъ обѣщалъ Вашему Императорскому Высочеству невозможное, потому что на возвратномъ пути онъ встрѣтилъ свой полкъ уже въ походѣ на Варшаву, слѣдовательно, ему оставалось сдѣлать выборъ между своими обязанностями подчиненнаго и долгомъ Поляка: голосъ родины былъ для него и для всѣхъ польскихъ войскъ сильнѣе привычки къ дисциплинѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— Только одни Конные-Егеря остались на своихъ мѣстахъ, и я сохраню о нихъ вѣчное воспоминаніе, несмотря на то, что и они позднѣе меня покинули.

Поэтому-то я и прошу васъ хорошенько объяснить имъ, что я позволилъ присоединиться имъ къ своимъ, чтобы не оставить повода стыдиться, въ случаѣ покинутія меня. Сдѣлайте для нихъ понятнѣе различіе словъ: «позволить», которое даже не значитъ «соизволять», а «соизволять»—не имѣетъ ничего общаго со словомъ «приказывать». Я позволилъ—и они меня покинули,—они и мой адъютантъ, г. *Замойскій*.

ВАЛИЦКІЙ.

— Я обратилъ вниманіе Вашего Высочества, что никто, находясь въ радостномъ настроеніи, подъ впечатлѣніемъ прочитанной декларацiи Вашего Императорскаго Высочества, не дѣлалъ такого разграниченія. Въ вашей декларацiи была усмотрѣна великая и благородная мысль, ставившая преграду пролитію крови и препятствующая рѣзнѣ между народами-братьями.

(Нашъ разговоръ на этомъ мѣстѣ былъ прерванъ стонами принцессы Ловичъ, съ которой въ сосѣдней комнатѣ сдѣлалось дурно. Великій князь порывисто устремился къ ней и трогательное участіе, услуги и ласки, которыя выразились имъ къ особѣ принцессы, подтвердили мнѣ, что Великій Князь способенъ быть нѣжнымъ въ своемъ семействѣ. Когда принцесса пришла въ себя, Цесаревичъ возвратился ко мнѣ и у насъ снова завязался разговоръ въ такой формѣ, какъ ниже слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ.

— «Когда вы обратно возвратитесь изъ Пулавъ, у меня еще будетъ порученіе, которое я вамъ дамъ къ генералу Хлопицкому. Какъ старый солдатъ, онъ

легко пойметъ, что̀ такое «войско, всего лишенное». Скажите ему, что мы оставили въ казармахъ всю обмундировку и я былъ бы ему признателенъ, если бы онъ доставилъ мнѣ солдатское платье и амуницію (approvisionnements). Пусть онъ все это вышлетъ безъ описи и на мой счетъ въ Брестъ, или передастъ русскому комиссару Колошову, находящемуся въ плѣну въ Варшавѣ. Я полагаю, что ему будетъ возможно это исполнить, какъ потому, что я отдалъ русскія власти подъ ваше покровительство, такъ и потому, что не находимся въ войнѣ. Если бы почему либо это не могло быть исполнено—увѣдомьте меня, чтобы дать мнѣ возможность изъ другого источника получить обмундировку».

Я отвѣтилъ, что съ величайшимъ удовольствіемъ исполню приказанія, которыми угодно будетъ Его Высочеству снабдить меня, и, послѣ глубокаго поклона, вышелъ, чтобы отправиться въ Пулавы.

Въ передней я нашелъ всѣхъ адъютантовъ, которые, окруживъ меня, старались добиться новостей. Между ними находился храбрый полковникъ Турно, изъ чувства благодарности обязавшійся сопровождать до границы Его Высочество. Я встрѣтился съ нимъ какъ всегда должно встрѣчаться съ человѣкомъ, настолько во всѣхъ отношеніяхъ уважаемымъ. Что касается генерала Рожнецкаго—съ нимъ я ограничился предѣлами ледяной вѣжливости; всѣмъ остальнымъ офицерамъ я далъ обѣщаніе доставить ихъ письма въ Варшаву, но съ оговоркой—передать ихъ въ руки главнокомандующаго.

2.

Прибывъ въ полночь въ Пулавы, я въ лодкѣ, не безъ опасности, переѣхалъ Вислу въ минуту, когда шелъ довольно сильный ледъ. Я немедленно отправился къ генералу Моравскому, которому передалъ отчетъ о моемъ разговорѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ, прося его съ тѣмъ вмѣстѣ довесть о немъ до свѣдѣнія *генерала Вейсенгофа* и всего его корпуса. Затѣмъ я сообщилъ о томъ же предметѣ по эстафетѣ полковнику Генриху *Каменскому*, имѣвшему порученіе организировать вооруженіе Люблина, рекомендуя ему пригласить совѣтъ палатината сдѣлать распоряженіе о посылкѣ къ Его Высочеству депутата, съ обязанностью озаботиться продовольствіемъ.

Когда все было улажено, я вновь переѣхалъ обратно Вислу и, около 9-ти часовъ утра, уже снова былъ у Великаго Князя, котораго поспѣшилъ увѣдомить:

1) Что *генералъ Моравскій* получилъ сообщенія, которыя я долженъ былъ передать ему, касательно движенія русскихъ войскъ.

2) Что польскіе командиры отдѣльныхъ частей поставятъ себѣ за удовольствіе раздѣлить съ русскими войсками наличное продовольствіе.

3) Что кромѣ того прибудетъ депутація совѣта палатината, чтобы озаботиться тѣмъ же предметомъ.

4) Что, наконецъ, госпиталямъ приказано принимать больныхъ корпуса.

Великій князь сказалъ, что онъ благодаритъ генерала за три первые пункта; что же касается послѣд-

няго, то раненые предпочитаютъ оставаться во фронтѣ, при своихъ полкахъ. Затѣмъ, онъ пожелалъ узнать: какіе видимые знаки возставшихъ поляковъ?—и такъ какъ я указалъ на національную кокарду и малиновую шапочку, называемую «конфедератка»,—Его Императорское высочество замѣтилъ, что все это точно такъ же, какъ было во Франціи, къ чему я прибавилъ, что у насъ даже нѣтъ недостатка въ Лафайэттѣ, потому что мы имѣемъ *Нѣмцевича*.

Затѣмъ Великій Князь разсказалъ, что, распечатавъ одну эстафету изъ Варшавы, онъ усмотрѣлъ что въ ней говорится о созывѣ сейма, почему и прибавилъ: «зачѣмъ это и чьимъ именемъ онъ созывается?» Я отвѣтилъ, что важныя современныя обстоятельства достаточно объясняютъ необходимость собранія народныхъ представителей, что же касается имени, которымъ оно созывается, то полагаю, что — именемъ Короля, если только отказъ Его Величества не рѣшитъ иначе этого дѣла.

Вслѣдствіе этого разговора, Его Императорское Высочество разрѣшилъ мнѣ высказать ему откровенно мой взглядъ на причины нашей революціи, почему мы и продолжали начатую бесѣду слѣдующимъ образомъ:

ВАЛИЦКІЙ.

— Никогда въ теченіе моей жизни я не былъ ни клеветникомъ, ни возмутитемъ; но такъ какъ Ваше Императорское Высочество мнѣ благосклонно позволили высказать мое мнѣніе, — я осмѣлился бы въ настоящую минуту обратить Ваше вниманіе на предметъ, о которомъ я до сей минуты умалчивалъ изъ чувства деликатности.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ [взявъ меня крѣпко за руку].

— Говорите! говорите! Будьте увѣрены въ моей скромности.

ВАЛИЦКІЙ.

— Волненіе въ арміи и въ народѣ поддерживается присутствіемъ около особы Вашего Императорскаго Высочества личности, которую всѣ обвиняютъ въ причиненіи безчисленныхъ золъ своими полицейскими пріемами; личность эта — генералъ Рожнецкій. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ съ такимъ характеромъ или другія лица, ему подобныя, будутъ окружать Ваше Высочество, — они будутъ постоянной преградой ко всякому чистосердечному примиренію.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ [холодно].

— «Генералъ Рожнецкій не при чемъ во всемъ этомъ дѣлѣ».

При такомъ отвѣтѣ не трудно было замѣтить по выраженію лица великаго князя, что онъ былъ недоволенъ моей откровенностью. Разговоръ перешелъ затѣмъ на разныхъ лицъ, играющихъ въ настоящее время роль въ нашей революціи, и я уже готовился откланяться, когда, взявъ меня крѣпко за руку, Великій Князь сказалъ, что я не уѣду и что онъ оставляетъ меня заложникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ отъ меня, чтобы я послалъ отъ себя эстафету польскому правительству, чтобы получить обратно русскія амуничныя вещи, оставленныя въ казармахъ. Я обратилъ его вниманіе, что не только та-

кая попытка, исходящая изъ русскаго лагеря, навлечетъ мнѣ много непріятелей въ глазахъ моихъ соотечественниковъ, которые стали бы смотрѣть на меня какъ на измѣнника, но что и самое желаніе Его Высочества, чрезъ таковое дѣйствіе съ моей стороны, потерпѣло бы неудачу, почему я и находилъ, что все, что я могу сдѣлать по этому поводу—это отправиться самому лично, давъ честное слово возвратиться обратно. Предложеніе это не было принято и тогда я сказалъ Великому Князю, что хотя и не ожидалъ быть арестованнымъ, потому что мое свиданіе съ нимъ было вызвано однимъ лишь желаніемъ быть ему полезнымъ, но, тѣмъ не менѣе, я подчиняюсь его волѣ.

Въ эту самую минуту, Княгиня Ловичъ отправлялась въ путь. Смотря на ея отъѣздъ, Великій Князь, перекрестивъ ее, проговорилъ:

— «Достойная женщина! Да сохранитъ ее Богъ!.. Мой предокъ, Петръ Великій, при Прутѣ находился въ менѣе плачевномъ положеніи, нежели я въ настоящую минуту: онъ былъ спасенъ своей женой; надѣюсь, что и моя спасетъ меня!»

Въ эту минуту вошелъ полковникъ Турно, для передачи мнѣ писемъ офицеровъ. Чтобы избѣжать для великаго князя смущенія, которое могло бы причинить ему упоминаніе вслухъ о насиліи, мнѣ дѣлаемомъ, я сказалъ полковнику, что Его Высочество изволилъ пригласить меня сопровождать его до Гуры и, по принятіи писемъ, я послѣдовалъ за войскомъ. Во всякомъ случаѣ, это задержаніе тѣмъ болѣе представляло мнѣ затрудненій, что мнѣ были поручены депеши для передачи главнокомандующему.

Не видя никакого другого выхода изъ моего положенія, кромѣ бѣгства, я только и помышлялъ о томъ, какъ бы найти или создать удобный случай.

Мы прибыли въ маленькій городокъ Границу, гдѣ войска расположились на отдыхъ. Я сидѣлъ въ своей каретѣ, когда Провидѣніе ниспослало мнѣ еврея, который, кланяясь, спросилъ меня: «остановимся ли мы тутъ?» — «Что же,—сказалъ я ему,—вы любите русскихъ, слѣдовательно должны быть имъ рады». — «Сохрани Богъ! — отвѣтилъ онъ; — мы любимъ тѣхъ, которые далеко».— «Если такъ,—продолжалъ я,— эти также могутъ удалиться. Вотъ, на-возьми этотъ рубль, сядь верхомъ и подымай тревогу, кричи, что наступаютъ поляки». — Не прошло и пяти минутъ, какъ уже прискакалъ адъютантъ *Монроэ* съ извѣстіемъ, что поляки атакуютъ аріергардъ и что уже захватили плѣнныхъ. Въ одинъ мигъ — артиллерія пустилась рысью, кирасиры поспѣшили за ней, страшное замѣшательство воцарилось повсюду,—я же пользуюсь имъ, чтобы бѣжать, для чего скрываюсь въ лѣсъ, откуда достигаю Радома и возвращаюсь въ Варшаву съ депешами.

V.

Письмо графа Дибича Забалканскаго Императору Николаю Павловичу отъ 31-го декабря 1830 г. (12-го января 1831 г.).

(Переводъ съ французскаго).

Ваше Императорское Величество.

Вернувшись вчера вечеромъ изъ Брестовичъ, считаю долгомъ представить на милостивое воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества подробности моего свиданія съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ.

Согласно смыслу вашего, Государь, повелѣнія, я вмѣнилъ себѣ въ долгъ, тотчасъ по пріѣздѣ сюда, отправить адъютанта, который долженъ былъ прибыть 29-го въ Брестовичъ, съ письмомъ къ Его Высочеству, написаннымъ въ духѣ тѣхъ чувствъ, коими я въ теченіе 25 лѣтъ преисполненъ къ Особѣ Цесаревича, и въ которомъ я прошу разрѣшеніе посѣтить Его Высочество. Разрѣшеніе это я немедленно же получилъ въ самомъ милостивомъ отвѣтѣ и вчера 30-го передъ обѣдомъ прибылъ въ Брестовичъ, находящійся въ 53 верстахъ отсюда.

Его Высочество изволилъ встрѣтить меня на флангѣ почетнаго караула отъ 1-й Карабинерной роты л. гв.

Волынскаго полка, которою командовалъ *капитанъ Гильденштуббе*, съ рапортомъ отъ Варшавскаго отряда.

Несмотря на перенесенную усталость и лишенія всякаго рода, войска имѣли прекрасный видъ подъ ружьемъ и были хорошо одѣты, такъ что нельзя было замѣтить слѣдовъ происшедшей катастрофы. Его Императорское Высочество повидимому остался чрезвычайно доволенъ высказаннымъ мною отзывомъ о войскахъ и поручилъ мнѣ доложить объ этомъ Вашему Величеству, а также о заслугахъ *ген. Герштенцвейга*, дѣятельность котораго въ должности дежурнаго генерала или вѣрнѣе начальника штаба отряда заслужила особенное одобреніе Его Высочества. Великій Князь неоднократно изволилъ напоминать мнѣ о своемъ желаніи, чтобы я передалъ это Вашему Величеству, а также высказалъ, что онъ вполнѣ доволенъ своими войсками, особенно же Волынскимъ полкомъ.

Оставшись со мною наединѣ, Его Высочество передалъ мнѣ всѣ подробности Варшавскихъ событій. Такъ какъ *графъ Орловъ* лично представилъ по этому поводу свой докладъ, и важнѣйшее уже извѣстно Вашему Величеству,—я воздерживаюсь отъ повторенія.

Его Высочество высказалъ также свою сердечную признательность за все то, что Вашему Величеству угодно было сдѣлать для него и преданныхъ ему лицъ; при этомъ Великій Князь съ особенной чувствительностью выразился о самоотверженномъ мужествѣ и существенной помощи въ дѣлахъ, которую проявила *княгиня Ловичъ*, несмотря на ея разстроенное здоровье и бѣдственное положеніе, въ которомъ она находилась.

Его Высочество выяснилъ мнѣ главнѣйшія причины

своего образа дѣйствій, побудившія его запретить русскимъ войскамъ наступательныя дѣйствія. Важнѣйшая заключалась въ томъ, что обстоятельство это могло бы вызвать среди населенія толки, «будто русскіе убиваютъ поляковъ»; что онъ особенно опасался, что, въ случаѣ неудачи, помимо гибели всего русскаго отряда, это послужило бы къ возбужденію ненависти и проявленію революціонаго движенія во всей странѣ, какъ это произошло въ Бельгіи послѣ несчастнаго похода *принца Фридриха* на Брюссель; что даже въ то время Его Высочество не полагался на польскія войска, даже на тѣ, которыя находились внѣ Варшавы, въ виду широкаго распространенія заговора среди подпрапорщиковъ и молодыхъ офицеровъ польской арміи, и что онъ не былъ достаточно увѣренъ, что они предпримутъ, узнавъ, что русскіе войска завладѣли даже Варшавой, убивъ при этомъ извѣстное число поляковъ.

Хотя въ качествѣ военнаго я не могъ согласиться съ этими доводами, имѣющими несомнѣнно значеніе съ точки зрѣнія политической, я промолчалъ, ибо сдѣланнаго уже не воротишь, и при томъ же нѣтъ вѣроятія предполагать, что подобное можетъ повториться.

Его Высочество затѣмъ разспрашивалъ меня о движеніи арміи и о моихъ намѣреніяхъ и повидимому остался доволенъ моими отвѣтами. Цесаревичъ показалъ мнѣ также рапортъ, полученный отъ *Розена*, прибавивъ, что онъ продолжаетъ получать отъ него таковые, но не знаетъ имѣетъ ли на сіе право. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сообщить Его Высочеству все то, что Ваше Величество изволили поручить

мнѣ по этому поводу; я не преминулъ указать, что Ваше Величество принуждены были торопиться назначеніемъ кого-либо для командованія всей арміей, находясь въ совершенной неизвѣстности въ разсужденіи времени возвращенія Его Высочества и не имѣя никакихъ съ нимъ сообщеній, особенно же въ виду предыдущаго заявленія Великаго Князя о нежеланіи его командовать арміей, предназначенной для военныхъ дѣйствій; что Ваше Величество, назначая меня главнокомандующимъ, предоставили Его Высочеству свободный выборъ: или оставаться во главѣ своихъ прежнихъ войскъ или командовать своею русскою гвардіею или принять какое-либо другое рѣшеніе. Его Высочество повидимому остался этимъ чрезвычайно доволенъ, хотя не высказался положительно въ этомъ смыслѣ. Полагаю, что Великій Князь уже написалъ объ этомъ Вашему Величеству черезъ *князя Орлова*, и что до сихъ поръ онъ повидимому желаетъ оставаться во главѣ своихъ прежнихъ войскъ. Великій Князь прибавилъ, что онъ значительно успокоенъ моимъ пріѣздомъ, радъ служить со мною и высказался въ милостивыхъ выраженіяхъ какъ о моей предыдущей службѣ, такъ и о настоящихъ обстоятельствахъ.

Когда вошла княгиня Ловичъ, здѣсь уже находился г. *Опочининъ*, который былъ четвертый за обѣдомъ. Княгиня приняла меня чрезвычайно милостиво. Я передалъ ей порученіе Вашего Величества и Государыни Императрицы, которое она выслушала съ величайшею признательностью; особенно когда разговоръ коснулся о томъ участіи, которое Ваше Величество изволили принять въ тягостномъ положеніи Ихъ Высочествъ.

Княгиню я не нашелъ особенно измѣнившеюся,

что же касается Его Высочества, то онъ выглядѣлъ бодро и видимо оправился отъ перенесенныхъ лишеній и усталости.

За обѣдомъ разговоръ шелъ преимущественно о миссіи *кн. Любецкаго,* при чемъ выражено было удивленіе, что онъ не высказалъ ничего положительнаго о своей миссіи, которая состояла въ томъ, чтобы требовать отъ Вашего Величества *какъ права*—полнаго сохраненія конституціи и *какъ милости,*—на которой однакоже не хотѣли настаивать,—для бывшихъ польскихъ губерній управленія, подобнаго тому, которое существуетъ въ Царствѣ.

Я отвѣтилъ, что прекрасно понимаю, что кн. Любецкій не могъ ясно высказать эти требованія (хотя они приблизительно были изложены въ адресѣ Временнаго Правительства), заявивъ, что онъ прибылъ лишь въ качествѣ Министра Вашего Величества, несмотря на бумаги, которыя онъ привезъ, несмотря на то, что ему писали и что писалъ и говорилъ Великій Князь. Къ этому я присовокупилъ разсказъ о томъ, какъ Ваше Величество неоднократно изволили по этому поводу ставить его въ затрудненіе.

Затѣмъ разговоръ еще нѣсколько разъ коснулся недавнихъ событій. Княгиня Ловичъ при этомъ спрашивала меня, вполнѣ ли я одобряю поведеніе Великаго Князя во время возстанія и просила высказать мое мнѣніе съ тою искренностью военнаго человѣка, которую она видѣла во мнѣ въ теченіе многихъ лѣтъ. Въ такихъ случаяхъ я никогда не скрываю своихъ взглядовъ и поэтому я отвѣчалъ, что въ политикѣ я, быть можетъ, и ошибаюсь, но какъ военный, я бы непремѣнно напалъ на мятежниковъ со

всѣми имѣющимися у меня силами и старался бы подавить движеніе въ самомъ зародышѣ. Его Высочество отнюдь не изволилъ гнѣваться на мой отвѣтъ, но снова повторилъ тѣ соображенія, о которыхъ я упомянулъ выше. Я отвѣтилъ, что высказалъ мое искреннее мнѣніе какъ военный, что оно, можетъ быть, ошибочно съ точки зрѣнія политической, но что я опасаюсь, что главная задача—уменьшить вражду между обоими народами—едва ли будетъ достигнута.

Его Высочество изволилъ бесѣдовать со мною послѣ обѣда еще около двухъ часовъ, при чемъ присутствовала только одна *Княгиня.* Онъ сообщилъ мнѣ еще цѣлый рядъ подробностей о происшедшихъ событіяхъ (подробности, которыя сами по себѣ не представляютъ достаточной важности для того, чтобы упоминать о нихъ Вашему Величеству), а также о своемъ отрядѣ и о поведеніи нѣкоторыхъ лицъ, уже извѣстныхъ Вашему Величеству; о своей надеждѣ вернуть нѣкоторые полки къ своему долгу путемъ отправленія къ польскимъ войскамъ, вышедшимъ изъ Варшавы, надежныхъ лицъ и т. п. Я обѣщалъ принять для этого всѣ мѣры, но опасаюсь, что будетъ очень трудно найти для этой цѣли соотвѣтствующихъ людей, другіе же не будутъ приняты. Тутъ же я вручилъ Его Высочеству и воззванія. Великій Князь сохранилъ ихъ, чтобы затѣмъ прочесть ихъ. Я полагаю разослать ихъ недѣли черезъ двѣ, не раньше.

Когда послѣ ухода княгини вопросъ снова коснулся Литовскаго корпуса, я высказалъ Великому Князю мнѣніе о томъ, что въ настоящее время едва ли было бы удобно отдѣлить гренадеръ отъ того корпуса, котораго они составляютъ такъ сказать естествен-

ный резервъ, и что во избѣжаніе траты времени я прошу разрѣшенія Его Высочества отдавать мои распоряженія непосредственно барону Розену, сообщая о нихъ немедленно Его Высочеству. Великій Князь нашелъ это совершенно правильнымъ, прибавивъ, что онъ во всемъ полагается на меня.

Какъ ни лестно для меня подобное довѣріе и каково бы ни было милостивое ко мнѣ вниманіе Его Высочества,—я тѣмъ не менѣе считаю подобное положеніе вещей крайне щекотливымъ. Съ другой стороны, я отнюдь не полагаю себя въ правѣ совѣтовать Великому Князю вернуться къ Литовскому корпусу. Его Высочество, съ свойственнымъ ему великодушіемъ, отложилъ чувство личнаго самолюбія, оставаясь на своемъ посту, но, повидимому, перемѣщеніе было бы ему пріятно, я даже думаю, что Цесаревичу было бы крайне тягостно разстаться въ настоящее время съ горячо любимой супругой, и еще болѣе тяжело видѣть воюющими противъ насъ войска, которыя онъ съ такою любовью образовалъ для службы Вашего Величества. Смѣю также присовокупить, что въ виду духа времени,—которому я лично далекъ отъ мысли идти на малѣйшія уступки, но который также не слѣдуетъ возбуждать безъ особыхъ основаній, — мнѣ кажется, было бы весьма нежелательно и даже вредно въ интересахъ благого дѣла, чтобы Государи Сами воевали противъ своихъ подданныхъ, которые возстали; развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вспыхнуло возстаніе, ибо тогда все зависитъ отъ немедленно принятыхъ мѣръ,—но если это является обдуманной операціей, въ такомъ случаѣ присутствіе Князей Царствующаго Дома лишь еще

болѣе озлобляетъ возставшихъ (какъ это уже имѣло мѣсто въ Бельгіи) и не можетъ доставить имъ военной славы, которая всегда будетъ омрачена тягостными воспоминаніями.

Въ виду этого мнѣ кажется, что если Ваше Величество благоволите назначить Его Высочеству свиданіе въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, — это было бы наиболѣе желательнымъ, ибо Ваше Высочество найдете тысячу способовъ устроить дѣло такъ, чтобы не огорчить Великаго Князя. Если бы однако Ваше Величество пожелали оставить Цесаревича въ его теперешнемъ положеніи, то все-таки будетъ необходимо установить—сохранитъ ли Его Высочество званіе главнокомандующаго и притомъ съ правами, присвоенными званію въ военное время или безъ таковыхъ. Въ первомъ случаѣ будетъ трудно сохранить единство командованія, что является условіемъ sine qua non успѣха войны; во второмъ, почетная, но мнимая власть умалила бы уваженіе и значеніе этого званія, являющагося самымъ выдающимся доказательствомъ Монаршаго довѣрія, того довѣрія, которое въ Россіи такъ часто бывало источникомъ побѣдъ нашихъ армій, въ то время, какъ въ другихъ государствахъ (особенно въ Австріи) обратная система являлась поводомъ многихъ неудачныхъ кампаній.

Не будетъ ли возможно избѣжать по этому поводу указа, опубликовавъ въ Высочайшемъ приказѣ по арміи расписаніе въ смыслѣ прилагаемаго при семъ проекта?

Имѣя намѣреніе отправить сегодня г. Опочинина, Его Высочество не снабдилъ меня никакими другими порученіями въ Петербургъ. Обо всемъ этомъ Вели-

кій Князь конечно не преминетъ сообщить подробно Вашему Императорскому Величеству.

Дозвольте, Государь, въ заключеніе этого длиннаго письма, которое я считалъ долгомъ написать во всѣхъ подробностяхъ, принести Вашему Величеству и Государынѣ Императрицѣ мои искреннія вѣрноподданническія пожеланія къ наступающему новому году и равно чувства глубочайшей признательности и вѣрнопреданности, съ коими имѣю честь быть

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

гр. Дибичъ-Забалканскій.

Гродно. 31 дек. 1830 г.

VI.

Свѣдѣнія объ организаціи и составѣ Польской арміи и Литовскаго корпуса въ 1830 году.

Въ 1830 году подъ главнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича находилась 75-тысячная армія при 206 орудіяхъ. Армія эта состояла изъ 35.000 польскихъ и 40.000 литовско-русскихъ войскъ.

Польскія войска были организованы въ 1815 году изъ остатковъ войскъ бывшаго Герцогства Варшавскаго и такъ называемаго Вислянскаго Легіона (Légion de la Vistule). Литовскія войска были составлены изъ пополненія нѣкоторыхъ русскихъ полковъ (даже гвардейскихъ) переводомъ въ нихъ уроженцевъ Литвы и западныхъ губерній.

Польскія войска имѣли особую форму обмундированія, свой гербъ на знаменахъ и киверахъ и присягали польскому конституціонному Королю. Командный языкъ былъ польскій.

Литовскія войска представляли какъ бы среднее между русской и польской арміей и носили форму, похожую на русскую и польскую. Присяга и командный языкъ были русскіе, но гербъ нѣсколько отли-

чался отъ государственнаго русскаго: на груди двуглаваго орла изображенiе св. Георгiя Побѣдоносца было замѣнено Литовскимъ всадникомъ.

Польскiя войска составляли армiю изъ двухъ корпусовъ: пѣхотнаго и кавалерiйскаго; литовскiя — составляли одинъ «Литовскiй отдѣльный корпусъ». Отборныя войсковыя части польскихъ и литовскихъ войскъ (гвардiя и гренадеры) составлялъ такъ называемый «Резервный корпусъ», находившiйся въ Варшавѣ[1]) подъ непосредственнымъ наблюденiемъ Великаго Князя Константина Павловича.

Прилагаемъ краткое расписанiе этихъ войскъ.

I. Резервный корпусъ.

Сводно-гвардейская и гренадерская дивизiя.

1-я бриг.	Л.-Гв. Литовскiй полкъ	2 бат.
	Гвардейскiй Гренадерскiй полкъ (польск.)	2 »
2-я бриг.	Самогитскiй Гренадерскiй полкъ	2 »
	Луцкiй Гренадерскiй полкъ	2 »
3-я бриг.	Л.-Гв. Волынскiй полкъ	2 »
	Несвижскiй Карабинерный полкъ	2 »

Сводно-гвардейская и гренадерская артиллерiйская бригада.

Л.-Гв. пѣшая батарейная № 5 рота	12 оруд.
Гренадерская батарейная № 1 рота	8 »
Гренадерская легкая № 2 рота	8 »
Ракетная пѣшая полубатарея (польская)	6 »

Гвардейская кавалерiйская дивизiя.

1-я бриг.	Л.-Гв. Подольскiй кирасирскiй полкъ	4 эск.
	Л.-Гв. Уланскiй Е. И. Выс. Цесаревича полкъ	4 »

[1]) Изъ русскихъ (литовскихъ) войскъ только гвардейскiе полки.

2-я бриг.	Гвардейскiй конно-егерскiй полкъ (польск.)	4 »
	Л.-Гв. Гродненскiй гусарскiй полкъ	4 »

Гвардейская конно-артиллерiйская бригада.

Л.-Гв. Конная легкая № 3 рота	8 оруд.
Гвардейская конная позицiонная батар. (польск.)	8 »
Конная ракетная полубатарея (польская)	4 »
Саперный баталiонъ	1 бат.

II. Польская армiя.

а) Пѣхотный корпусъ.

1-ая пѣхотная дивизiя.

1 бригада.	1-й линейный Его Величества полкъ	2 бат.
	5-й линейный полкъ	2 »
2 бригада.	2-й линейный полкъ	2 »
	6-й линейный полкъ	2 »
3 бригада.	1-й егерскiй Вел. Кн. Михаила Павловича полкъ	2 »
	3-й егерскiй полкъ	2 »

1-я пѣшая артиллерiйская бригада.

Батарейная № 1 батарея	12 оруд.
Легкая № 2 батарея	12 »
Легкая № 3 батарея	12 »
1-й Фурштадтскiй баталiонъ.	

2-я пѣхотная дивизiя.

1-я бригада.	3-й лин. Вел. Кн. Константина Николаевича полкъ	2 бат.
	7-й линейный полкъ	2 »
2-я бриг.	4-й линейный полкъ	2 »
	8-й линейный полкъ	2 »
3-я бриг.	2-й егерскiй полкъ	2 »
	4-й егерскiй полкъ	2 »

2-я пѣшая артиллерійская бригада.

Батарейная № 2 батарея		12 оруд.
Легкая № 3 батарея		12 »
Легкая № 4 батарея		12 »

2-й Фурштадтскій баталіонъ.

б) Кавалерійскій корпусъ.

Конно-егерская дивизія.

1-я бригада.	1-й Конно-егерскій Наслѣдника и Вел. Кн. Александра Николаевича полкъ .	4 эск.
	2-й Конно-егерскій Ея Величества полкъ .	4 »
2-я бриг.	3-й Конно-егерскій полкъ	4 »
	4-й Конно-егерскій полкъ	4 »

Уланская дивизія.

1-я бриг.	1-й уланскій принца Оранскаго полкъ .	4 эск.
	2-й уланскій полкъ	4 »
2-я бриг.	3-й уланскій полкъ	4 »
	4-й уланскій полкъ	4 »

Конная артиллерійская бригада.

Конная легкая № 1 батарея	8 оруд.
Конная легкая № 2 батарея	8 »
3-й Фурштадтскій баталіонъ	1 бат.
Жандармы	2 эск.

ОБЩІЙ СОСТАВЪ ПОЛЬСКИХЪ ВОЙСКЪ.

	Полковъ.	Баталіон.	Эскадрон.	Батарей.		Орудій.	Человѣкъ.
Пѣхоты . . .	14[1]	28	—	пѣш.	кон.	—	25.000
Кавалеріи .	10	—	38[2]	—	—	—	7.000
Артиллеріи .	—	—	—	$6^1/_2$	$3^1/_2$	106	2.100
Инж. войскъ.	—	1	—	—	—	—	900

Всего . . . . . 35.000 человѣкъ и 106 орудій.

[1]) Считая гвардейскихъ Гренадеръ и Ветерановъ.

[2]) Считая гвардейскихъ Конныхъ-Егерей и Жандармовъ.

III. Отдѣльный литовскій корпусъ.

24-я пѣхотная дивизія.

1-я бриг.	Брестскій пѣхотный полкъ	2 бат.
	Бѣлостокскій пѣхотный полкъ	2 »
2-я бриг.	Литовскій пѣхотный полкъ	2 »
	Виленскій пѣхотный полкъ	2 »
3-я. бриг.	47-й егерскій полкъ	2 »
	48-й егерскій полкъ	2 »

24-я пѣшая артиллерійская бригада.

Батарейная № 1 рота	8 оруд.
Легкая № 2 рота	8 »
Легкая № 3 рота	8 »

25-я пѣхотная дивизія.

1-я бриг.	Волынскій пѣхотный полкъ	2 бат.
	Минскій пѣхотный полкъ	2 бат.
2-я бриг.	Подольскій пѣхотный полкъ	2 »
	Житомірскій пѣхотный полкъ	2 »
3-я бриг.	49-й Егерскій полкъ	2 »
	50-й Егерскій полкъ	2 »

25-я пѣшая артиллерійская бригада.

Батарейная № 1 рота	8 оруд.
Легкая № 2 рота	8 »
Легкая № 3 рота	8 »

Литовская уланская дивизія.

Польскій уланскій полкъ	6 эск.
Татарскій уланскій полкъ	6 »
Литовскій уланскій полкъ	6 »
Волынскій уланскій полкъ	6 »

*

16-я конная артиллерійская бригада.

31-я конная легкая батарея	8 оруд.	
32-я конная легкая батарея	8 »	
Литовскій піонерный баталіонъ	1 бат.	

Такимъ образомъ общій составъ Литовскихъ войскъ выражался въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Полковъ.	Баталіоновъ.	Эскадр.	Человѣкъ.	Орудій.
Пѣхоты	17	34	—	30.600	—
Кавалеріи	7	—	36	6.500	—
Артиллеріи	—	12 батар.	—	2.000	100
Піонеровъ	—	1	—	900	—
			Всего	40.000	100

ВАРШАВСКІЙ ГАРНИЗОНЪ ВЪ НОЯБРѢ 1830 ГОДА СОСТАВЛЯЛИ:

А. Польскія войска.

I. Гвардія.

Гренадерскій полкъ	2	бат.
Конно-егерскій	4	эск.
Конная батарея	8	оруд.

II. Армія.

4-й пѣхотный полкъ	2	бат.
Гренадерскія роты, остальныхъ пѣхотныхъ полковъ—14 ротъ	$3^1/_2$	бат.
Карабинерныя роты егерскихъ полковъ—8 ротъ	2	бат.
Ракетная полубригада (1 конная и 1 пѣшая полубатарея)	10	оруд.
Саперный баталіонъ	1	бат.

Итого $10^1/_2$ батал. 4 эск. и 2 батар.=10 тыс. чел. и 18 оруд.

В. Русскія войска.

Полки Лейбъ-Гвардіи:

Литовскій	2	бат.
Волынскій	2	»
Подольскій Кирасирскій	4	эск.
Уланскій Цесаревича	4	»
Гродненскій гусарскій	4	
Конной легкой № 3 роты	8	оруд.
Пѣшей батарейной № 5 роты	12	»

Итого . . . 4 бат. 12 эск. 20 оруд. 7 тыс. чел. 20 ор. [1])

РОЛЬ СТАРШИХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ ПОЛЬСК. ВОЙСКА

въ Варшавѣ, въ ночь на 18 ноября 1830 г.

1. Военный министръ ген.-отъ-арт. гр. *Маврикій Гауке.*
2. Начальникъ Главнаго Штаба ген. *Семіонтковскій.*
3. Командиръ пѣх. корп. ген.-отъ-инф. гр. *Ст. Потоцкій.*
4. Командиръ 2-й бригады 2-й пѣх. див. ген. *Блюмеръ.*
5. Начальникъ школы подпрапорщиковъ ген. *Трембицкій.*

   Всѣ 5 мужественно стремились возстановить порядокъ, но были убиты мятежниками.
6. Командиръ Резервнаго корпуса ген.-адъют. ген.-отъ-кавал. гр. *Викентій Красинскій.*
7. Начальникъ гв. кавал. дивизіи ген.-адъют. *Курнатовскій.*
8. Командиръ 2-й бриг. сводн. гв. дивизіи ген. *Жимирскій.*
9. Командиръ гв. Гренадерскаго полка фл.-адъют. полк. *Бураковскій.*
10. Командиръ гв. Конно-Егерскаго полка фл.-адъют. полковникъ *Ягминъ.*

    Всѣ 5 послѣдовали за Вел. Княземъ въ Вержбу, откуда отпущены въ Варшаву, при чемъ Красинскій и особенно Курнатовскій спасены отъ ярости черни лишь благодаря заступничеству Хлопицкаго.
11. Командиръ 1-й пѣшей артил. бригады ген. *Редель. Едва спасся отъ толпы.*

[1]) Пѣшая батарея стояла въ Скерневицахъ, а конная—въ Гурѣ.

12. Командиръ 4-го пѣхотнаго полка фл.-адъют. полковн. *Богуславскій. Мужественно удерживалъ свой полкъ, но былъ отброшенъ силой.*
13. Командиръ Савернаго баталіона подполк. *Майковскій.*
14. Командиръ Гв. конной батареи подполк. *Хоржевскій. Подъ угрозой смерти оба вынуждены были привести свои части къ мятежникамъ.*
15. Командиръ кавалерійск. корп. ген.-отъ-кав. *Рожнецкій. Спасся переодѣтымъ.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ *).

*) Помѣщаемыя здѣсь свѣдѣнія о генералъ-и флигель-адъютантахъ Александра I и Николая I, принадлежавшихъ къ Польской арміи 1815—1830 гг.,—любезно предоставлены намъ генералъ-маіоромъ В. В. Квадри, впервые приведшимъ ихъ въ точную извѣстность путемъ архивныхъ изысканій.

Готовятся къ печати

Книги того же автора:

1. **1812 годъ.** Библіографическій указатель статей, относящихся къ Отечественной войнѣ 1812 г., напечатанныхъ въ журналѣ „Русская Старина" съ 1870 по 1905 гг., съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой статьи.
2. **Имперія Микадо.** Историко-бытовые очерки Японіи съ древнѣйшихъ временъ до начала эры „Мейдзи".